

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Ученія объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ въ западной Европѣ (окончаніе). <i>П. Громова</i>	309—336
Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горскаго-Платонова</i>	337—357
Религіозно - нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковского Университета <i>В. Надлера</i>	358—376
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Изъ ученія Аристотеля о безсмертіи души. Приватъ-доцента философіи при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ <i>Пав. Лейнфельда</i>	225—254
Рѣчь, произнесенная въ день освященія новоустроеннаго зданія при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Свящ. <i>Т. Буткевича</i>	255—280
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Ивѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столбшиниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентября 30 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

УЧЕНІЯ

ОВЪ ОТНОШЕНІАХЪ

МЕЖДУ ЦЕРКОВІЮ И ГОСУДАРСТВОМЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Окончаніе *).

IV.

Теорія територіальная.

Территоріальная система отношеній между церковью и государствомъ, имѣвшая своею цѣлю въ отношеніи къ религіи полную свободу человѣка и требовавшая всеобщей терпимости и въ области права вообще и въ области вѣры въ частности, основывается на двоякихъ началахъ: на началахъ религіознаго ученія піетизма и началахъ теоріи такъ называемаго естественнаго права.

Укажемъ основныя положенія того и другого ученія, относящіяся къ нашему вопросу.

На западѣ, со времени реформаціи Лютера, никогда не было такого сильнаго религіознаго оживленія, какое произошло въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Описывая эту эпоху въ протестантизмѣ, историки ¹⁾ справедливо сравниваютъ ее съ эпохою, предшествовавшею реформаціи XVI вѣка. Въ XV и XVI вв. повсюду все было въ разстройствѣ: духъ роман-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1890 г. № 17.

¹⁾ Hahenbach, Vorlesungen über Wesen u. Geschichte d. Reformation (T. IV).
H. Schmid, Die Geschichte d. Pietismus.

тизма исчезъ почти совершенно, схоластика превзошла саму себя, свѣтскость изъ Франціи разлилась по всей Европѣ, римскій престолъ расшатался. Подобное же разстройство было и въ XVII вѣкѣ. Въ политическомъ отношеніи замѣчаемъ упадокъ цвѣтущаго состоянія Германіи, въ церковно-религіозномъ—нестроеніе и безпорядки, одну внѣшность и внутреннюю мертвенность, въ нравственной жизни почти всеобщее разслабленіе, въ богословіи и проповѣдничествѣ—пустую полемику и схоластику, извѣстную подъ именемъ протестантской ортодоксіи. Подобно тому, какъ въ XVI вѣкѣ для уничтоженія безпорядковъ въ церковно-религіозной жизни и на защиту личныхъ правъ и свободы человѣка предъ папизмомъ явился протестантизмъ, теперь, въ XVII в., въ противодѣйствіе нравственнымъ и богословскимъ церковно-религіознымъ недостаткамъ, которыми страдало общество того времени, выступилъ полный жизни піетизмъ. Основатель его, Филиппъ Яковъ Шпенеръ со всею силою убѣжденія и со всею искренностію христіанской ревности, возсталъ противъ мертвенности ортодоксіи.

Піетизмъ былъ не случайнымъ явленіемъ; возникновеніе и развитіе его было обусловлено исторіей протестантизма. Реформація Лютера имѣла цѣлію отстоять личныя права человѣческаго духа въ религіи. Лютеръ отвергъ авторитетъ католической іерархіи, въ дѣлѣ спасенія устранилъ всякое внѣшнее посредство и поставилъ человѣка въ непосредственное отношеніе къ спасающей благодати; но освободивъ человѣка отъ тяжелаго гнета папскаго произвола, онъ лишилъ его свободы съ другой стороны: онъ всецѣло предоставилъ судьбу христіанина дѣйствию благодати и не оставилъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго мѣста свободѣ вѣрующаго. Такъ, идея личной свободы человѣческаго духа въ протестантиствѣ и осталась только одною идею. Мало того, протестантиство еще болѣе стѣсняло человѣческій духъ, когда сдѣлало религію достояніемъ одного ума и памяти и бездушной вѣрою въ букву символическихъ (протестантскихъ) книгъ. Очевидно, что нравственныя стремленія человѣческаго духа не могли удовлетвориться одною только отвлеченною теоріею, и личная свобода рано или поздно должна была заявить свои права. Это имен-

но и случилось въ половинѣ XVII столѣтія, въ эпоху появленія піэтизма, который былъ самымъ законнымъ и дѣйствительнымъ протестомъ челоѡка за права личной свободы въ дѣлѣ религіи. Піэтизмъ не думалъ возставать противъ самаго ученія лютеранства; онъ хотѣлъ только оживить мертвую ортодоксію, привязавшую духъ христіанства къ одной его буквѣ. Шпенеръ не хотѣлъ быть реформаторомъ¹⁾; онъ стоялъ на той же догматической почвѣ, на которой стоялъ и Лютеръ; онъ обратилъ только вниманіе на внутреннее, дѣятельное христіанское благочестіе. По ученію піэтизма, религія должна быть не только достояніемъ ума, но и принадлежностію сердца; она не есть пѣчто объективное, но должна слываться съ нравственностію и управлять дѣятельностію челоѡка. Піэтизмъ поставилъ дѣятельную любовь къ Богу принципомъ, а совѣсть критеріемъ, мѣриломъ нравственныхъ понятій и нравственной жизни и предоставилъ челоѡку право *лично* усвоенія спасительныхъ заслугъ Искупителя. Но піэтизмъ, обращая все вниманіе на практическое благочестіе, неизбѣжно подрывалъ этимъ значеніе теоретической стороны христіанства. Изъ сущности піэтизма естественно происходило то, что приверженцы его не только ограничивали суевѣрное уваженіе къ символическимъ книгамъ, которое протестантская ортодоксія доводила даже до вѣрованія въ ихъ богодухновенность, но и совершенно отрицали вѣроисповѣдныя разности. Изъ среды піэтистовъ сталъ слышаться голосъ индифферентизма въ отношеніи къ религіи и церкви: одни провозглашали уничтоженіе всѣхъ церквей и ложъ всѣхъ вѣроисповѣданій, другіе проповѣдывали равноправность и равнокачественность всѣхъ религій и находили неумѣстными и оскорбительными для чувства благочестія всякіе религіозные споры.

Эти взгляды піэтизма²⁾ легли въ основу такъ называемой территоріальной системы въ области ученія о религіи и церкви; изъ нихъ послѣдовательно вытекали и основныя положе-

1) Habenbach, cit., 192.

2) Подробнѣе о піэтизмѣ см. Habenbach, cit., особ. Vorles. VII — XI; H. Schmid, cit., особ. Cap. II, X.

нія этой системы относительно законности тѣхъ правъ государства предъ церковью, которыхъ требовала теорія такъ называемаго естественнаго права.

Подъ естественнымъ правомъ разумѣется то, которое основывается на природѣ человѣка. Первымъ виновникомъ ученія о правѣ естественномъ былъ извѣстный юристъ начала XVII вѣка Гуго Гроцій. Въ сочиненіи «De jure belli et pacis»¹⁾, непосредственною задачею котораго было доказать, что въ международныхъ отношеніяхъ должны господствовать не однѣ своекорыстныя цѣли, но и правила справедливости и человѣколюбія, Гроцій находитъ естественное право въ инстинктѣ и разумѣ человѣка. Право это, долженствующее имѣть цѣлю охраненіе общежитія, опредѣляется Гроціемъ такъ: «естественное право есть предписаніе праваго разума, указывающее, что въ извѣстномъ дѣйствіи, смотря потому, согласно оно или не согласно съ разумною и общежительною природою человѣка, есть нравственное безобразіе или нравственная необходимость, а потому подобное дѣйствіе или запрещается Богомъ или предписывается»²⁾. Отъ естественнаго права Гроцій отличаетъ право положительное или добровольное (*jus voluntarium*), которое истекаетъ изъ свободной воли лицъ³⁾. Въ изслѣдованіи права этого рода у него находятся особенно важныя для насъ мысли о государствѣ. Государство опредѣляется имъ какъ «совершенный союзъ свободныхъ людей для охраненія права и для общей пользы»⁴⁾. Эти двѣ близко стоящія другъ къ другу цѣли государства сводятся далѣе къ одной—охраненію спокойствія»⁵⁾. Въ устроенномъ по теоріи Гроція государствѣ должны водвориться одинъ духъ и полное общеніе гражданской жизни, результатомъ и выраженіемъ которыхъ необхо-

1) Сочиненіе это въ первый разъ явилось въ 1625 г. Полное названіе его такое: *Hugonis Grotii de jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium, item juris publici praecipua explicantur*. Мы пользовались изданіемъ 1646 года.

2) *Hug. Grot. ibid. Lib. I, cap. 1, § X, p. 4.*

3) *Ibid. Cap. I, § XIII, p. XIV, 6. 7.*

4) *Ibid. § XIV, p. 6.*

5) *Ibid. cap. IV, § II, p. 80.*

димо является верховная власть ¹⁾. Государственная власть называется верховной потому, что ея дѣйствія не подлежатъ чужому праву, т. е. не могутъ быть уничтожены другою волею ²⁾. По существу своему она едина и не раздѣльна, хотя и можетъ распредѣляться между многими лицами, которыя въ этомъ случаѣ всѣ составляютъ одно ³⁾. Уже въ этихъ положеніяхъ Гроція видна мысль поставить цѣлю государства исключительно охраненіе общественнаго блага и всю власть въ человѣческомъ обществѣ отдать въ руки власти государственной, устранивъ всякую другую. То же самое ученіе, только болѣе опредѣленно и рѣшительно, развиваетъ англичанамъ Томасъ Гоббесъ. Въ своемъ сочиненіи «De cive» онъ также полагаетъ въ основу государства договоръ и опредѣляетъ его такимъ образомъ: «государство есть единое лицо, воля котораго, вслѣдствіе договора многихъ людей, считается волею всѣхъ; такъ что оно можетъ употреблять силы и способности каждаго для общаго мира и защиты». Лицо или собраніе, волю котораго подчиняются всѣ, называется *верховой властію*. Она стоитъ выше всѣхъ, не подлежитъ чьему-либо суду или контролю; она все можетъ дѣлать безнаказанно; она подобна душѣ въ человѣческомъ тѣлѣ: какъ человѣкъ можетъ хотѣть или не хотѣть единственно душою, такъ и государство можетъ имѣть волю чрезъ свою верховную власть ⁴⁾. Сообразно съ такими правами верховной власти государства, Гоббесъ вручаетъ ей и права въ церкви: она можетъ быть толковательницею не только нравственныхъ законовъ, вытекающихъ изъ требованій мирнаго общежитія, но, по мнѣнію Гоббеса, и тѣхъ правилъ, которыя разумъ предписываетъ относительно поклоненія Божеству ⁵⁾. Чтобы церковь, разсуждаетъ Гоббесъ, составляла одно тѣло, необходимо, чтобы въ ней существовало собраніе, облеченное верховнымъ правомъ, — не-

1) Ibid. Lib. II, cap. IX, p. 206.

2) Ibid. Lib. I, cap. III, § VII.

3) Ibid. Lib. II, cap. 6, § VII, p. 172.

4) Чичеринъ, Исторія политич. ученій, т. 2, стр. 31—33.

5) Чичер., Исторія политич. уч., т. 2, стр. 35. Ся. Martens, Die Beziehungen. d. Ueberordnung. S. cit. s. 402.

обходимо также, чтобы существовала власть, которая могла бы созывать это собраніе и принуждать членовъ его къ совѣщанію; иначе постановленія церкви не могли бы имѣть обязательной силы, и церковь была бы только собраніемъ отдѣльныхъ лицъ. А принуждать гражданъ къ повиновенію въ каждомъ государствѣ можетъ только верховная власть, иначе въ одномъ обществѣ будетъ двѣ власти, т. е. два государства, что противорѣчитъ естественному закону. Слѣдовательно, христіанская церковь и христіанское государство составляютъ одно тѣло, только съ разныхъ точекъ зрѣнія. Верховная власть въ обѣихъ областяхъ принадлежитъ одному и тому же правительству; гражданскіе законы оно издаетъ само, а толкованіе Св. Писанія производитъ чрезъ назначенныхъ имъ «святителей». Даже въ нехристіанскомъ государствѣ немислимо раздѣленіе властей; потому тамъ христіанину при извѣстныхъ законахъ государства остается принять мученическій вѣнецъ ¹⁾. Но если, говоритъ Гоббесъ, верховная власть предписываетъ не вѣрить въ Іисуса Христа, то подобное повелѣніе не имѣетъ силы, такъ какъ вѣра есть дѣло внутреннее, которое не подчиняется велѣніямъ человѣческой власти; если же предписывалось бы какое-либо внѣшнее исповѣданіе, противное христіанству, то гражданинъ обязанъ повиноваться, сохраняя въ сердцѣ вѣру въ Христа Спасителя. Впрочемъ, по мнѣнію Гоббеса, отсюда можетъ быть сдѣлано исключеніе. Такъ, гражданинъ можетъ не повиноваться верховной власти, если она или вовсе запрещаетъ поклоненіе Богу, или предписываетъ дѣйствіе, оскорбляющее Бога, или заставляетъ поклоняться идоламъ ²⁾.

Такимъ образомъ, то, къ чему шелъ Гроцій и что только вытекало, какъ необходимое слѣдствіе изъ началъ естественнаго права, прямо и положительно высказалъ и развилъ Гоббесъ. Этотъ послѣдній чисто юридическія начала распространилъ уже и на область церкви, у которой отнималась ея самостоятельность: человѣкъ только во внутренней жизни, въ

¹⁾ Чичеринъ, тамъ же, стран. 36—37. Ср. ученіе Меланхтона, Кальвина и Цвингли: см. выше, гл. II.

²⁾ Чичеринъ, тамъ же, стр. 41.

дѣлѣ вѣры и совѣсти, имѣлъ право быть свободнымъ. Въ XVII вѣкѣ нѣсколько расширяли права человѣка англійскіе демократы, которые говорили, что утвержденіе, будто короли обязаны отчетомъ единственно Богу, есть испроверженіе всякаго закона и всякаго правительства. Но уже епископъ той же англійской церкви Ричардъ Кумберландъ снова примыкалъ къ точкѣ зрѣнія Гоббеса, надѣляя верховное правительство государства неограниченной властью и поставляя его, даже въ случаѣ злоупотребленій, отвѣтственнымъ предъ однимъ только Богомъ ¹⁾).

Вообще, теоріи естественнаго права по вопросу объ отношеніи государства къ церкви можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) государство выше всего; верховная власть его стоитъ непосредственно подъ Богомъ и имѣетъ, потому, полноправіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни, гдѣ эта послѣдняя можетъ подлежать внѣшней силѣ; только совѣсть человѣка остается изъята изъ предметовъ, подлежащихъ неограниченнымъ правамъ государственнаго союза; отсюда—2) церковь, какъ видимый союзъ, какъ видимое общество, не имѣетъ никакихъ правъ помимо государства; она стоитъ не внѣ, или подлѣ его, а въ немъ, подчиняясь ему и служа его цѣлямъ: только одна вѣра, какъ имѣющая основаніе въ свободной совѣсти, остается собственностію церкви, не подлежащею вѣдѣнію государства.

Указанныя ученія имѣли собственно политическій характеръ; разрабатывая теорію естественнаго права, они имѣли въ виду указаніе цѣли и правъ государства или, точнѣе, гражданской власти, касаясь вѣры и церкви лишь настолько, насколько это необходимо было для полноты теоріи, такъ какъ нельзя было игнорировать фактовъ, нужно было такъ или иначе объяснить съ точки зрѣнія такъ называемаго естественнаго права всякое явленіе жизни и установить опредѣленное отношеніе между разными сферами ея. Собственно же нравственными писателями въ области права, канонистами, болѣе или менѣе спеціально рѣшавшими вопросы церкви и зависи-

¹⁾ Чичеринъ, тамъ же, 2, стр. 87. 96—100.

ности ея отъ государства по началамъ естественнаго права, были въ XVII и XVIII в. Самуиль Пуфендорфъ, Христианъ Томазій и Бёмеръ.

1) Теорія Пуфендорфа не представляетъ большой самостоятельности; она скорѣе имѣетъ эклектическій характеръ; въ его сочиненіяхъ «De jure naturae et gentium» и «De officio hominis et civis» не мало положеній, сходныхъ съ положеніями предыдущихъ теорій. 2) Теорія Пуфендорфа не чужда значительныхъ недостатковъ: логическихъ неправильностей и даже противорѣчій¹⁾, смѣшенія разнородныхъ понятій и непрочности юридическихъ началъ²⁾, неточности и даже невѣрности въ раздѣленіи естественнаго и откровеннаго законовъ³⁾,—вообще неопредѣленна и далеко не имѣетъ вида полно развитой и законченной теоріи. 3) Ученіе Пуфендорфа въ вопросѣ объ отношеніи между церковью и государствомъ съ одной стороны примыкаетъ къ теоріи такъ называемой епископальной⁴⁾, съ другой, какъ увидимъ, къ позднѣйшей—коллегіальной⁵⁾. Въ виду этихъ соображеній мы не будемъ подробно излагать ученіе этого канониста; мы укажемъ только нѣкоторыя основныя черты его, во-первыхъ, потому что оно все же представляетъ новое явленіе въ области права, во-вторыхъ, потому что на немъ воспитался и изъ него выходилъ въ своихъ воззрѣніяхъ Томазій, въ-третьихъ, наконецъ, потому что она опредѣляетъ отношенія государства къ церкви такъ, какъ, по принятому, опредѣляетъ ихъ система территориальная.

Пуфендорфъ начинаетъ свои изслѣдованія съ естественнаго права и потомъ желаетъ дать понятіе о естественномъ законѣ. Такъ какъ этотъ послѣдній имѣетъ обязательную силу,

1) См. De jure naturae et gentium, lib. I, cap. I—VI.

2) Ibid. cap. VII—VIII.

3) S. Puffend., De officio hominis et civis juxta legem naturalem. 1684. См предисловіе: «Lectori benevolo salutem»...

4) См. напр. Dissertationes academicae. Disquisitio de monstrosa republica. 1678. § 13. 14, p. 491—492.

5) Чичер., указ. соч., II, 212—214 и слѣд.—Stahl, cit. s. 17.—Jahrbücher für protest. Theologie. 1882, № 1. Die Lehren von d. natur. Religion. u. von Naturrecht, s. 35.

то верховнымъ законодателемъ его Пуфендорфъ признаетъ Бога ¹⁾ и понимаетъ его, какъ вложенную Творцомъ въ природу человѣка потребность извѣстнаго образа жизни. Переходя отъ ученія о естественномъ законѣ и правѣ къ ученію объ обязанностяхъ, Пуфендорфъ раздѣляетъ ихъ на три рода: обязанности человѣка въ отношеніи къ себѣ самому, къ другимъ людямъ и къ Богу. Обязанности человѣка по отношенію къ себѣ, по ученію Пуфендорфа, состоятъ въ самосохраненіи и развитіи своихъ способностей ²⁾. Обязанности человѣка къ другимъ людямъ Пуфендорфъ раздѣляетъ на собственныя или абсолютныя и условныя; къ абсолютнымъ обязанностямъ человѣка онъ относитъ обязанности нравственныя—никого не оскорблять, считать всѣхъ по природѣ себѣ равными, дѣлать по возможности добро другимъ, соблюдать вѣрность въ договорахъ и т. п.; обязанности же условныя онъ полагаетъ въ охраненіи языка, собственности и власти ³⁾. Обязанности человѣка къ Богу, по Пуфендорфу, распадаются на обязанности теоретическія, имѣющія своимъ предметомъ истинное познаніе Бога, и обязанности практическія, заключающіяся въ истинномъ поклоненіи Ему ⁴⁾. По началамъ естественнаго права, согласно съ вышеприведенными положеніями, Пуфендорфъ устанавливаетъ понятіе о государствѣ и церкви и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Государственная власть, по Пуфендорфу, основана на добровольномъ, по волѣ Божіей, подчиненіи однихъ другимъ «во избѣжаніе зла отъ буйныхъ людей» и скрѣпляется договоромъ ⁵⁾; государство, поэтому, есть сложное нравственное лицо; воля котораго, утвержденная договорами многихъ людей, считается волею всѣхъ; такъ что оно можетъ употреблять силы

1) De jure naturae et gentium, lib. II, c. 1; ср. De officio hominis et civis, lib. I, c. II, § 16; ср. Dissert. Disquisitio de monstrosa republica, p. 468 etc.

2) De jure nat. et gent., l. II, c. IV—VI; ср. De off. hom. et civis, l. I, c. IV.

3) De jure nat. et gen., l. III; ср. De officio hom. et civis, l. I, ec. VII—IX, X—XI; ср. Disquisitio de m. republica: De concordia verae politicae cum relig. christiana, p. 465 etc.

4) De officio h. et c., l. I, cap. IV, p. 57, 58 etc.

5) De jure naturae et g., l. VII, c. I—II; ср. Disquisitio., cit., p. 465—9; ibid. De obligatione erga patriam, p. 16.

и способности каждаго для общаго мира и безопасности ¹⁾). Верховная власть государства абсолютна; она простирается на всѣ области жизни и не подлежитъ ни чьему сужденію; отъ нея исходятъ всѣ законы; хотя она и не можетъ простирается на совѣсть, не можетъ уничтожить внутреннюю свободу человѣка, однако имѣетъ право запрещать ученія, возмущающія общественное спокойствіе ²⁾); она и не раздѣльна, какъ само государство ³⁾). Впрочемъ, Пуффендорфъ признаетъ полезнымъ ограниченіе власти одного лица извѣстными предѣлами, за которые оно переступать не можетъ. Такъ какъ, говоритъ онъ, одно лицо легко можетъ заблуждаться, то въ устраненіе ошибокъ необходимо установленіе совѣта изъ представителей народа, съ мнѣніемъ котораго правитель при рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ обязанъ сообразоваться ⁴⁾). Для истиннаго пониманія существа христіанской церкви, по теоріи Пуффендорфа, нужно рѣшить вопросъ: имѣлъ-ли І. Христосъ намѣреніе установить духовную власть, которой бы должны были подчиняться Его послѣдователи? Если будетъ признано, что существуетъ такая власть, установленная Христомъ, тогда для протестантовъ не остается ничего болѣе, какъ возвратиться подъ иго папы, какъ бы оно тяжело не было. Но достаточно безъ предвзятыхъ мыслей прочитать Евангеліе, чтобы убѣдиться, что Основатель христіанства не имѣлъ намѣренія облачать Своихъ Апостоловъ какою-либо властію. Онъ вездѣ является только учителемъ, сообщающимъ Своимъ ученикамъ слово истины; учителемъ нестяжачія и человѣколюбія; Онъ посылаетъ Апостоловъ не управлять міромъ, а проповѣдывать ему добрую вѣсть о наступленіи царства Божія и раскаяніе во грѣхахъ. Отсюда непосредственно Пуффендорфъ выводитъ и отношеніе государства къ церкви. Если царство Христово не «отъ міра сего», то въ немъ не должно быть никакого начальства; церковь имѣетъ одну власть І. Христа; кромѣ Его,

1) De jure n. et g., l. VII, c. II; ср. уч. Гоббеса.

2) De jure nat. et gen., l. VII, c. III, VI.

3) Ibid. c. II.

4) Ibid. c. VI.

она во всемъ должна подлежать установленной Богомъ абсолютной власти государственной ¹⁾. Раздѣленіе власти было бы незаконно и, кромѣ того, ненормально; оно образовало бы болѣзненное тѣло: при раздѣленіи власти между разными лицами всегда можетъ произойти внутреннее разстройство и борьба; одна власть будетъ безсильна, другая получить преобладаніе ²⁾. «Что касается до того, говоритъ Пуффендорфъ, чтобы всякая вѣра требовала необходимо при себѣ церковнаго правленія, не можемъ имѣть ясно сему истины и причины. Ибо человѣческій разумъ понять не можетъ, чтобы, когда Богу служить намѣрены, неотмѣнно надлежало учинить въ государствѣ раздѣленіе и учредить двѣ, одну отъ другой независяція, власти, когда такое высшихъ властей раздѣленіе завсегда подаетъ поводъ къ подозрѣнію, зависти, несогласію и безпокойству; напротивъ, нимаго одно другому не противно служить Богу и поручить внѣшней Божіей службы правленіе тому, кто вышнее въ государствѣ имѣетъ начальство, только бы оный верховный правитель не внушалъ своимъ подданнымъ въ разсужденіи христіанской вѣры чего ложнаго и противнаго. Какъ всякій человѣкъ естественно повиненъ служить Богу, то онъ имѣетъ власть устанавливать внѣшніе богослуженія знаки, какіе онъ по своему разсужденію признаетъ угодными Богу. Но какъ скоро люди вступили въ общества, то уже оная власть отдана была тѣмъ, которымъ поручено правленіе надъ всѣмъ обществомъ... Ибо не видно, для чего бы гражданское верховное начальство не имѣло столько способовъ, сколько требуется для церковнаго правленія и надзиранія... Но сіе внѣшнее церкви правленіе отдѣляемъ мы отъ церковной службы, потому что она состоитъ въ ученіи и проповѣданіи и причащеніи Св. Таинъ, что безпрекословно касается до однихъ только священниковъ» ³⁾. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ нѣ-

1) Puff., Von Natur und Eigenschaft d. christl. Religion und Kirche. 1688. Cap. XXVIII—XXX.

2) De jure nat. et gen., l. VII, c. IV; ср. Disquisitio de m. republ. p. 488 etc., § 11 sq.

3) Пуффенд., Введеніе въ исторію европ. государствъ, 1777. Часть 2, гл. 12, §§ 6, 7, 5, стр. 471—476.

которыхъ мѣстахъ сочиненій Пуфендорфа находятся мысли о служебномъ значеніи религіи въ отношеніи государства ¹⁾, каковыя мысли стоятъ у него въ тѣсной связи съ защищаемой имъ религіозной нетерпимостію.

Слѣдующій юристъ — кононистъ, ученикъ Пуфендорфа, Христіанъ Томазіи въ началѣ вообще держался взглядовъ своего учителя; но видя ясныя недостатки его ученія, онъ выступилъ потомъ съ собственной системой. Въ «*Institutiones jurisprudentiae Divinae*» онъ доказывалъ, что князь, который терпитъ въ своемъ государствѣ ложную религію, грѣшитъ, если не противъ естественнаго закона, то противъ христіанскихъ обязанностей. Но чрезъ десять лѣтъ (въ 1697 г.) послѣ изданія этого сочиненія онъ является рѣшительнымъ противникомъ всякаго стѣсненія совѣсти ²⁾. Въ сочиненіи *Problema judicium, an heresis sit crimen*, написанномъ въ это время, Томазіи говоритъ, что протестанты, которые налагаютъ на еретиковъ легкія наказанія, въ сущности не иное что, какъ лицемѣры. Даже отлученіе отъ церкви не должно быть допускаемо, такъ какъ въ Св. Писаніи нѣтъ никакихъ указаній на церковныя наказанія: Богъ предоставилъ его Себѣ; кромѣ того, отлученіе отъ церкви имѣетъ и внѣшнія послѣдствія: безчестіе, опасеніе оскорбленій и смерти и т. п. Не должно запрещать и распространеніе ересей, ибо противно человѣческой природѣ всегда умалчивать о томъ, что считаешь за истину: стремленіе къ истинѣ не наказывается. Возраженіе, что этимъ можетъ быть нарушено общественное спокойствіе, лишено основанія: спокойствіе въ этомъ случаѣ нарушаютъ не еретики, а тѣ, которые нападаютъ на нихъ. Можно запрещать публичныя пренія и распри, но не мирное исповѣданіе вѣры или

1) См., напр., *Dissertationes... cit.*, De concordia v. politicae cum relig. christiana, §§ 5—9, p. 471 sqq.

2) Томазіи первый послѣдовательно провелъ различіе между моралью и правомъ и показалъ, что предписанія послѣдняго, какъ относящіяся къ внѣшнему міру, принудительны и не таковы предписанія первой, какъ относящіяся къ міру внутреннему. Отсюда естественно вытекало слѣдствіе несправедливости всякаго внѣшняго насилія въ сферѣ религіознаго сознанія, а вмѣстѣ и отрицаніе самостоятельности института церкви.

частные разговоры. Иначе запрещеніе распространенія ересей можетъ сдѣлаться орудіемъ тиранніи. Такимъ же орудіемъ тиранніи становятся и законы о богохульникахъ. Вообще, утверждаетъ Томазій, преступленіемъ слѣдуетъ считать не ересь, а объявленіе другихъ еретиками, т. е. насиліе совѣсти ¹⁾. Что же такое послѣ этого церковъ? — Въ основу разсужденія по этому вопросу Томазій полагаетъ коренное ученіе протестантовъ (особ. Лютера и Цвингли) о церкви *видимой и невидимой*²⁾. Собственно церковъ есть церковъ невидимая, т. е. Богъ и совѣсть индивидуумовъ ³⁾. Ис. Христосъ основалъ *религію*, а не *церковъ*, и еще менѣе такую церковъ, которая имѣла бы внѣшнюю власть; Онъ предоставилъ свободѣ каждаго исповѣдывать, или не исповѣдывать Его религію. Только съ умноженіемъ числа вѣрующихъ естественно образовалось религіозное общество, называемое: церковъ. Поэтому, истинная евангельская церковъ есть не иное что, какъ естественнымъ путемъ образовавшееся общество. О какой-либо нормѣ вѣры въ этомъ обществѣ не можетъ быть рѣчи; индивидуальное пониманіе каждаго и свободное убѣжденіе есть единственный законъ для каждаго, исповѣдующаго вѣру Христа: все, что касается вѣры и спасенія, принадлежитъ церкви невидимой ⁴⁾. Поэтому, собственно нѣтъ и не должно быть церкви, какъ какого-нибудь отдѣльнаго общества: «для служенія Богу не требуется никакого общества». Но если уже церковное общество есть фактъ, то вся дѣятельность въ немъ должна ограничиваться только ученіемъ: церковъ есть общество, въ которомъ одни говорятъ, другіе слушаютъ ⁵⁾. При этомъ въ немъ не долженъ имѣть мѣста никакой «надзоръ» за проповѣдью, — ничто, что называлось «охраненіемъ чистаго ученія или христіанской вѣры». Если же уже необходимо, чтобы въ церкви, какъ обществѣ, были и извѣстные церковные учителя, и чтобы, слѣдовательно, было такое или иное принятое ученіе, то оно должно быть

¹⁾ См. у Чичер., указ. соч., т. 2, 246 и сл.

²⁾ Подроб. см. у Stahl'я, въ указ. соч., Th., I, cap. I—II.

³⁾ Stahl, *ibid.* s. 18; ср. Müller, *Lexicon d. Kirchenrechts*, III, 436.

⁴⁾ Stahl, *ibid.*

⁵⁾ Stahl, *ibid.* s. 17, 19, 20, 23, Anmerk. 37, 43.

опредѣляемо при участіи всѣхъ членовъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ ненасилованія индивидуальной свободы убѣжденія; принятія опредѣленнаго ученія и рѣшенія спорныхъ богословскихъ вопросовъ церковь не требуетъ: она учитъ, но не опредѣляетъ (*docere—non decidere*)¹⁾. Что же составляетъ задачу собственно церковной власти? Единственною задачею или, точнѣе, обязанностію ея остается взаимная терпимость всевозможныхъ вѣръ и исповѣданій. Но этимъ уже отрицается и самая власть церкви, какъ такая. Всякая власть есть въ нѣкоторомъ родѣ сила внѣшняя и имѣетъ насильственный, принудительный характеръ; а въ дѣлѣ религіи принужденіе не позволено. Отсюда и самая задача такъ называемой церковной власти—наблюденіе всеобщей терпимости, при предположеніи возможности покушенія на принужденіе въ убѣжденіяхъ, становится обязанностію охраненія индивидуальной свободы и входитъ, такимъ образомъ, въ общую задачу гражданской власти—заботиться о внѣшнемъ мирѣ въ видахъ блага общества: церковное управленіе дѣлается отраслью государственною и естественною принадлежностію свѣтскаго правителя, будетъ ли онъ христіанинъ или язычникъ.

Характеръ церковнаго управленія князя точно опредѣляется предыдущимъ взглядомъ на существо церкви, какъ общества свободныхъ индивидуумовъ и задачею государства. Государство возникло для защиты отъ внѣшнихъ нападений, и обязанность князя—охранять внѣшнія блага своихъ подданныхъ. Такъ какъ разница въ религіозныхъ убѣжденіяхъ не можетъ быть дѣйствительною причиною нарушенія внѣшняго мира, то князь, имѣя право запрещать поступки, нарушающіе общественное спокойствіе, не долженъ вмѣшиваться въ вѣроисповѣданіе людей, какъ достояніе ихъ совѣсти; не его обязанность дѣлать людей добродѣтельными. Еще менѣе обязанъ онъ заботиться о будущемъ блаженствѣ своихъ подданныхъ; поэтому въ кругъ его дѣятельности не входитъ ни внушеніе истинной религіи, ни обученіе юношества религіи вообще. Князю не можетъ быть присвоено, какъ его исключительное право, и рѣ-

¹⁾ Stahl, *ibid.*; также Geffcken, *Staat und Kirche*, 15, S. 306.

шеніе спорныхъ богословскихъ вопросовъ; онъ долженъ только ограждать вѣротерпимость отъ насилія. Если возникаютъ споры, онъ долженъ примирить спорящихъ; если же каждая сторона остается при своемъ убѣжденіи, онъ обязанъ охранить свободу мнѣній. Но если бы князь захотѣлъ распространить свою власть далѣе указанныхъ предѣловъ—на умъ и совѣсть своихъ подданныхъ во внутренней области, то они могутъ и даже обязаны ему не повиноваться. Теперь естественно возникаетъ вопросъ: какъ долженъ поступить правитель государства, когда споры принимаютъ слишкомъ горячій характеръ и грозятъ нарушеніемъ общественнаго мира? что долженъ дѣлать онъ съ тѣми людьми, которые подъ видомъ религіи распространяютъ ученія, вредныя для общественнаго спокойствія? Отвѣтъ у Томазія находимъ слѣдующій. Такъ какъ убѣжденія служатъ основаніемъ для дѣятельности и истинное поклоненіе Богу есть источникъ всякой честности и добродѣтели, то государь долженъ смотрѣть за проповѣдуемыми въ его государствѣ ученіями и въ случаѣ нужды можетъ допустить и насиліе; такъ, въ одномъ случаѣ онъ можетъ запретить публичное рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ, въ другомъ имѣть право выселить изъ своей страны вредныхъ людей со всѣмъ принадлежащимъ имъ ¹⁾.

Если церковное управленіе сводится къ охраненію свободы мнѣній въ видахъ поддержанія общественнаго мира, то оно естественно принадлежитъ князю—не въ силу какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, но по самому существу дѣла: управленіе церковью (видимой) есть одна сторона правъ князя въ государствѣ; въ этой области онъ такъ же мало связанъ мнѣніемъ такъ называемыхъ церковныхъ учителей, какъ въ управленіи государствомъ мнѣніями своихъ чиновниковъ; не обязанъ князь имѣть и консисторію, какъ самостоятельное учрежденіе съ принадлежащимъ ей исключительно правомъ церковной юрисдикціи. Вообще, различать въ лицѣ главы государства двѣ правовыя личности, какъ это дѣлаютъ епископаллисты, нелѣпость. Различеніе между княземъ, какъ такимъ,

1) См. Чичер., т. 2, 247—249.

и княземъ, какъ замѣстителемъ епископа по церковнымъ дѣламъ, по выраженію Томазія, столь же раціонально, какъ если бы кто сказалъ, что князь представляетъ собою одно лицо, когда издаетъ законы, и иное, когда пользуется правомъ веденія войны ¹⁾).

Въ такомъ видѣ является территориальная система въ сочиненіяхъ Томазія. Но свою специальную обработку она получила подъ перомъ извѣстнаго канониста XVIII вѣка Бёмера († 1749) въ его трудѣ «*Jus ecclesiasticum protestantium*». Такъ какъ сущность возрѣній Бёмера почти та же, что и Томазія, то нѣтъ необходимости представлять систему его въ подробностяхъ. Считаемо нужнымъ указать только на одну особенность ея—на расширеніе власти государственныхъ правителей въ области церковнаго управленія по вопросу, какія дѣйствія подлежатъ волѣ главы государства и какія составляютъ объектъ свободы каждаго ²⁾).

Томазіи признавалъ за государственной властью право наблюденія за религіозными ученіями и запрещенія публичнаго рѣшенія нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ, позволяя, такимъ образомъ, главѣ государства вторгаться въ религіозную жизнь своихъ подданныхъ. Въ этомъ отношеніи Бёмеръ сдѣлалъ шагъ впередъ.—Свобода совѣсти есть право имѣть религію по собственному убѣжденію и жить сообразно съ этой религіей. «Богъ далъ каждому человѣку разумъ и способность разсуждать, чтобы каждый могъ изслѣдовать Св. Писаніе и, руководясь здравымъ разумомъ, опредѣлять то, что ему должно дѣлать» ³⁾. Но разумъ у человѣка далеко не совершенный; при заблужденіяхъ разума погрѣшительны будутъ и дѣйствія человѣка; а дѣйствія одного всегда могутъ стать стѣсненіемъ для дѣйствій и совѣсти другого. Слѣдуетъ ли въ виду этого ограничивать обнаруженіе совѣсти? Не безотвѣтенъ предъ Богомъ тотъ, кто находится въ заблужденіи и имѣетъ ложныя правила; но еще болѣе грѣшитъ тотъ, кто поступаетъ вопре-

1) Stahl, S. 19.

2) *Jus ecclesiasticum protestantium*. 1780. De libertate circa conscientiam.

3) *Ibid.* § 10.

ки своему убѣжденію, потому что онъ въ этомъ случаѣ имѣеть намѣреніе противиться волѣ Божіей и допускаеть беззаконіе, говорить Бѣмеръ. Если человѣкъ поступаетъ по заблужденію, однако думаетъ, что онъ дѣйствуетъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать во имя Божіе, то ограниченіе его дѣйствій и принужденіе поступать противъ убѣжденія ведетъ ко грѣху и есть дѣло незаконное. Но если каждому предоставитъ свободу, то и преступные фанатики должны остаться не наказанными: полная свобода дѣйствій во имя требованій совѣсти можетъ повести къ самому неограниченному произволу и повлечь за собою разрушеніе всякаго общества. Что же дѣлать при такомъ затрудненіи? Здравый разумъ, очевидно, не можетъ допустить неограниченной свободы совѣсти; должны быть указаны предѣлы свободы ¹⁾. «Каждому должна быть предоставлена свобода, но не разнузданная, не опасная и не вредная для рода человѣческаго» ²⁾. Эти предѣлы, ограничивающіе свободу индивидуума, полагаются государствомъ; недопущеніе разнузданности личной свободы есть прямая его обязанность: государство, устройство котораго согласно съ волей Божіей и освящено Св. Писаніемъ, и образовалось именно для ограниченія воли людей въ области тѣхъ дѣйствій, которыя касаются внѣшнихъ благъ и гражданскаго общежитія. Ясно, что всякій, изъявляя желаніе быть подъ защитою государства, тѣмъ самымъ по совѣсти обязывается жить не по своимъ мнѣніямъ, не по побужденіямъ испорченной воли, а по законамъ государства, повинуюсь главѣ его: и естественный законъ и слово Божіе предписываютъ это ³⁾. Но обязанность повиновенія власти не даетъ послѣдней права подчинять себѣ волю индивидуума во всемъ; воля государства не должна простираться на религію и опредѣлять то, во что должно вѣровать. Это было бы величайшей несправедливостью и уничтоженіемъ всякой религіи, ибо богопочитаніе есть дѣло свободы ⁴⁾. «Рѣ-

1) Ibid. §§ 12—14.

2) Ibid. § 19.

3) Ibid. § 19.

4) Ibid. §§ 18. 20.

шеніе споровъ относительно догматовъ вѣры, говоритъ Бёмеръ, къ власти и попеченію главы государства непосредственно не относится, такъ какъ религія не допускаетъ принужденій по естественному праву. Но въ видахъ охраненія мира государства, у главы его нельзя отрицать права опредѣлять члены вѣры постольку, поскольку они должны быть предметомъ общественнаго ученія. Общественное спокойствіе служитъ, такимъ образомъ, основаніемъ того, что глава государства употребляетъ свою власть тамъ и опредѣляетъ то, гдѣ и что при другихъ условіяхъ должно быть предоставлено исключительно совѣсти и свободѣ каждаго. Вообще, свѣтская власть, опредѣляя публичныя ученія, поступаетъ законно въ двухъ случаяхъ: 1) когда высшее право государства чрезъ обнародованіе ложнаго ученія или ограничивается, или подчиняется произволу клира ¹⁾, 2) или когда изъ раздоровъ клира возникаютъ общественныя возмущенія, вредящія взаимной терпимости ²⁾. Далѣе, также въ видахъ охраненія мира власть государства простирается и на религіозныя обряды. На вопросъ, когда свѣтская власть можетъ издавать законы относительно предметовъ литургическихъ, Бёмеръ отвѣчаетъ, что она по праву устанавливаетъ литургическіе порядки, когда это служитъ къ тому, чтобы сокрушить честолюбіе клира ³⁾. Мнѣніе, будто это можетъ стѣснять данную Христомъ свободу церкви ⁴⁾, не справедливо, ибо основано на ложномъ пониманіи истинной христіанской свободы. Богослужебный чинъ существуетъ только для порядка въ церкви и потому составляетъ предметъ безразличный (въ нравственномъ отношеніи), а безразличнымъ дѣломъ совѣсть и свобода насилуваться не могутъ ⁵⁾. Если бы однако совѣсть кого-либо не позволила исполнять предпи-

1) Надо замѣтить, что территоріальная система практически возникаетъ изъ оппозиціи власти «сословія церковныхъ учителей». См. Geffcken, Staat und Kirche. 15. s. 307.

2) Jus eccles. protest. I, lib. I, tit. 1: De summa trinitate et fide catholica, § 83, p. 76.

3) Ibid. Т. III, §§ 68, 69, pp. 61—62.

4) Мнѣніе Карцова и Рейнкянга. См. Jus eccl. protest., tom. III, § 70, p. 64.

5) Ibid. § 72, p. 66—67; Stahl, s. 22.

санное, то такому оставалось бы только выселиться съ государственной территоріи ¹⁾. Такъ, Бёмеръ предоставляетъ свѣтской власти право опредѣлять церковные догматы, въ случаѣ нужды, и реформировать публичное отправленіе божественнаго культа, и тѣмъ вполнѣ подчиняетъ церковь государству.

Резюмируемъ ученіе территоріалистовъ. Задача всякаго права—охранять внѣшній миръ; государство есть общество, организованное для этой цѣли. Оно не должно вмѣшиваться во внутреннія дѣла религіи и нравственности, потому что они достояніе совѣсти индивидуума; однако сами по себѣ они не составляютъ никакого праваго авторитета: только власть можетъ издавать законы, а вѣроисповѣданія, какъ такія, не могутъ образовать никакой общественной нормы. Церковь вообще не есть какое-либо собственно житейское учрежденіе: сущность ея разрѣшается въ отдѣльныя общества и даже отдѣльныя личности, которыя соединяются для божественной службы. Поэтому, нѣтъ особенныхъ духовныхъ должностей, какъ нѣтъ и вообще самостоятельнаго церковнаго управленія. Вся власть принадлежитъ правителю государства безъ различія религіи; будетъ ли онъ даже язычникъ или іудей, имѣетъ право и обязанъ поддерживать въ религіозныхъ дѣлахъ внѣшній миръ, вынуждать безусловную вѣротерпимость и рѣшать спорные религіозные вопросы, насколько необходимо это для порядка. Церковное управленіе, какъ вѣтвь государственнаго, не должно быть приурочено къ одной опредѣленной формѣ, какъ, напр., консисторіи, составленной изъ богослововъ и юристовъ; монархъ можетъ завѣдывать имъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, абсолютизмъ государства и уничтоженіе учрежденія церкви—конечный результатъ теоріи территоріалистовъ ²⁾.

Изъ предыдущаго ясно, что территоріальная система отношеній государства къ церкви съ одной стороны имѣетъ близкое соотношеніе съ піэтизмомъ не только по своей практической цѣли противодѣйствовать власти сословія церковныхъ

¹⁾ Ibid. De libertate circa conscientiam, § 55.

²⁾ См. Geffcken, Staat und Kirche, 15, S. 306—7; ср. Martens, въ указ. выше соч. Abschn. II: Die staatkirchliche Theorie, cap. 1, особ. стр. 132—144.

учителей» и мертвой ортодоксіи, но и по самымъ принципамъ своимъ. 1) То же ограниченіе сущности христіанства внутреннею благочестивою настроенностію и происходящее отсюда равнодушіе ко всякимъ опредѣленнымъ формамъ вѣроученія; то же отрицаніе необходимости органическаго церковнаго устройства и вмѣшательства церковнаго управленія въ ученіе церкви; то же *терпимое* предоставленіе церковнаго управленія князю *въ надеждѣ*, что онъ насколько возможно менѣе будетъ дѣлать изъ него употребленія, и то же отрицаніе потребности какихъ-либо органовъ, чрезъ которые и въ которыхъ церковное сознаніе могло бы имѣть обнаруженіе. 2) Какъ и въ ученіи піэтистовъ, въ территоріальной системѣ повсюду полагаются въ основаніи идеи невидимой церкви, диспаратное благочестіе индивидуумовъ, какъ основной пунктъ всѣхъ воззрѣній, понятіе «безразличнаго» и безразличіе природы богослужбнаго культа, исключительное значеніе Св. Писанія предъ опредѣленнымъ исповѣданіемъ вѣры и т. д. Но съ другой стороны территоріализмъ имѣетъ и значительное отличіе отъ піэтизма. Самъ Шпенеръ «терпимость» не ставилъ принципомъ и единственною задачею церкви, а признавалъ, что единство вѣры въ ней существенно необходимо. Его стремленія направлялись къ тому, чтобы установить въ обществѣ нѣкоторую широкую сферу терпимости въ отношеніи личныхъ мнѣній и заблужденій; для этого онъ хотѣлъ только отнять у «сословія учителей» исключительное право рѣшающаго голоса въ церкви и утверждалъ, что внутренняя сторона религіозной жизни должна быть предпочитаема всякому внѣшнему сообразному съ «правилами» состоянію церкви: онъ хотѣлъ только уничтожить противную, по его мысли, христіанской свободѣ власть духовнаго сословія и мертвую неподвижность протестантскаго церковнаго ученія, но не хотѣлъ уничтоженія самой церкви. Территоріалисты же, принявъ въ свою систему начала теоріи естественнаго права, пришли далеко не къ такимъ результатамъ. Вмѣсто того, чтобы согласно съ главною, первоначальною своею задачею чрезъ устраненіе господства въ церкви «учительства» расширить права личной свободы, они еще болѣе стѣснили ихъ: признавъ изъ началъ естественнаго права абсо-

лютизмъ государства, они поставили въ церкви на мѣсто ограниченной власти «сословія церковныхъ учителей» неограниченную власть свѣтскаго правителя общества и т. о. утвердили своимъ ученіемъ законность той теоріи отношеній государства къ церкви, которая извѣстна подъ именемъ цезарепапизма; не смотря на всѣ старанія Томазія и Бёмера отстранить отъ себя упрекъ въ немъ, справедливость его очевидна ¹⁾. Между тѣмъ логическій выводъ изъ основныхъ положеній ученія территоріалистовъ былъ совершенно иной. Если, по этому ученію, задача государства состоитъ въ охраненіи виѣшняго мира и безопасности, а дѣйствительная цѣль всякаго религіознаго общества есть служеніе Богу, то отсюда естественно слѣдуетъ то, что церковь, какъ союзъ людей, преслѣдующихъ самостоятельную задачу, отличную отъ задачи государства, должна пользоваться отъ него совершенною независимостію, если только она своей автономіей не нарушаетъ общественнаго спокойствія. Если, далѣе, церковь есть свободный союзъ, основывающійся на внутренней вѣрѣ, значитъ — всякая церковная власть есть не болѣе, какъ результатъ воли самихъ членовъ церкви и не можетъ, какъ право, принадлежать правителю государства. Къ такому именно заключенію и пришли послѣдующіе канонисты, выработавшіе другую, новую систему отношеній государства къ церкви, извѣстную въ исторіи церковно-политическихъ ученій подъ названіемъ *коллегіальной* ²⁾.

V.

Коллегіальная теорія.

Коллегіальная теорія отношеній между церковью и государствомъ, возникшая въ XVIII вѣкѣ, систематически развита была Пфаффомъ въ его «Академическихъ рѣчахъ о церковномъ правѣ» и формулирована Визе въ его «Handbuch d.

¹⁾ Stahl, s. 22, 23.

²⁾ См. Pfaff, Wesen und d. Umfang d. Toleranz im Allegem. und d. chriectlich. Toleranz insbesond. 1864. S. 100 ff., 148 ff.

Kirchenrechts»¹⁾. Теорія эта такъ независима отъ вѣроисповѣдныхъ идей, что ее иногда называли «натуральнымъ церковнымъ правомъ»²⁾, приложимымъ ко всякому обществу вѣрующихъ, даже къ іудейскому и магометанскому.

Основные положенія коллегіальной теоріи слѣдующія.—Невидимая церковь невидимымъ образомъ управляется ея верховною главою І. Христомъ; видимая же церковь есть свободно образовавшееся общество, которое не зависитъ ни отъ какой силы, кромѣ воли свободно соединившихся между собою индивидуумовъ, членовъ его. Принципъ соединенія этихъ членовъ составляетъ единство ихъ исповѣданія вѣры; они по своему усмотрѣнію устанавливаютъ богослуженіе, сами вырабатываютъ и утверждаютъ законы существованія общества, сами исключаютъ изъ своего общества того, кто не можетъ или не хочетъ согласоваться съ этими законами, вопреки данному обязательству и т. д. Словомъ, все существованіе церкви и вся церковная власть основываются исключительно на взаимномъ согласіи ея членовъ³⁾; такъ что всякое нарушеніе церковныхъ постановленій есть собственно нарушеніе общественнаго договора и т. н. церковная экскоммуникація есть собственно исключеніе изъ общества за неповиновеніе его волѣ⁴⁾.

Изъ такого понятія о церкви непосредственно слѣдуетъ и опредѣленіе отношенія къ ней государства. Очевидно, что оно должно имѣть такое же отношеніе къ церкви, какое можетъ имѣть и ко всякому другому свободному обществу, въ немъ состоящему. Церковь въ устройствѣ собственно церковныхъ дѣлъ не зависима отъ государственной власти; внутрен-

1) См. Stahl, Kirchenverfassung... Einleitung, III, d. Kollegialsystem.

2) Ibid. S. 33.

3) Въ ученіи о видимой церкви коллегіалисты сходились съ территоріалистами: по теоріи тѣхъ и другихъ не церковь основана Іс. Христомъ, а религія. Но выводы, которые дѣлали отсюда тѣ и другіе, какъ увидимъ, далеко не сходны.

4) J. G. Pfaff въ указ. выше сочиненіи о терпимости говоритъ: измѣненіе исповѣдныхъ законовъ принадлежитъ церкви; каждый отдѣльный членъ ея имѣетъ въ немъ участіе; если же оно происходитъ иначе — не чрезъ общіе соборы, то имѣетъ незаконный характеръ насилія. III Die Toleranz in der christlichen Kirche, 2, s. 150.

нія дѣла общества церкви для государства должны быть безразличны до извѣстныхъ предѣловъ; только въ интересахъ государственной жизни, правительство его имѣетъ нѣкоторую власть надъ областью жизни церковной. Технически эти отношенія между государствомъ и церковью коллегіалистами обозначались слѣдующимъ образомъ: они различали <jura majestatica> — права, которыя имѣло государство надъ церковью, и <jura collegialia> — права, необходимо и неотъемлемо принадлежащія собственно церкви, какъ всякому свободному обществу. Къ первымъ они относили (Пфафъ) ¹⁾ всѣ тѣ, которыя совмѣщаются въ правѣ такъ называемаго церковнаго верховенства (Kirchenhoheit): право реформаціи (jus reformati) ²⁾, право надзора (jus inspectionis) ³⁾ и право покровительства или защиты (jus advocatiae) ⁴⁾. Эти права, какъ имѣющія основаніе въ самомъ существѣ верховной власти, по отношенію ея ко всѣмъ частнымъ корпораціямъ, естественно принадлежатъ главѣ государства; коллегіальныя же права составляютъ собственно такъ называемую церковную власть, принадлежатъ обществу церкви и сами по себѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ принадлежать правителю государства—ни какъ князю, какъ такому, ни какъ князю, какъ замѣстителю епископа. Въ кругъ предметовъ, подлежащихъ церковной власти, входятъ—установленіе вѣроученія, литургическій порядокъ, опредѣленіе должностныхъ лицъ въ церкви, спеціально-вѣроиспо-

1) Stahl, cit., s. 29.

2) Jus reformati есть право государственной власти дозволять и не дозволять извѣстное вѣроисповѣданіе, признать принадлежащихъ къ нему публичной корпораціей или обществомъ частнаго характера, давать ему какія-либо привилегіи и не давать оныхъ и т. д.

3) Jus inspectionis есть право государства охранять себя отъ злоупотребленій членовъ церкви свободой вѣроисповѣданія, въ видахъ сохраненія мира и безопасности наблюдать за политическою благонадежностью церковной проповѣди и т. п.

4) Jus advocatiae есть собственно обязанность государственной власти обезпечить признанному религіозному обществу безпрепятственное отправленіе богослуженія, ограждать членовъ его отъ оскорбленій и насилій въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, доставлять церковной власти средства къ содержанію и приведенію въ исполненіе ея распоряженій, иногда по желанію обращаться къ ней за разными содѣйствіями и т. д.

вѣдныя законы и приведеніе ихъ въ исполненіе посредствомъ экскоммуникаціи, словомъ, все то, что относится къ внутренней жизни общества. Въ этихъ правахъ значеніе личности правителя государства одинаково со всѣми другими сочленами церкви; онъ можетъ принимать въ нихъ участіе, какъ членъ церкви, но силы имѣть не болѣе, какъ и всякій другой; качество князя не даетъ ему въ церковномъ обществѣ никакого преимущества. Но такъ какъ церковное общество, какъ и всякое другое, въ силу равноправности членовъ, спеціально-общинную власть можетъ поручить кому угодно, то оно, по согласію всѣхъ членовъ, можетъ поручить ее, слѣдовательно, и главѣ государства. Такое порученіе, по мнѣнію Пфаффа, не обнаруженнымъ согласіемъ (*tacito consensu*) и было дѣйствительно сдѣлано во время реформации¹⁾. Однако оно не необходимо, какъ именно и не существовало, напримѣръ, въ Голландіи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма разумно и цѣлесообразно, когда, напримѣръ, при дурномъ состояніи членовъ церкви, сами они не могутъ хорошо управлять своими дѣлами, или при слишкомъ большомъ количествѣ членовъ церковнаго общества, какъ, напримѣръ, въ Германіи.

Раздѣленіе правъ на — *jura majestatica* и *jura collegialia* есть существенная, характеристическая особенность коллегіальной системы²⁾. Эти двѣ области правъ въ настоящее время принято обозначать именемъ «церковнаго верховенства государства» (*jus majestaticum circa sacra*) и «церковной власти» (*jus in sacris*); но онѣ никакъ не должны быть смѣшиваемы съ внѣшнею и внутреннею церковною властію, по ученію епископалистовъ. По ученію этихъ послѣднихъ, внѣшняя церков-

1) Stahl, cit., ibid.

2) Различеніе между государственнымъ верховенствомъ надъ церковью и церковной властію, сдѣланное коллегіалистами, въ исторіи церковно-политическихъ ученій уже не было новостью. Оно гораздо раньше было сдѣлано въ католической церкви (у галликанскихъ писателей) и вытекало изъ желанія сохранить самостоятельность государства предъ церковью, присвоивавшею себѣ абсолютную власть. Но въ мірѣ протестантскомъ оно въ ученіи коллегіалистовъ явилось впервые и вытекало изъ обратнаго стремленія на началахъ протестантства сохранить самостоятельность церкви предъ государствомъ, поработившимъ ее (по теоріи терриціалистовъ).

ная власть, принадлежащая князю, какъ его собственное право участія въ церковномъ управленіи, есть собственно часть самой (внутренней) церковной власти, а не власть собственно «государства предъ церковью». Она содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, право князя изъ *собственного авторитета* объявлять тѣ или другіе церковные законы, предписывать дни поста и покаянія, назначать пасторовъ, производить судъ церковный и т. д.; во всемъ этомъ «сословію церковныхъ учителей» принадлежитъ только *consensus et consensus*. Ничего такого не заключается въ государственномъ верховенствѣ надъ церковью, по теоріи коллегіальной. По этой теоріи государственной власти принадлежитъ, или даже только можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ принадлежать, одно право — утверждать для приведенія въ дѣйствіе постановленія церкви; но и самая эта государственная санкція церковныхъ постановленій имѣетъ не церковный спеціально или спеціально политическій характеръ, а характеръ христіанско-политической санкціи; она есть санкція христіанскаго государства ¹⁾.

Тогда какъ территоріалисты, принявъ въ основаніе своей теоріи два противоположныхъ принципа (абсолютизмъ государства и личную свободу въ дѣлѣ вѣры), оказались въ противорѣчьи сами съ собою, то отрицая необходимость определеннаго вѣроученія въ церкви (и тѣмъ въ самомъ основаніи подрывая ея существованіе), то признавая ее (предоставивъ установленіе догматовъ вѣры правителю государства): коллегіалисты въ своемъ ученіи были очень послѣдовательны. Но эта послѣдовательность ихъ ученія, хотя она вытекала и изъ добрыхъ цѣлей, мало принесла пользы для церкви. Коллегіалисты, освобождая церковь отъ тиранніи государства, подвергали ее другой тиранніи, едва ли не болѣе опасной для нея, произволу людей, составляющихъ ея тѣло. 1) Желая на самомъ дѣлѣ дать всѣмъ членамъ церкви ту силу и власть въ церковномъ управленіи, которую они должны были имѣть по идеѣ, коллегіалисты требовали для этой цѣли существованія такихъ синодовъ, въ которыхъ бы мірскіе чле-

1) Stahl, *ibid.*, s. 257 u. ff.

ны церкви принимали не меньшее участіе, чѣмъ и духовные, вслѣдствіе чего должность сословія церковныхъ учителей теряла характеръ апостольской, богоучрежденной должности и пастыри церкви являлись просто общественными должностными лицами. 2) Отсюда и самая христіанская церковь теряла свой характеръ церкви ¹⁾; она становилась уже не божественнымъ учрежденіемъ, которое только воспринимаетъ въ себя членовъ, а законъ свой имѣетъ въ законѣ Божіемъ,—но обществомъ людей, добровольно соединившихся для богочитанія—образомъ, зависящимъ единственно отъ ихъ произвола,—такимъ обществомъ, происхождение, законы, ученіе и дѣйствія котораго имѣютъ основаніе въ волѣ человѣческой ²⁾. 3) Наконецъ, въ коллегіальной теоріи отрицалась и самая религія, какъ такая. Если все наличное бытіе церкви опредѣлялось волею членовъ ея, то, очевидно, въ ней не могло быть и рѣчи о какомъ-либо богооткровенномъ, неизмѣнномъ, разъ и навсегда данномъ ученіи; оно могло мѣняться произвольно, какъ и всякій другой уставъ свободнаго общества; а такъ какъ предѣломъ этого измѣненія служилъ не внѣшній какой-либо критерій, но субъективная мѣра—совѣсть индивидуумовъ, то оно могло дойти до отрицанія христіанства и до исповѣданія, напримѣръ, религіи разума ³⁾.

Такова въ общихъ чертахъ коллегіальная теорія. Она, какъ видно изъ представленнаго краткаго очерка ея, въ нѣкоторыхъ пунктахъ родственна съ епископальной теоріей, хотя и

¹⁾ Болѣе чѣмъ по теоріи территоріальной.

²⁾ Впрочемъ, надо замѣтить, что основатель коллегіальной системы Цфаффъ не развивалъ свое ученіе до такихъ послѣднихъ предѣловъ, будучи еще исполненъ, какъ говоритъ Шталь, положительной христіанской вѣры. Такъ, онъ признавалъ еще богоучрежденную должность церковныхъ учителей (*ministerium verbi divini*), признавалъ также Богомъ установленную должность предстоятелей церкви (*ministerium ecclesiasticum*). Stahl, *ibid.*, s. 31, not. 59.

³⁾ Stahl, s. 34, not. 65. Замѣтимъ, что коллегіальная теорія была прямымъ слѣдствіемъ рационалистическаго направленія умовъ XVIII вѣка. Уничтоженіе высшаго авторитета, данной власти и предоставленіе установленія всякихъ порядковъ жизни и всякихъ законовъ волѣ индивидуумовъ—характеристическія черты рационализма. Но въ глубочайшемъ своемъ основаніи эта теорія имѣла ученіе Лютера о всеобщемъ священствѣ.

не представляетъ въ нихъ полнаго съ ней тождества, равно какъ не во всемъ противоположна и системѣ территориальной. Коллегіальная теорія сходна съ епископальной прежде всего въ томъ, что та и другая утверждаютъ по крайней мѣрѣ въ принципѣ независимость церкви отъ власти главы государства. Но въ этомъ отношеніи есть между ними и значительное различіе. Тогда какъ епископальная теорія настаиваетъ на независимости церкви, какъ такой, какъ общества съ правою вѣрою, представителями которой служатъ церковные учителя; коллегіальная, напротивъ, на независимости (отъ внѣшней силы) людей, какъ свободныхъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти индивидуумовъ—членовъ общества церкви. Та и другая теорія одинаково не позволяютъ правителю государства присвоивать себѣ «церковную власть» (внутреннюю), но первая потому, что онъ *мірянинъ* (*laicus*), вторая потому, что онъ есть только *одинъ* сочленъ церкви и не можетъ имѣть въ ней силы и значенія болѣе, чѣмъ всякій другой единичный членъ ея; отсюда, по ученію епископалистовъ, внутренняя церковная власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать главѣ государства, а по ученію коллегіалистовъ можетъ быть ему поручена съ общаго согласія. Съ территориальной системой коллегіальная сходится въ желаніи освободить церковь отъ оковъ мертвой ортодоксіи, уничтожить господствующее въ ней положеніе «сословія учителей» и вопреки его обязательному ученію провозгласить принципъ личной свободы.—но съ значительнымъ различіемъ. Стремленія территориалистовъ имѣютъ болѣе отрицательный характеръ: они направляются къ тому, чтобы индивидуальная свобода и благочестіе не встрѣчали себѣ стѣсненія со стороны власти, опредѣляющей догматы, вообще—не стѣснялись какою-либо внѣшнею силою; между тѣмъ ученіе коллегіалистовъ объ этомъ предметѣ болѣе положительнаго свойства; они требуютъ, чтобы большинство членовъ церкви положительно опредѣляло все ея наличное бытіе.

Наконецъ, всѣ три послѣднія теоріи, находясь въ связи съ политическими воззрѣніями своего времени и соотвѣтствуя тремъ эпохамъ въ богословскомъ развитіи—ортодоксіи, піэтизму и рационализму, имѣютъ между собою то общее, что всѣ онѣ

на первомъ мѣстѣ ставятъ государство, возвышаютъ его надъ церковью и въ такихъ или иныхъ размѣрахъ признаютъ его власть надъ нею: 1) или ограничивая ее внѣшнею стороною церкви и позволяя ему касаться внутренней настолько, насколько оно имѣетъ права въ этомъ отношеніи надъ всякой корпораціей, стоящей внутри его; 2) или провозглашая полновластіе государства и расширяя его права въ церкви до позволенія и запрещенія того или другого ученія въ ней; 3) или оставляя на его долю власть только внѣшней силы и отрицая всякое его верховенство во внутренней жизни церкви.

Таковы были воззрѣнія на отношенія между церковью и государствомъ въ западной Европѣ, господствовавшія до второй половины XVIII вѣка и въ томъ или другомъ видѣ существующія тамъ до настоящаго времени ¹⁾.

И. Громовъ.

¹⁾ Мы не касаемся позднѣйшихъ теорій отношенія между государствомъ и церковью на западѣ, во-первыхъ, потому что онѣ въ основѣ своей въ большинствѣ сходны съ представленными и отличаются отъ этихъ большимъ развитіемъ примѣненія тѣхъ же самыхъ принциповъ къ практикѣ жизни, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, потому что это выходило бы за предѣлы нашей задачи—показать сходство церковно-политическихъ воззрѣній и дѣятельности Петра Великаго съ наукой и жизнью Запада.

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Продолженіе *).

Пѣснь Моисея у Чермнаго моря (14, 32; 15, 21).

14, 32. *Тогда востыль Моисей и сыны Израиля сію тѣснь
Иеговъ, и сказали они, говоря:*

- 15, 1. *Буду тѣть Иеговъ, ибо славно Онъ прославился;
Коня и всадника его свернулъ въ море.*
2. *Сила и слава моя—Иегова; Онъ—мой спаситель;
Онъ—Богъ мой, буду славить Его.*
3. *Иегова—Мужъ брани; Иегова—имя Ему.*
4. *Колесницы Фараона и войско его свернулъ Онъ въ море,
И отборные тросчники его потоплены въ морь Чермнаго.*
5. *Пучины покрыли ихъ;
Пошли они въ глубины, какъ камень.*
6. *Десница Твоя, Иегова, прославилась силою;
Десница Твоя, Иегова, сокрушила врага.*
7. *Величїемъ славы Твоей Ты низложилъ противниковъ Твоихъ:
Послалъ Ты итѣвъ Твой:
Спалилъ онъ ихъ, какъ соломѣ.*
8. *Отъ дыханїя ноздрей Твоихъ разстучались воды,
Встали волны, какъ ограда,
Плотки стали пучины среди моря.*
9. *Сказалъ врагъ: поюнюсь, настичу,
Раздѣлю добычу; насытится ими душа моя;
Обнажу мечъ мой, завладѣетъ ими рука моя:*

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1890 г. № 17.

10. *Дужуль Ты дыханіемъ Твоимъ: покрыло ихъ море;
Камули они, какъ свинецъ, въ бурныя воды.*
11. *Кто между богами, какъ Ты, Іегова?
Кто, какъ Ты, славенъ святостію,
Чтимъ хвалами, творецъ чудесъ?*
12. *Простеръ Ты десницу Твою: поглотила ихъ земля.*
13. *Ведешь Ты, въ милости Твоей, народъ сей, избавленный Тобою,
Проводишь, силою Твоею, въ жилище святыхъ Твоихъ.*
14. *Услышали народы, — трепещутъ;
Ужасъ охватилъ жителей Палестины.*
15. *Тогда въ смятеніе пришли князья Эдома,
Вожди Моава; охватилъ ихъ трепетъ;
Растерялись всѣ жители Хаанаана.*
16. *Да нападетъ на нихъ страхъ и ужасъ.
Отъ величія мыщцы Твоей да будутъ нѣмы, какъ камень,
Пока проходитъ народъ Твой, Іегова,
Пока проходитъ народъ сей, Тобою пріобрѣтенный!*
17. *Приведи ихъ и насади ихъ на гору наследія Твоего,
На мѣсть, которое Ты, Іегова, сдѣлалъ жилищемъ Себѣ.
Къ святынищу, Владыка, созданному руками Твоими!*
18. *Іегова царствуетъ во вѣки вѣчные!*
19. *Да, вошли коки Фараона съ колесницами его и съ всадниками его въ море, и обратилъ Іегова на нихъ воды моря, и сыны Израиля шли по суши среди моря.*
20. *И взяла Маріамъ пророчица, сестра Аарона, тимпанъ въ руку свою, и вышлѣ всѣ женщины за нею съ тимпанами и съ хороводами.*
21. *И запѣла въ отвѣтъ имъ Маріамъ: пойте Іеговъ, ибо славно Онъ прославился; коня и всадника его ввернулъ въ море.*

14, 32. *Тогда воспѣлъ Моисей и сыны Израиля.* Сила и глубина чувствованій, наполнявшихъ сердце Моисея послѣ чудснаго перехода черезъ море и потоцленія египтянъ, наплы для себя прекрасное выраженіе въ составленной Моисеемъ пѣсни, которую воспѣли съ нимъ сыны Израиля.

15, 1. *Буду пѣть Іеговъ*, то есть, буду пѣснію славить Іегову. Буду славить Его потому, что Онъ *славно* прославился. Что было обѣщано (14, 4. 8), то теперь пришло въ исполненіе. Прославленіе послѣдовало въ самой полной мѣрѣ: *славно Онъ прославился.*

Коня и всадника его ввернулъ въ море. Грозна была для евреевъ боевая сила преслѣдователей (14, 10): но эту грозную силу постигъ необыкновенный конецъ. Богъ ввернулъ ее въ море.

Ст. 2. Испугъ и вопли, — только ими и заявилъ себя народъ; въ немъ — ни силы, ни славы. *Сила и слава моя — Иегова.* Вся, безраздѣльно, сила и слава народа — въ Иеговѣ.

Впереди евреевъ было море, позади былъ грозный врагъ: надежды на спасеніе не оставалось: но спасеніе послѣдовало. *Онъ — мой спаситель.*

Онъ — Богъ мой. Этотъ всемогущій Спаситель избралъ меня въ свой народъ, сталъ моимъ Богомъ, ради меня являетъ Свое могущество: мой долгъ — *славить Его.*

Богъ отца моего. Онъ вступилъ въ завѣтъ съ Авраамомъ, отцемъ моимъ (Быт. 17, 2), обѣщалъ ему, что отъ него произойду я, народъ многочисленный (Быт. 15, 2), обѣщалъ ему освободить меня отъ порабощенія и произвести судъ надъ народомъ-поработителемъ (Быт. 15, 13. 14). Все сказанное отцу моему, исполнилось: *буду же превозносить Его.*

Ст. 3. *Иегова — мужъ брани.* Не я боролся съ египтянами; но боролъ ихъ Иегова. Да, имя сего Мужа брани — *Иегова*, имя мнѣ открытое, имя моего Бога, имя свидѣтельствующее о вѣчномъ Его бытіи. Это то самое имя, о которомъ сказалъ Фараонъ: *не знаю Иеговы* (5, 2).

Ст. 4. Этотъ *Мужъ брани*, котораго непожелалъ познать Фараонъ, и ввергнулъ въ море колесницы Фараона и войско его. Имъ и потоплены отборные троечники (см. изъясненіе 14, 7) Фараона.

Ст. 5. *Пучины покрыли ихъ.* Безславною смертію погибли воины отборные; ни силы сопротивленія, ни времени для борьбы за свою жизнь они не имѣли; быстро, безъ сопротивленія, какъ камень, они пошли ко дну.

Шестой стихъ содержитъ въ себѣ ту же мысль, какую содержитъ стихъ первый, а десятый стихъ оканчивается тою же мыслию, какая содержится въ стихѣ пятомъ. Потому можно смотрѣть на стихи 1--5, какъ на первую строфу, а на стихи 6—10, какъ на вторую строфу пѣсни Моисеевой.

Ст. 6. *Десница Твоя, Иегова, прославилась силою.* Слова стиха перваго: *славно Онъ прославился* получаютъ здѣсь частнѣйшее развитіе, исходящее изъ представленія о Богѣ, какъ Мужъ брани: десница Его явила силу свою въ сильнѣйшей степени; она совсѣмъ *сокрушила врага.*

Ст. 7. *Велііемя славы Твоей Ты низложилъ противниковъ Твоихъ.* Мужъ брали являетъ свое величіе, и Его величіе при-нижаетъ противниковъ до совершеннаго низложенія. Они пытались *подняться, возстать* противъ Его воли, — таково основное значеніе еврейскаго слова, употребленнаго для обозначенія противниковъ, — эта попытка *возстанія* привела къ *низложенію*.

Послалъ Ты гнѣвъ Твой: спалилъ онъ ихъ, какъ соломѣ. Гнѣвъ Иеговы на противниковъ былъ для нихъ пламенемъ, и они такъ же мало могли противостоять этому пламени, какъ со-лома, воспламеняющаяся весьма быстро.

Ст. 8. *Отъ дыханія ноздрей Твоихъ разступились воды.* Говоря о Богѣ, человекъ приписываетъ Ему и руки, и очи, и уши; потому нѣтъ надобности избѣгать и образной рѣчи о ноздряхъ. Дыханіемъ ноздрей здѣсь означаетъ сильный вѣ-теръ, воздвигнутый Богомъ (14, 21). Образъ этотъ взятъ отъ усипеннаго дыханія чрезъ ноздри, нерѣдко сопровождающаго гнѣвъ, и представляетъ соотвѣтствіе словамъ предшествующаго стиха: *послалъ Ты гнѣвъ Твой.*

Встали волны, какъ ограда, плотны стали пучины среди моря, то есть, вода была у нихъ стѣною, справа и слѣва (14, 22).

Ст. 9. Увѣренность въ своей силѣ и въ невозможности со-противленія со стороны евреевъ была у египтянъ полная.

Сказалъ врагъ: погонюсъ, настигну. Такъ и случилось; погнались египтяне и настигли. Но дальнѣйшіе замыслы относительно дѣлежа плѣнныхъ и ихъ имущества, относительно возможности ничѣмъ не сдерживаемаго произвола въ распоряженіи захваченными бѣглецами, относительно права надъ ними смерти и жизни, всѣ оказались уничтоженными, вмѣ-стѣ съ ихъ творцами, отъ одного дуновенія Иеговы.

Ст. 10. *Дунула Ты дыханіемъ Твоимъ.* Здѣсь нѣтъ нужды разумѣть подъ дыханіемъ вѣтеръ раздвинувшій воды (14, 22). При возвращеніи на свое мѣсто водъ (ст. 26 и 27), потопившихъ египтянъ, о дѣйствіи вѣтра повѣствованіе не упо-минаетъ. Потому изъясненныя слова можно разумѣть такъ: достаточно было одного дуновенія, или мановенія, или пре-щенія Божія, чтобы враги, совсѣми своими замыслами, ока-зались на днѣ моря.

Канули они, какъ свинецъ. Это сравненіе съ свинцомъ, какъ и выше употребленное сравненіе съ камнемъ (ст. 5), указываетъ и на быстроту потопленія и на беспомощность преслѣдователей, горделиво думавшихъ, что они сдѣлаютъ съ евреями все, что пожелаютъ.

Начиная съ 11 стиха и до конца пѣсни идетъ третья строфа, въ которой выражается живая вѣра въ то, что всемогущій Спаситель народа проведетъ его въ землю обѣтованія.

Ст. 11. *Кто между богами, какъ Ты, Иегова.* Египтяне, усердные читатели своихъ боговъ, были истреблены такимъ чудеснымъ дѣйствіемъ Божіей силы, которое ясно показало, что между Богомъ истиннымъ и мнимыми защитниками и покровителями народовъ языческихъ не можетъ быть никакого сравненія.

Кто, какъ Ты, славенъ святостію, чтимъ хвалами, творецъ чудесъ? Святость, достопоклоняемая слава, чудеса принадлежатъ единому Иеговѣ.

Ст. 12. И святость, и слава, и чудеса торжественно и ясно засвидѣтельствованы погибелью египтянъ, происшедшею отъ того, что Иегова простеръ противъ нихъ десницу Свою.

Ст. 13. *Ведешь Ты, въ милости Твоей, народъ сей, избавленный Тобою.* Враги гибнутъ, а народъ еврейскій избавленный отъ руки Египтянъ самимъ Богомъ, идетъ подъ водительство Божіимъ, окружающимъ его милостями.

Проводилъ, силою Твоею, въ жилище святыни Твоей. Творецъ пѣсни свидѣтельствуемъ свою живую вѣру въ исполненіе обѣтованій, данныхъ патріархамъ; патріархамъ обѣщана была въ наслѣдіе земля Ханаанская, которая названа здѣсь *жилищемъ святыни*, а въ Ис. 77, 54 названа *областію святою*, какъ потому, что была освящена Богоявленіями патріархамъ еврейскимъ (Быт. 28, 16; 31, 13 и проч.), и жертвенниками Богу (Быт. 28, 18); такъ и потому, что предназначена была служить мѣстомъ особаго присутствія Божія среди народа избраннаго въ будущемъ святилищѣ.

Ст. 14. *Услышали народы, — трепещутъ; ужасъ охватилъ жителей Палестины.* Пѣснопѣвецъ изображаетъ чувства, которыя должны были овладѣть иноплеменными народами при

извѣстїи о событіяхъ исхода евреевъ изъ Египта, — изображаетъ съ такою живостію и увѣренностію, что---его чаянія получаютъ характеръ разсказа о событіяхъ уже наступившихъ. Насколько эти чаянія соотвѣтствовали послѣдующей дѣйствительности, о томъ свидѣлствуютъ Втор. 2, 4; Числѣ 22, 3; Ис. Нав. 2, 9.

Ст. 15. Какіе иноплеменные народы должны были испытать страхъ отъ извѣстій о гибели египтянъ, о томъ пѣснь говоритъ ясно: это были — жители Ханаана, страны, въ которую возвращались евреи, чтобы взять ее въ свое владѣніе, и племена, жившія на дорогѣ евреевъ въ Ханаанъ, — Эдомитяне и Моавитяне.

Ст. 16. Пѣснопѣвецъ желаетъ, чтобы чувство страха еще болѣе росло въ сердцахъ испуганныхъ народовъ. *Да будутъ нѣмы, какъ камень*, то есть, пусть страхъ овладѣетъ ими въ такой степени, чтобы они не въ состояніи были оказать ни дѣломъ, ни словомъ, ни малѣйшаго противодѣйствія народу Іеговы, пока онъ проходитъ въ назначенное ему наслѣдіе.

Народъ еврейскій *приобрѣтенъ* Іеговою и въ томъ смыслѣ, что избранъ самимъ Богомъ изъ всѣхъ народовъ земли *въ удѣлъ* Божій (Исх. 19, 6), и въ томъ смыслѣ, что только силою Божіею онъ изведенъ изъ страны рабства и сталъ народомъ самостоятельнымъ.

Ст. 17. Отъ мысли о предстоящемъ прохожденіи народа, нетревожимаго нападеніями испуганныхъ иноплеменниковъ, пѣснопѣвецъ переходитъ къ молитвенному выраженію надежды на водвореніе евреевъ въ обѣтованной землѣ. Земля обѣтованная называется здѣсь *горю наслѣдія* Божія, *жилищемъ* Іеговы, *святимъ* местомъ, созданнымъ руками Божіими (см. изъясненіе ст. 13).

Къ святилищу, Владыка, созданному руками Твоими! О томъ молимъ, на то надѣмся, что приведены будемъ Тобою въ Твою святую землю.

Ст. 18. Основаніе надежды на безпрепятственное, подъ водительствомъ Іеговы, вступленіе въ Его удѣлъ, въ Его землю, заключается въ томъ, что Іегова есть царь вѣчный, могуществу котораго время не можетъ поставить предѣла.

Ст. 19. Сила чувства, возбужденнаго чудеснымъ спасеніемъ евреевъ и гибелью египтянъ, ясно выражается въ краткомъ повтореніи разсказа о переходѣ черезъ Чермное море. Мысль и чувство повѣствователя невольно еще разъ возвращаются къ предмету, овладѣвшему всѣми помыслами духа и вызвавшему побѣдную пѣснь Моисея.

Ст. 20. Одушевленіе овладѣло сестрою Моисея и всѣми женщинами еврейскими. Онѣ вышли съ тимпанами, то есть, съ бубнами, на которыхъ выбивали тактъ, и съ хороводами, то есть, съ плясками (ср. Суд. 11, 34; 1 Цар. 18, 6), и въ отвѣтъ еврейскимъ мужамъ запѣли слова той же пѣсни.

Маріамъ пророчица. Она названа пророчицею, потому что и ей говорилъ Господь (Числь 12, 2).

Сестра Аарона. Маріамъ названа сестрою не Моисея, но Аарона, брата Моисеева, вѣроятно, потому, что Ааронъ былъ старшимъ братомъ Моисея (Исх. 7, 7; ср. Быт. 28, 9; 25, 13).

Ст. 21. *Запѣла въ отвѣтъ имъ,* въ отвѣтъ Моисею и мужамъ, пѣвшимъ слова новой пѣсни. Всю ли пѣснь повторяли женщины, не сказано; приведенъ одинъ первый стихъ пѣсни. Это даетъ поводъ думать, что женщины припѣвали только этотъ первый стихъ.

Путешествіе евреевъ отъ Чермнаго моря до Елима (15, 22—27).

15, 22. *И двинулъ Моисей Израиля отъ Чермнаго моря, и пошли они въ пустыню Суръ; и шли три дня по пустынь, и не находили воды. (23) И пришли къ Меррѣ, и не могли пить воды изъ Мерры, ибо горька она; потому и названо ея имя: Мерра. (24) И ропталъ народъ на Моисея, говоря: что намъ пить? (25) И возопилъ онъ къ Іеговѣ, и указалъ ему Іегова древо, и бросилъ онъ въ воду, и стала вода сладкою. Тамъ далъ Онъ ему уставъ и законъ, и тамъ испыталъ его, (26) и сказалъ: если будешь слушаться голоса Іеговы Бога твоего, и дѣлать правое предъ очами Его, и внимать заповѣдямъ Его, и соблюдать всѣ уставы Его: никакую бѣдѣнь, наведенную Мною*

на Египетъ, не наведу на тебя; ибо Я Господь—цѣлитель твой.
(27) И пришли въ Елимъ, и тамъ—двѣнадцать источниковъ воды и семьдесятъ пальмъ; и расположились тамъ при водѣ.

Ст. 22. И двинулъ Моисей Израиля отъ Чермнаго моря. Напраснымъ было бы дѣломъ видѣть въ словахъ: двинулъ Моисей указаніе на то, что евреи выступили въ путь не по указанію столпа облачнаго, а по указанію Моисея; я тѣмъ болѣе напрасно было бы дѣлать произвольныя догадки о причинѣ предполагаемаго отсутствія или бездѣйствія столпа облачнаго, придумывать, напримѣръ, объясненіе, что Богъ прогнѣвался на евреевъ за ограбленіе труповъ египтянъ, вынесенныхъ волнами на берегъ. Моисей двинулъ израильтянъ въ томъ смыслѣ, что далъ народу повелѣніе двинуться въ путь, когда наступило время, указанное Моисею или особымъ откровеніемъ, или началомъ движенія столпа (ср. 16, 1).

Прошли они въ пустыню Суръ. Эта пустыня, какъ видно изъ Числь 33, 8, называлась и пустынею Еоамъ.

И или три дня по пустынь, и не находили воды. Моисей, проживъ въ пустынѣ сорокъ лѣтъ прежде, чѣмъ вывелъ евреевъ изъ Египта, могъ знать заранѣе, что евреи долго не найдутъ воды, вступивъ въ пустыню Суръ, и потому могъ предупредить евреевъ, чтобы они запаслись водою на предстоящій переходъ по пустынѣ: но сдѣлать достаточный запасъ на нѣсколько дней, конечно, было невозможно. Если и былъ сдѣланъ запасъ: то достаточный лишь для того, чтобы не умереть отъ жажды, но недостаточный для того, чтобы не чувствовать тяжести отсутствія источниковъ на пути. Это лишеніе, по видимому, переносимо было народомъ терпѣливо; по крайней мѣрѣ, не видно изъ разсказа, чтобы народъ ропталъ.

Ст. 23. И пришли къ Меррѣ. Нужно думать, что имя Мерры принадлежало источнику, а не мѣстности около источника. Названіе источника Меррою (Мара—горечь) могло быть дано и евреями; но могло быть дано и другимъ египетскимъ племенемъ, ранѣе прибытія сюда евреевъ. Многіе думаютъ, что Мерра есть тотъ небольшой колодезь, который нынѣ называется Гавара, имѣетъ около сажени въ поперечникѣ и

менѣе аршина глубины и даетъ воду такого горько-соленого и вонючаго вкуса, что ее трудно пить. Арабы считаютъ ее самую дурною водою во всей странѣ. Этотъ источникъ находится верстахъ въ пятидесяти отъ такъ называемаго «источника Моисеева» (Айюнь—Муса), который многіе же почитаютъ мѣстомъ стоянки евреевъ послѣ перехода черезъ Чермное море. Пятидесятиверстное разстояніе отъ «источника Моисеева» до Гавары удобно могло быть пройдено евреями въ три дня, и на всемъ этомъ разстояніи тянется безводная пустынная равнина. Около Гавары замѣчены слѣды того, что въ другое время года воды въ Гаварѣ бываетъ гораздо болѣе. Во всякомъ случаѣ изъ другихъ предположеній относительно мѣстонахожденія Мерры это заслуживаетъ болѣе вниманія.

Ст. 24. Три дня не встрѣтилось воды; это было перенесено или терпѣливо, или, по крайней мѣрѣ, не вызвало явнаго ропота. Наконецъ евреи достигли до мѣста, гдѣ была вода; оказалось однакоже, что и тутъ нельзя утолить жажду. Начался ропоть, не просто ропоть на тяжкое положеніе, но ропоть именно на Моисея. Въ виду недавнихъ чудесныхъ событій скорѣе нужно было бы ожидать, что народъ обратится къ Моисею съ мольбою облегчить его положеніе: но по легкомыслию народъ сталъ винить Моисея.

Ст. 25. *И возопилъ онъ къ Іеговѣ и указалъ ему Іегова дерево.* Какое дерево было указано,—неизвѣстно. Слово *дерево* можетъ означать и цѣлое растеніе, и кусокъ его. Предполагать послѣднее значеніе даетъ нѣкоторое право употребленіе словъ: *бросилъ его*. Попытка понимать подъ деревомъ ягоды, могшія сдѣлать воду сладкою, (напримѣръ ягоды *Nitragia tridentata*), нецѣлесообразна уже по тому одному, что ягоды эти поспѣваютъ въ Іюнь, то есть, много позднѣе прибытія евреевъ къ Меррѣ. Распросы путешественниковъ у нынѣшнихъ бедуиновъ о томъ, не извѣстно ли имъ какое-нибудь средство горькую воду дѣлать сладкою, оказались безуспѣшными. Одному путешественнику, впрочемъ, удалось услышать объ употребленіи для этой цѣли ягодъ барбариса, но ягодъ, а не дерева. Изъ словъ Іисуса, сына Сирахова, можно заклю-

чить, что онъ усвоилъ самому дереву силу усладить горькую воду (38, 4—6). Но уже по одному громадному количеству воды, необходимому для народа еврейскаго, естественно думать, что не соединеніемъ съ водою частицъ дерева, но чудодѣйственною силою Божіею вода изъ горькой обратилась въ сладкую. Дерево, указанное Богомъ, само по себѣ такъ же мало могло имѣть силы, какъ и жезлъ Моисеевъ, обращавшій воду въ кровь и разсѣкавшій море, какъ и первый, близко находившійся предметъ (ср. 4 Цар. 2, 19—22), который могъ бы быть брошенъ въ воду, во свидѣтельство того, что съ сей минуты естество предмета должно измѣниться. Чѣмъ яснѣе было въ кускѣ дерева отсутствіе силы измѣнить естество воды: тѣмъ яснѣе для свидѣтелей чуда должно было быть прямое участіе Божіей силы въ совершившемся событіи.

Тамъ далъ Онъ ему уставъ и законъ, и тамъ испыталъ его. Неправильно было бы думать, что здѣсь рѣчь идетъ не о Богѣ, но о Моисеѣ, давшемъ уставъ и законъ, что подъ уставомъ и закономъ здѣсь нужно разумѣть ученіе вѣры и нравственной дѣятельности, сообщенное Моисеемъ народу. Думать такъ нельзя потому, что Моисею нельзя приписывать дѣйствіе, выраженное словами: *и тамъ испыталъ его.* Кто далъ уставъ, тотъ же и испыталъ израильтянъ. Еще: кто испыталъ, тотъ и сказалъ (ст. 26): *Я Иегова — цѣлитель твой.* Очевидно, что рѣчь идетъ не о Моисеѣ, но о Богѣ.

Какой же уставъ и законъ далъ Богъ народу еврейскому при Меррѣ? Тотъ, который изложенъ въ слѣдующемъ стихѣ и содержитъ въ себѣ сущность и сокращеніе всѣхъ заповѣдей, именно: *слушайся голоса Иеговы Бога твоего, дѣлай правое предъ очами Его, внимай заповѣдямъ Его, и соблюдай весь уставъ Его.*

Тамъ испыталъ Его, то есть, далъ народу случай проявить недостаточную твердость упованія на Бога, такъ недавно спасаго народъ отъ гибели при Черномъ морѣ. Недостатокъ вѣры и вызвалъ появленіе краткаго изложенія обязанностей вѣры и послушанія.

Ст. 26. *Никакую болѣзнь, наведенную Мною на Египетъ, не наведу на тебя.* Подъ условіемъ полного послушанія за-

повѣдямъ Божиимъ, наказанія не будутъ посылаемы на народъ еврейскій, какъ они были посылаемы на непокорныхъ египтянъ.

Ибо Я Иегова—цѣлитель твой. Не только не будутъ посылаемы на евреевъ карательныя бѣдствія: но и отъ тѣхъ бѣдствій, которыя не суть слѣдствія гнѣва Божія, Иегова будетъ освобождать народъ еврейскій, примѣръ чего и данъ при водахъ Мерры.

Ст. 27. *И пришли въ Елимъ.* Многіе предполагаютъ, что Елимъ есть нынѣшній Гарандель, мѣсто верстахъ въ семи отъ Гавары (предполагаемой Мерры); здѣсь есть вода, хотя солоноватая, но для питья пригодная; есть нѣсколько пальмъ, тамарисковъ, мимозъ, кустовъ барбарису. Здѣсь и теперь обыкновенно останавливаются путники по дорогѣ отъ Суеца къ Синаю. Другіе ищутъ Елимъ то въ Узейтѣ (или Узайтѣ), то въ Айюнѣ-Муса, то въ другихъ мѣстахъ.

Тамъ двѣнадцать источниковъ воды и семьдесятъ пальмъ, то есть, было въ то время, когда странствовали евреи. Едва ли заслуживаетъ упоминанія попытка обратить вниманіе на соотвѣтствіе этихъ цифръ съ числомъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ и семидесяти старѣйшинъ: «по источнику на колѣно, по пальмѣ для палатки cadaго старѣйшины» (Исх. 24, 9). Болѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что на новомъ мѣстѣ остановки евреи обильно пользовались водою, ощутительно увѣряясь въ истинности словъ, сказанныхъ Богомъ при Меррѣ (ст. 26).

Пребываніе Евреевъ въ пустынѣ Синъ (гл. 16).

16, 1. *И двинулись изъ Елима, и пришло все общество сыновъ Израиля въ пустыню Синъ, что между Елимомъ и между Синаемъ, въ пятнадцатый день мѣсяца втораго по выходѣ ихъ изъ земли Египетской. (2) И роптало все общество сыновъ Израиля на Моисея и на Аарона въ пустынь. (3) И сказали имъ сыны Израиля: кто далъ бы умереть намъ отъ руки Иеговы въ землѣ Египетской, когда сидѣли мы за котломъ мяса,*

когда тѣмъ мы хлѣбъ досыта! Ибо вывели вы насъ въ эту пустыню, чтобы уморить все собраніе это голодомъ. (4) И сказалъ Госова Моисею: вотъ Я одождю вамъ хлѣбъ съ неба, и будетъ народъ выходить и собирать ежедневно, сколько нужно на день, чтобы испытать Мнѣ его, будетъ ли онъ поступать по закону Моюму, или нѣтъ. (5) А въ день шестой пусть заготовляютъ приносимаго ими столько, чтобы было вдвое противъ собираемаго ими ежедневно. (6) И сказали Моисей и Ааронъ всѣмъ сынамъ Израиля: настанетъ вечеръ,—и вы узнаете, что Госова вывелъ васъ изъ земли Египетской; (7) настанетъ утро,—и вы увидите славу Госова, ибо слышитъ Онъ ропотъ вашъ на Госова; а мы что такое, что ропщете на насъ? (8) И сказалъ Моисей: дастъ вамъ Госова вечеромъ мясо въ пищу, а утромъ хлѣбъ досыта; ибо слышитъ Госова ропотъ вашъ, которымъ вы ропщете на Него; а мы что? Не на насъ вашъ ропотъ, а на Госова. (9) И сказалъ Моисей Аарону: скажи всему обществу сыновъ Израиля: приблизьтесь къ лицу Госова; ибо услышалъ Онъ ропотъ вашъ. (10) И когда говорилъ Ааронъ всему обществу сыновъ Израиля, обернулись они къ пустынь, и вотъ слава Госова явилась въ облакъ: (11) И сказалъ Госова Моисею, говоря: (12) Я услышалъ ропотъ сыновъ Израиля. Скажи имъ, говоря: въ срединѣ вечера будете ѣсть мясо, а по утру насытитесь хлѣбомъ, и узнаете, что Я—Госова, Богъ вашъ. (13) И наступилъ вечеръ, и налетѣли перепела, и покрыли станъ, а по утру былъ слой росы кругомъ стана. (14) И поднялся слой росы, и вотъ, на поверхности пустыни что-то мелкое, подобное крупу, мелкое, какъ иней на земль. (15) И увидѣли сыны Израиля, и говорили другъ другу: что это? Ибо не знали, что это. И сказалъ имъ Моисей: это хлѣбъ, который далъ Госова вамъ въ пищу. (16) Вотъ слово, которое заповѣдалъ Госова: собирайте его каждый, сколько можно ему съѣсть; по гомору на голову, по числу дуиъ вашихъ, каждый для тѣхъ, кто въ его шатръ, берите. (17) И сдѣлали такъ сыны Израиля, и набрали, кто больше, кто меньше. (18) И тѣряли гоморомъ, и не бралъ лишняго набравшій больше, и набравшій меньше не имѣлъ недоставащаго; каждый собралъ сколько можно ему съѣсть. (19) И сказалъ имъ Моисей: пусть никто неоставляетъ изъ

этого до утра. (20) И не послушали Моисея и оставили изъ этого нѣкоторые до утра, и поднялось оно червями и протухло; и нѣвался на нихъ Моисей. (21) И собирали его всякое утро, каждый—сколько можно ему съѣсть; обогрѣетъ солнце, оно растаетъ. (22) А въ шестой день собрали хлѣба вдвое, по два гомора на каждого; и пришли всѣ начальники общества и объявили Моисею; (23) и онъ сказалъ имъ: вотъ, что сказалъ Гегова: завтра праздникъ, святая суббота Геговы; сколько нужно вамъ испечь, испеките, и сколько нужно сварить, сварите, а все лишнее отложите себѣ въ запасъ до утра. (24) И отложили его до утра, какъ велѣлъ Моисей, и не протухло оно и червей не было въ немъ. (25) И сказалъ Моисей: ѣшьте его сегодня, ибо сегодня суббота Геговы; сегодня не найдете его на полѣ. (26) Шесть дней собирайте его; а въ седьмой день субботи; не будетъ его тогда. (27) И было въ седьмой день, выходили изъ народа собирать, и не нашли. (28) И сказалъ Гегова Моисею: доколь будете не соблюдать заповѣди Мои и законы Мои? (29) Смотрите: Гегова далъ вамъ субботу; потому Онъ даетъ вамъ въ шестой день хлѣба на два дня; сидите каждый у себя; не выходи никто изъ своего мѣста въ седьмой день! (30) И сталъ народъ покоиться въ седьмой день. (31) И назвалъ домъ Израилевъ имя ему: манна; она какъ сѣмя кориандровое, бѣлая, а вкусомъ какъ лепешки съ медомъ. (32) И сказалъ Моисей: вотъ что повелѣлъ Гегова: напоми ея гоморъ для сохраненія въ роды ваши, чтобы видѣли хлѣбъ, которымъ Я питалъ васъ въ пустынь, когда вывелъ васъ изъ земли Египетской. (33) И сказалъ Моисей Аарону: возьми одинъ сосудъ и вложи туда полный гоморъ манны и положи его предъ лицемъ Геговы для сохраненія въ роды ваши. (34) Какъ повелѣлъ Гегова Моисею, такъ и положилъ его Ааронъ предъ откровеніемъ, для сохраненія. (35) И ѣли манну сыны Израиля сорокъ лѣтъ до прихода своего въ землю обитаемую; манну ѣли до прихода своего къ предѣламъ земли Ханаанской. (36) А гоморъ—это десятая часть ефы.

Ст. 1. Изъ Елима еврей пришли въ пустыню Сянь, но, какъ видно изъ Числь 33, 10, не прямо прошли они изъ Елима въ Сянь, но останавливались станомъ у Чернаго мо-

ря, и уже отсюда пришли въ Сивъ. Промежуточный станъ между Елимомъ и пустынею Сивъ неупомянуть въ книгѣ Исхода, вѣроятно, потому, что во время остановки здѣсь не произошло ничего достойнаго примѣчанія. Отыскивая на восточномъ берегу Чермнаго моря мѣсто, гдѣ удобно было бы евреямъ расположить свой станъ, многіе предполагаютъ, что такимъ мѣстомъ удобно могла служить долина *Тайбе*, въ которой растутъ много и деревьевъ и кустарниковъ, и въ которой нетрудно доканываться до воды. Отъ Гаранделя (предполагаемаго Елима) считаютъ до долины Тайбе верстъ двадцать восемь. Дальнѣйшія предположенія относительно пути въ пустыню Сивъ имѣютъ менѣе опредѣлительности, отчасти потому, что изъ долины Тайбе можно проходить по направлению къ Синаю двумя различными дорогами, отчасти потому, что трудно указать основанія, по которымъ можно было бы ту или другою мѣстность признать предположительно за пустыню Сивъ.

Въ пустыню Сивъ евреи пришли *въ пятнадцатый день мѣсяца втораго*, то есть, прошелъ ровно мѣсяць съ того времени, какъ евреи двинулись въ путь (Исх. 12, 31. 34. 41).

Ст. 2. *И роптало все общество*. Ропоть, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, вызванъ былъ недостаткомъ пищи.

Ст. 3. *Кто далъ бы умереть намъ отъ руки Іеговы въ землѣ Египетской*. Говоря это, евреи нисколько не выражаютъ той мысли, что они предпочитали бы погибнуть въ землѣ Египетской отъ руки Іеговы. Они выражаютъ только ту мысль, что лучше было бы имъ не заботиться объ освобожденіи отъ рабства, а, продолжая работать на египтянъ, жить до того времени, до котораго, по волѣ Божіей, должна была продолжиться жизнь каждаго изъ нихъ. Тяжело было положеніе евреевъ въ Египтѣ: но зато тамъ *сидѣли* они *за котломъ мяса, пѣли хлѣбъ до сыта*, а здѣсь приходится умирать съ голоду. Малодушіе еврейское, конечно, преувеличивало тяжесть своего положенія. При множествѣ скота (12, 38; 34, 3), евреи могли пользоваться и молокомъ и мясомъ на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы не умереть съ голоду. По тому же малодушію евреи скоро позабывали, что имъ уже не разъ оказана

была чудесная помощь; имъ слѣдовало молить о ней вновь, а не обращать укоровъ на Моисея и Аарона. Эта черта народнаго характера много разъ обнаруживалась и послѣ.

Ст. 4. *Одождю вамъ хлѣбъ съ неба*, то есть, не изъ земли будетъ выростать тотъ хлѣбъ, которымъ вы будете питаться, а будетъ онъ падать на землю сверху, съ неба, подобно дождю (ср. ст. 14).

Будетъ народъ выходить и собирать ежедневно, сколько нужно на день. Выходитъ народу, для сбора обѣщаннаго хлѣба, нужно было за черту стана (ст. 13); а количество сбора опредѣлено точно въ стихѣ шестнадцатомъ.

Чтобы испытать Мнѣ его, будетъ ли онъ поступать по закону Моему, или нѣтъ. Новый даръ дается вмѣстѣ съ повелѣніями: въ шестой день запасать его и на субботу; въ субботу не собирать; на каждаго человѣка набирать опредѣленное количество; собранное не оставлять до другаго утра. Исполненіе этихъ повелѣній и должно было служить пробойю готовности народа еврейскаго исполнять волю Іеговы. Можно, впрочемъ, и шире понимать разбираемая слова. Народъ жаловался на голодъ. Теперь онъ обезпеченъ будетъ ежедневнымъ полученіемъ хлѣба. По устраненіи причины недовольства, обезпеченный въ своемъ пропитаніи народъ будетъ ли вѣренъ закону Бога, или нѣтъ? Дальнѣйшее поведеніе народа должно будетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Ст. 5. *Чтобы было вдвое.* Рѣчь идетъ не о томъ, что будетъ ниспосылаться въ шестой день двойное количество хлѣба, но о томъ, что двойное количество его должно быть собираемо на два дня, шестой и седьмой.

Ст. 6 и 7. Данное Моисею въ стихахъ четвертомъ и пятомъ откровеніе онъ сообщаетъ народу въ общихъ чертахъ и указываетъ значеніе имѣющихъ послѣдовать событий. *Настанетъ вечеръ,—и вы узнаете, что Іегова вывелъ васъ изъ земли Египетской*, то есть, вечеромъ произойдетъ событіе, которое несомнительно должно убѣдить васъ, что не по моему замыслу пришли вы сюда изъ Египта, но по волѣ Іеговы.

Настанетъ утро и вы увидите славу Іеговы, то есть: а утромъ произойдетъ другое событіе, ясно обнаруживающее сла-

ву и величіе вашего истиннаго Вождя—Іеговы. Здѣсь разумѣется не то явленіе славы Іеговы въ облакѣхъ, о которомъ повѣствуетъ стихъ десятый, а ниспосланіе утромъ слѣдующаго дня новаго хлѣба (ст. 8, 13 и 14).

Ибо слышитъ Онъ ропотъ вашъ на Іегову. Моисей указываетъ истинное значеніе ропота, который обращенъ былъ противъ него и его брата (ст. 2). На самомъ дѣлѣ этотъ ропотъ есть ропотъ на Бога; такое значеніе даетъ ему самъ Богъ, слышавшій его и устраняющій его особыми дѣйствіями Своего могущества.

А мы что такое, что ропщете на насъ? Мы только исполнители велѣній Бога, выведшаго васъ изъ Египта и приведшаго васъ въ эту пустыню.

Ст. 8. *И сказалъ Моисей: дастъ вамъ Іегова вечеромъ мясо въ пищу, а утромъ хлѣбъ досыта.* Продолжая рѣчь, Моисей объясняетъ народу, изъ какихъ именно событій ближайшаго вечера и утра они увѣрятся въ водительствѣ Іеговы и увидятъ Его славу: вечеромъ явится мясо, а утромъ хлѣбъ досыта. Къ этому поясненію Моисей прибавляетъ повтореніе даннаго имъ въ предшествующемъ стихѣ вразумленія относительно истиннаго значенія народнаго ропота. Это повтореніе показываетъ, что Моисей желалъ, чтобы народъ съ совершенною ясностію усвоилъ себѣ мысль о вожденіи евреевъ Богомъ, а не Моисеемъ.

Ст. 9. Черезъ Аарона было объявлено всѣмъ евреямъ, чтобы они приблизились къ лицу Іеговы, то есть, вышли изъ своихъ шатровъ и подошли ближе къ столпу облачному, мѣсту особаго присутствія Божія.

Ст. 10. Евреи собрались по приглашенію Аарона, и въ то время, какъ онъ говорилъ съ собравшимися, они обратились лицомъ къ тому мѣсту пустыни, гдѣ впереди стана стоялъ столпъ облачный. *И вотъ слава Іеговы явилась въ облакѣхъ.* Образъ проявленія славы Божіей не указанъ: но на основаніи другихъ мѣстъ Писанія (Исх. 24, 17; 3, 2; 13, 21) должно думать, что послѣдовали блескъ и появленіе пламени среди столпа.

Ст. 11 и 12. За явленіемъ славы Іеговы послѣдовало про-

изнесеніе словъ, содержаніе которыхъ уже прежде сообщено было Моисеемъ народу (ст. 8). Теперь народъ самъ могъ слышать исходявшее изъ столпа облачнаго, отъ самого Іеговы, подтвержденіе словъ Моисея.

Въ срединѣ вечера, буквально: *между двумя вечерами*. Изъясненіе этого выраженія см. въ истолкованіи 12, 6.

Ст. 13—15. *И наступилъ вечеръ, и налетѣли перепела, и покрыли станъ*. Была весна, а весною перепела огромными стаями переселяются изъ внутренней Африки въ сѣверныя страны, осенью улетаютъ опять на теплый югъ. Въ Февралѣ они появляются въ Египтѣ, въ Апрѣлѣ въ Константинополь, въ Маѣ въ Крыму. Ихъ бываетъ такъ много, что ихъ ловятъ даже руками; мальчишки палкою убиваютъ ихъ заразъ по нѣскольку штукъ. Стая этихъ жирныхъ птицъ направлена бы- ли дѣйствиемъ вѣтра (Псал. 77, 26. 27), по особому устро- енію Божию, на станъ еврейскій, спустились тамъ и покрыли его; оставалось бить и ловить ихъ.

Утромъ слѣдующаго дня вокругъ стана былъ слой росы, а когда роса поднялась, то на поверхности пустыни оказа- лось что то мелкое, похожее на крупу, или на иней, досе- лѣ невиданное евреями. Только изъ объясненія Моисея уз- нали, что это и есть обѣщанный имъ хлѣбъ (ст. 15). Вопросъ недоумѣвавшихъ евреевъ: *что это*, по еврейски *ман-гу*, и далъ имъ этому новому средству пропитанія евреевъ — *маннѣ*.

Ст. 16. *Собирайте его каждый, сколько можно ему съѣсть; по гомору на голову*. Чтобы опредѣленіе количества, какое можно съѣсть, не растягивалось до безмѣрной степени, или до бесполезнаго излишества, указана и мѣра; *по гомору на го- лову*, то есть, около одной тринадцатой доли четверика на дупу.

Ст. 17. *И набрали, кто больше, кто меньше*, то есть, для мно- гочисленной семьи, жившей въ томъ или другомъ шатрѣ (ст. 16), набрали болѣе; для малой семьи — менѣе.

Ст. 18. *И не бралъ лишняго набравшій болѣе, и набравшій меньше не имѣлъ недостававшего*. Эти слова не даютъ никако- го основанія предполагать, что все собираемое складывалось въ одно мѣсто, и что потомъ каждому, и успѣвшему собрать лишнее и не успѣвшему набрать потребнаго количества, ман-

на отмѣривалась въ должномъ количествѣ по числу душъ. Нѣтъ основаній и такъ понимать дѣло, что сколько бы кто ни собралъ, много ли мало ли, но по принесеніи собраннаго домой находилъ, мѣряя гоморомъ, именно столько гоморовъ манны, сколько и надлежало ему собрать. Слова разбираемаго стиха имѣютъ только тотъ смыслъ, что набравшій много набиралъ сообразно числу людей, жившихъ съ нимъ, а лишняго не набиралъ; а набравшій мало набиралъ мало потому, что для его семьи, по ея малочисленности, мало и требовалось; одному, напримѣръ, нужно было набрать двѣ мѣры, а другому полъ мѣры. Первый набралъ много, но излишняго у него не было; другой набралъ мало, но недостачи у него не было. Это ясно изъ послѣднихъ словъ стиха: *каждый собралъ, сколько можно ему сѣсть*. Нужно думать, что евреи и вабирали манну прямо въ гоморъ.

Ст. 19 и 20. Оставляя манну до другого дня Моисей запретилъ, или имѣя въ виду бесполезность такого запаса, или желая воспитывать народъ въ довѣріи къ ежедневному попеченію о немъ Іеговы. Непослушаніе нѣкоторыхъ послужило поводомъ для новаго чуда: оставленная до другого дня манна протухла и въ ней завелись черви.

Ст. 21. Манну собирали всякое утро, въ раннее время утра, пока лучи солнца не успѣютъ обогрѣть манну; отъ лучей солнца она таяла.

Ст. 22. Когда, согласно съ даннымъ Моисею повелѣніемъ (ст. 5), евреи собрали двойное количество манны, по два гомора на человѣка: то начальники общества сочли нужнымъ явиться къ Моисею и сказать ему объ этомъ. Поступить такъ побуждало ихъ, вѣроятно, опасеніе, чтобы съ запасомъ манны не произошло тоже, что произошло прежде (ст. 20), то есть, чтобы она не протухла и чтобы въ ней не завелись черви.

Ст. 23—26. Моисей объяснилъ начальникамъ основаніе, по которому народъ долженъ былъ собрать двойное количество манны: въ седьмой день, въ святую субботу Іеговы, день праздника и покоя, манну нельзя собирать, потому что ея не будетъ на полѣ. Посему опасенія начальниковъ должны оказаться излишними, что и подтвердилось самымъ дѣломъ (ст. 24).

Ст. 27. 28. По легкомыслию ли, или по жадности оказались охотники выдти и въ субботу за сборомъ манны. Манны они не нашли, а только вызвали гнѣвный укоръ за несоблюдение заповѣдей Иеговы.

Ст. 29. 30. *Сидите каждый у себя; не выходи никто изъ своего мѣста въ седьмой день! И сталъ народъ покоиться въ седьмой день.* Нѣтъ достаточныхъ основаній находить въ этихъ словахъ ни новую заповѣдь о празднованіи субботы, ни восстановление прежде данной заповѣди о празднованіи седьмого дня. Здѣсь рѣчь идетъ только о приложеніи заповѣди къ частному случаю, къ дѣлу сбора манны. Въ день покоя за манною ходить не должно; и народъ не сталъ ходить.

Ст. 31. Манна (см. изъясненіе ст. 15) *какъ стѣмя кориандровое, бѣлая, а вкусомъ какъ лепешка съ медомъ.* По наружному виду и цвѣту манна сравнивается съ зернами кориандра, однолѣтняго растенія изъ породы зонтичныхъ растеній. Оно разводилось въ Египтѣ и Палестинѣ; въ дикомъ видѣ растеть въ Палестинѣ и теперь, преимущественно въ долину Иорданской. Сладкія и пахучія зерна кориандра употреблялись въ древности и въ качествѣ приправы къ кушаньямъ и въ качествѣ лечебнаго средства; зерна бѣловатыя, круглыя, мелкія. Въ другомъ мѣстѣ (Числь 11, 7) манна сравнивается съ бдолахомъ, то есть, съ крупинками бѣлой благовонной, дорого цѣнившейся, смолы. Вкусъ манны сравнивается со вкусомъ лепешки съ медомъ; а въ другомъ мѣстѣ (Числь 11, 8) сравнивается со вкусомъ лепешки съ елеемъ. Манну можно было молоть жерновомъ, толочь въ ступѣ; можно было варить ее въ котлѣ и дѣлать изъ нея лепешки (Числь 11, 8).

Манна и нынѣ собирается на Синайскомъ полуостровѣ. Арабы и нынѣ называютъ ее манною небесною; въ Синайскомъ монастырѣ ее и теперь предлагаютъ богомольцамъ. Она собирается съ растенія изъ семейства тамарисковъ. На молодыхъ вѣтвяхъ этого растенія выступаютъ капли смолистаго, клейкаго сока; иногда это происходитъ отъ нѣжности кожицы у молодыхъ вѣтокъ, а по большей части отъ наколовъ, дѣлаемыхъ небольшимъ насѣкомымъ особой породы. Капли сока отъ дѣйствія воздуха и холода густѣютъ, бѣлѣютъ и получаютъ видъ крупинокъ смолы, разнообразной формы. Отъ

зною солнечнаго крупинки начинаютъ таять и падать на землю. Сбирать ихъ можно въ Юнѣ и въ Юлѣ, рѣдко въ Маѣ; берутъ ихъ или прямо съ вѣтокъ, или подбираютъ съ земли около растенія, и въ послѣднемъ случаѣ растапливаютъ манну въ горячей водѣ, чтобы очистить ее отъ сора. Сборъ манны на Синайскомъ полуостровѣ незначителенъ: въ самые урожайные годы собираютъ пудовъ тридцать. Бедуины ѣдятъ манну, намазывая ее на хлѣбъ, вмѣсто меда или варенья.

Между нынѣшнею Синайскою и древнею еврейскою манною есть примѣчательныя черты сходства. Сходны названія; растенія, дающія нынѣ манну, растутъ въ такихъ долинахъ, которыя могли быть мѣстами остановки для евреевъ; время года, въ которое евреи въ первый разъ собирали манну, совпадаетъ со временемъ обычныхъ сборовъ манны; видъ и вкусъ сходны; производство сбора манны раннимъ утромъ, пока не обогрѣетъ солнце, такъ же представляетъ сходство; даже появленіе червей въ еврейской маннѣ легко изъясняется существованіемъ на тамарискахъ насѣкомаго, дѣлающаго наколы на растенія.

Указанныя черты сходства между нынѣшнею манною и тою, которую Богъ ниспослалъ евреямъ, не могутъ приводить къ мысли, что евреи, вкушая манну, пользовались естественнымъ произведеніемъ Синайскаго полуострова. Синайскую манну невозможно ни молоть, ни толочь, ни обращать въ лепешки; средство питанія она не составляетъ, а только приправу и лакомство. Количество манны, требовавшееся для евреевъ, — ежедневно по гомору на человѣка, — было такъ велико, что сборъ манны со всего Синайскаго полуострова не могъ бы пропитать евреевъ въ теченіе даже одного дня. Манна еврейская не съ кустовъ собиралась, а лежала вокругъ стана. Манны еврейской нельзя было найти въ субботу. Манну свою евреи ѣли сорокъ лѣтъ, во всякое время года, а не въ два лѣтнихъ мѣсяца. Манна еврейская была, по выраженію псалмопѣвца, хлѣбомъ небеснымъ, хлѣбомъ ангельскимъ (Псал. 77, 25, 26), а по выраженію Моисея и Аарона была *слагою* Иеговы (Исх. 16, 7). Къ маннѣ Синайскаго полуострова не можетъ имѣть никакого отношенія и бесѣда Спасителя въ Евангеліи отъ Іоанна (6, 30—58). Должно думать, что

черты сходства между Еврейскою и Синайскою манною дали поводъ усвоить естественному произведенію полуострова названіе той пищи, которою долго питались евреи.

Моисей присовокупляетъ къ повѣствованію о первомъ нпс-посланіи манны краткія свѣдѣнія о маннѣ, относящіяся къ послѣдующему времени странствованія евреевъ по пустынѣ.

Ст. 32 и 33. Моисею дано было впослѣдствіи повелѣніе собрать такое количество манны, какое нужно было собирать на каждого человѣка (ст. 16). Обращикъ манны и ея количества, опредѣленнаго для каждого, долженъ былъ сохраняться, чтобы послѣдующія поколѣнія евреевъ точно знали, какимъ хлѣбомъ и въ какомъ количествѣ питались въ пустынѣ ихъ отцы.

Ст. 33. Во исполненіе этого повелѣнія, Моисей поручилъ Аарону взять *сосудъ*. Какой это былъ сосудъ, то есть, изъ чего сдѣланъ и какую имѣлъ форму, объ этомъ по названію сосуда сказать вѣрнаго ничего нельзя; а по переводу греческому и по Евр. 9, 4 это была *золотая стамна*; стамна можетъ означать и чашу, и кувшинъ, и урну. Сосудъ съ полнымъ гоморомъ манны Ааронъ долженъ былъ положить *предъ лицемъ Іеговы*. Ааронъ и положилъ его (ст. 34) предъ Откровеніемъ, то есть, предъ скрижалями завѣта (Исх. 25, 16) въ ковчегъ завѣта (Евр. 9, 4).

Ст. 35. Во все время сороколѣтняго странствованія по пустынѣ, пока живъ былъ вождь народа Моисей, евреи ѣли манну до самаго прихода къ предѣламъ земли Ханаанской, свидѣтельство о чемъ несомнѣнно можетъ принадлежать самому Моисею. А время, когда прекратилась манна, мы узнаемъ изъ свидѣтельства другаго священнаго писателя (Исх. Нав. 5, 12). Это произошло на третій день послѣ совершенія пасхи въ Галгалъ, на равнинахъ Іерихонскихъ, когда вождемъ народа былъ уже Іисусъ Навинъ.

Ст. 36. Поясненіе, что гоморъ составлялъ десятую часть ефы, нужно было потому, что для означенія десятой части ефы болѣе принятыми были другія названія (Лев. 5, 11; 23, 13; Числь 5, 15; 28, 5; Исх. 29, 40; Лев. 14, 10 и проч.).

П. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ)

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Изъ Голландіи императоръ Александръ спѣшилъ на средній Рейнъ, гдѣ во владѣніяхъ маркграфини Баденской, его тещи, нетерпѣливо ожидала встрѣчи съ нимъ его супруга, императрица Елизавета Алексѣевна.

Извѣстно, что бракъ его съ дочерью баденскаго маркграфа не былъ счастливымъ. А между тѣмъ оба супруга обладали самыми выдающимися внѣшними и внутренними качествами и ничто, повидимому, не могло мѣшать счастливой совмѣстной жизни. Личность императора Александра намъ уже достаточно извѣстна. Мы знаемъ, какое чарующее обаяніе распространялъ онъ вокругъ себя, какою магическою силою привлекалъ онъ къ себѣ всѣ сердца. Императрица Елизавета ¹⁾ казалась вполне достойною такого супруга. Прекрасная, одаренная замѣчательнымъ умомъ и пламеннымъ воображеніемъ, она способна была увлекаться самыми возвышенными идеями. Ея фигура, выраженіе лица, манера держать себя,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 12.

¹⁾ Для характеристики Елизаветы едва ли не самымъ важнымъ источникомъ являются мемуары ея придворной дамы, А. С. Стурдзы, впоследствии графини Эдлингъ. Мемуары эти изданы въ недавнее время, въ 1888 г., П. Бартевымъ въ подлинникѣ, а въ русскомъ переводѣ напечатаны имъ же въ «Русскомъ Архивѣ».

манера въ которой соединялись самымъ непринужденнымъ образомъ величіе и простота, приводили въ восторгъ всѣхъ, имѣвшихъ счастье приблизиться къ ней. Полная сознанія своего личнаго превосходства, гордая древностью и знатностью своего рода, она умѣла вездѣ и повсюду поддержать свое достоинство, но умѣла въ то же время быть одинаково любезною какъ съ придворными дамами и кавалерами, такъ и съ людьми низшаго званія и простыми поселянами. Подобно своему супругу, Елизавета пренебрегала внѣшнимъ блескомъ и роскошною обстановкою. Она предпочитала вести скромный и по возможности простой образъ жизни. Подобно Александру, она избѣгала роскошныхъ дворцовъ и предпочитала жить въ загородномъ домѣ, на Каменномъ островѣ ¹⁾, гдѣ ничто изъ всей обстановки не могло привести на мысль о пребываніи Высочайшихъ особъ. Въ натурѣ Елизаветы было нѣчто, напоминавшее Александра и по способности къ увлеченію съ тою лишь разницею, что у нея было гораздо меньше постоянства и болѣе пристрастій къ внѣшнимъ успѣхамъ, нежели у него. Она увлекалась поочередно то чтеніемъ, то тѣмъ или другимъ искусствомъ, но обыкновенно все надоѣдало ей очень скоро. Она переходила отъ одного занятія къ другому, оставляла одно увлеченіе для другого, но очень скоро разочаровывалась во всемъ и ни въ чемъ не могла найти настоящаго, полнаго удовлетворенія ²⁾.

У Елизаветы былъ, однакоже, и другой болѣе существенный недостатокъ, явившійся главнымъ источникомъ ея страданій, отравившій всѣ ея отношенія къ супругу. При всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, она обладала холоднымъ сердцемъ, не способнымъ къ истинной горячей любви. Разсудокъ всегда господствовалъ въ ней надъ чувствомъ. Она благоговѣла передъ своимъ супругомъ, она высоко цѣнила его вы-

1) Объ образѣ жизни и о времяпрепровожденіи императрицы на Каменномъ островѣ см. Mémoires de la comtesse Edling, стр. 53 и слѣдующія.

2) Toujours entraînée par des prestiges, elle s'attacha tour-à-tour oues arts à l'étude, aux sentimens les plus passionnés, et toujours dégoûtée et trompée de tout, elle n'enrevit le bonheur qu'au moment ou la vie «allait lui échapper». Mémoires de la comtesse Edling, стр. 57.

дающіяся качества, она преклонялась предъ его героическими подвигами, но она не умѣла любить его. Извѣстно, что Елизавета отправилась къ Русскому двору помимо своихъ личныхъ желаній, повинаясь единственно волѣ своихъ родителей. Она не имѣла никакого понятія о той странѣ и народѣ, куда влекла ее ея судьба. Она трепетала при мысли, что ея ожидаетъ замужество съ полудикимъ варваромъ и горько рыдала, покидая свою прелестную родину. Она ѣхала наугадъ, такъ какъ никто не зналъ, на комъ остановится выборъ императрицы Екатерины и юнаго Александра, на ней ли, или же на ея сестрѣ. И вотъ, она прибыла въ Россію, въ воображаемую страну варваровъ и уже одно ея появленіе вызвало всеобщую бурю восторга. Все преклонялось передъ нею, всѣ были въ восхищеніи отъ нея; императрица Екатерина остановила на ней свой выборъ, а юный Александръ привязался къ ней. Она скоро освоилась съ новою средою, но не сумѣла поставить себя въ надлежащія отношенія къ своему юному супругу. Она смотрѣла на семнадцатилѣтняго Александра, какъ на ребенка, она лишь снисходила къ нему съ высоты своего величія, но не любила его какъ мужа.

Проходили годы. Александръ возмужалъ, онъ прошелъ тяжелую школу испытаній и страданій при дворѣ своего отца; онъ вступилъ на престолъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Обремененный безчисленными дѣлами, окруженный тайными врагами и пошлыми льстецами, онъ искалъ людей, близкихъ къ нему и по натурѣ, и по убѣжденіямъ, людей, способныхъ войти въ его внутренній міръ, готовыхъ поддержать его въ его тяжелыхъ сомнѣніяхъ и страшныхъ колебаніяхъ. Онъ сошелся еще ближе съ товарищемъ своей ранней юности, кн. Чарторыжскимъ, онъ приблизилъ къ себѣ Новосильцева, Воронцова, Кочубея, но никто изъ этихъ лицъ не въ состояніи былъ дать ему того, что могла дать ему только подруга жизни. Императоръ долго и упорно искалъ такой подруги въ своей супругѣ, но Елизавета могла дать, по своей натурѣ, только ласку и дружбу, но не могла дать любви.

Отношенія между супругами не измѣнились и въ ту эпоху, когда для императора Александра наступила година самыхъ

тяжелыхъ и страшныхъ испытаній. Мы знаемъ, что среди ужасовъ отечественной войны Александръ стоялъ въ сущности совершенно одиноко. Онъ одинъ на своихъ плечахъ долженъ былъ вынести тогда всю подавляющую тяжесть страшной задачи, возложенной на него Провидѣніемъ. И въ то время, когда вся нація объята была восторженнымъ чувствомъ патріотизма, государь видѣлъ вокругъ себя только малодушіе и постыдную трусость. Лица самыя близкія къ нему: его мать и братъ его, наслѣдникъ престола, дрожали при одномъ имени Наполеона и умоляли его заключить во что бы то ни стало миръ съ грознымъ завоевателемъ. Весь дворъ, за немногимъ исключеніемъ, слѣдовалъ ихъ примѣру. Государь видѣлъ вокругъ себя только опечаленныя лица и слышалъ только однѣ трусливыя и безнадежныя рѣчи. Императрица Елизавета держала себя по прежнему холодно и безучастно. Поглощенная своими мелочными интересами, она не принимала внутренняго участія въ великихъ и потрясающихъ событіяхъ, совершавшихся на ея глазахъ. Тяжелый внутренній кризисъ, переживаемый тогда Александромъ, остался для нея чуждымъ и незамѣтнымъ. Она не облегчила своимъ сердечнымъ участіемъ того гнетущаго горя, которое едва не довело его до отчаянія. Она не приняла никакого участія въ его религиозно-нравственномъ возрожденіи, и самый источникъ, изъ котораго почерпнулъ онъ, наконецъ, столь несвойственныя первоначально его натурѣ, непоколебимую твердость и гигантскую мощь духа, остался для нея невѣдомымъ и закрытымъ.

Императоръ уѣхалъ въ армію, онъ вступилъ на поприще чудесныхъ успѣховъ, неслыханной славы. Само собою понятно, что лучи этой славы должны были озарить своимъ сіяніемъ и ту, которая въ глазахъ всего свѣта считалась подругою его жизни. Народъ, упоенный великими и радостными вѣстями о побѣдахъ своего обожаемаго государя, спѣшилъ излить свой восторгъ прежде всего передъ императрицей. Ея популярность, и безъ того уже громадная, возросла еще болѣе; повсюду ея встрѣчали самыми восторженными оваціями, а ея заботливое, чисто человѣчное, отношеніе къ несчастнымъ жертвамъ войны, къ раненымъ, усиливали еще болѣе

всеобщія симпатіи къ ней ¹⁾). Елизавета всецѣло поддалася этому новому для нея чувству. Она хорошо сознавала, что усиленный притокъ народной любви былъ на этотъ разъ прямымъ послѣдствіемъ великихъ подвиговъ, совершаемыхъ ея супругомъ. Она чувствовала, что народъ чтитъ теперь въ ней прежде всего императрицу, царственную супругу своего вѣнценоснаго вождя и естественно, что душа ея, способная искони къ самымъ возвышеннымъ и благороднымъ порывамъ, начала проникаться теперь до самой глубины своей чувствами восторженнаго удивленія къ человѣку, котораго знала она до сихъ поръ совсѣмъ съ другой стороны. Мелочныя чувства оскорбленнаго самолюбія и ревность отодвинулись далеко на второй планъ. То не была еще настоящая любовь, но во всякомъ случаѣ что-то близкое къ ней, что-то родственное съ ней. Ея прежняя однообразная жизнь, съ которою такъ свыклась она, вдругъ опротивѣла ей, ее начало тянуть туда, на поприще столькихъ страданій, побѣдъ и славы; въ пей вдругъ загорѣлось желаніе увидѣть того, чье имя было теперь на устахъ у всѣхъ, кого благословляли теперь всѣ народы Европы, какъ своего освободителя. Но ея порывамъ, ея желаніямъ не суждено было осуществиться на этотъ разъ такъ скоро. Весь 1813 годъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи и только въ самомъ концѣ его императрица получила, наконецъ, отъ своего супруга давно ожидаемое разрѣшеніе ѣхать въ Германію и ожидать во владѣніяхъ своей матери его возвращенія изъ Франціи.

По прибытіи въ Баденское герцогство императрица поселилась по выбору своей матери въ Брухзалъ; въ старомъ готическомъ замкѣ, бывшей резиденціи Шпейрскихъ епископовъ, и лишь по временамъ пріѣзжала въ Карлсруэ, резиденцію великаго герцога, гдѣ всегда было, разумѣется, болѣе шумно и беспокойно, нежели въ старомъ епископскомъ гнѣздѣ. Замокъ отдѣланъ былъ, впрочемъ, внутри почти за ново и, по возможности, убранъ въ ожиданіи высокой гостии ²⁾). Мно-

¹⁾ См. *Memoires de la comtesse Edling*, ст. 96, 97, гдѣ говорится между прочимъ и о ея романтическомъ пристрастіи къ испанцамъ.

²⁾ См. *Memoires de la comtesse Edling*, стр. 126.

гочисленная родня императрицы стеклась сюда на время ея прїѣзда со всѣхъ концовъ Германіи.

Въ замкѣ не было недостатка въ самомъ разнообразномъ обществѣ. Изъ царственныхъ особъ чаще всего посѣщали Брухзалъ великій герцогъ Баденскій, наслѣдный принцъ Дармштадтскій, женатый на младшей сестрѣ императрицы, а также и король Баварскій съ своею супругою, старшею сестрою императрицы ¹⁾ и, наконецъ, впрочемъ, лишь на самое короткое время, великая княгиня Анна Теодоровна, супруга великаго князя Константина Павловича. Понятно, что за всѣми такими лицами слѣдовали обыкновенно не мало придворныхъ обою пола. Съ самой императрицею прибыли изъ Россіи, кромѣ оберъ-камергера А. Л. Нарышкина, «главнаго, по выраженію Шишкова, надъ театральными зрѣлищами и музыкою директора, извѣстнаго остряка, богача, оставившаго своимъ сыновьямъ нѣсколько милліоновъ долгу» ²⁾, князь А. М. Голицынъ камергеръ и гофмейстеръ, секретарь императрицы Н. М. Лонгиновъ, лейбъ-медикъ Штофрегенъ ³⁾, княгиня Прозоровская, вдова извѣстнаго фельдмаршала, простая русская, какъ замѣчаетъ Шишковъ, но предобрая и препочтенная барыня и фрейлины: Е. П. Валужева ⁴⁾ и А. С. Стурдза. Изъ всѣхъ названныхъ лицъ едвали не самая выдающаяся была послѣдняя. По происхожденію гречанка изъ знатной фонаріотской фамиліи, но попавшая съ самаго ранняго дѣтства въ Россію, превосходно образованная, одаренная пламеннымъ воображеніемъ, глубоко религіозная и, при всемъ своемъ идеализмѣ, скромная и не притязательная, она была, по замѣ-

1) См. Записки А. С. Шишкова, гдѣ говорится, между прочимъ: «Король Баварскій веселъ и шутивъ, а она, хотя и не очень хороша лицомъ, но ловкая и престапная собою женщина». Стр. 282.

2) См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 280.

3) Къ этому Штофрегену немедленно отправился Шишковъ, дабы представить ему на провѣрку рецепты, прописанные вѣмецкими докторами. Записки, т. I, стр. 280.

4) Это та самая Валужева, которая никакъ не могла простить Стурдзѣ то предпочтеніе, которое оказывали ей императоръ и императрица. См. *Memoires de la comtesse Edling*, 111.

чанію Вигеля, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ онъ когда-либо знавалъ ¹⁾).

Полнѣйшую противоположность дѣвицѣ Стурдза представлялъ другой выдающійся русскій, также прибывшій въ скоромъ времени въ Брухзаль, старый знакомый нашъ, адмиралъ Шишковъ. Шишковъ былъ также искренно религіозный человекъ, но у него не было и тѣни того энтузіазма, того мистическаго настроенія, которыми проникнута была насквозь молодая фрейлина императрицы. Вѣрный сынъ православной церкви, Шишковъ, подобно другимъ своимъ современникамъ, видѣлъ во всѣхъ совершающихся на его глазахъ великихъ событіяхъ непосредственныя проявленія Божественнаго Промысла, правящаго судьбами царствъ и народовъ. Онъ благоговѣлъ, онъ преклонялся передъ высшею волею Творца, но онъ не стремился проникнуть въ сокровенныя тайны Божественнаго міроуправленія. Мистическое міровоззрѣніе было ему совершенно чуждо, а религіозный экстазъ, проявлявшійся тогда вокругъ него и притомъ нерѣдко въ самыхъ странныхъ, чтобы не сказать, причудливыхъ формахъ, былъ ему въ высокой степени антипатиченъ. Его трезвый, простой взглядъ на жизнь, его чисто русская натура, не лишенная, впрочемъ, весьма значительной доли барской спѣси, заставляли его относиться съ презрѣніемъ къ этимъ пророкамъ и пророчицамъ, къ этимъ истолкователямъ Божественнаго Промысла, къ этимъ новомоднымъ аскетамъ и мистикамъ. Всѣ они казались ему или просто ханжами, или полоумными фанатиками.

Шишковъ не могъ, по случаю своей болѣзни, сопровождать государя во Францію. Волею или неволею, а ему пришлось оставаться въ Баденѣ, ожидая пріѣзда императрицы. Старикъ страшно скучалъ по Россіи, по своей семьѣ, а извѣстія, приходившія изъ Франціи, то радостныя, то сомнительныя и тревожныя, глубоко волновали его, а подчасъ выводили изъ себя. Его ненависть къ Наполеону, къ французамъ и ко всему французскому достигли въ это время крайней степени. Либеральныя идеи, столь разпространенныя

¹⁾ См. Воспоминанія Вигеля, часть V, стр. 66.

тогда и среди русскаго общества, казались ему однимъ изъ зловреднѣйшихъ порожденій французскаго якобинизма. Онъ глубоко скорбѣлъ, что и самъ Александръ поддался вліянію этихъ глетворныхъ ученій, и ненавидѣлъ въ душѣ Лагарпа, котораго онъ считалъ развратителемъ государя ¹⁾).

Мучимый своими мыслями, Шишковъ былъ крайне обрадованъ пріѣздомъ императрицы и сопровождавшихъ ее русскихъ. Нѣмцы надоѣли ему и онъ спѣшилъ отдохнуть въ родномъ для него обществѣ. «Всѣ мы, русскіе, съѣхавшись съ разныхъ сторонъ», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «обрадованы были свиданіемъ другъ съ другомъ. Въ чужой землѣ встрѣчающіеся одноземцы обыкновенно скорѣе познакомливаются и дружнѣе бывають, чѣмъ въ своей». Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы полу-русское, полу-иноземное общество, собравшееся теперь въ Брухзалѣ, вело особенно задушевную или оживленную жизнь. Напротивъ, въ этомъ кружку господствовала довольно монотонная, чтобы не сказать, скучная повседневность. «Упражненія наши», говоритъ Шишковъ, «были весьма однообразны; въ три часа обѣдъ, а потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговоровъ, стоя на ногахъ; въ семь часовъ чай, и послѣ того игра по 12 крейцеровъ въ бостонъ до самаго ужина». Шишковъ, впрочемъ, умѣлъ составить себѣ довольно подходящую партію: онъ игралъ обыкновенно съ принцемъ Дармштадтскимъ, Нарышкинымъ,

1) До чего доходила ненависть Шишкова къ Лагарпу видно изъ слѣдующаго отрывка его воспоминаній: «Но были и досаждавшія меня извѣстія. Однажды, передъ самымъ обѣдомъ въ маркграфининыхъ покояхъ, увидя лежація на столнѣкѣ вѣдомости, взялъ я ихъ и между прочимъ прочиталъ въ нихъ слѣдующее: «Россійскій императоръ пожаловалъ Лагарпу Андреевскій орденъ, и возлагая на него оный сказалъ, что онъ обязанъ ему воспитаніемъ своимъ, и безъ него не былъ бы то, что онъ есть. Я бросилъ съ негодованіемъ вѣдомости и оборотясь къ столышему подѣ меня А. Л. Нарышкину, сказалъ: «Не могу безъ огорченія слышать о подобныхъ наградахъ и еще сопровождаемыхъ такими неприличными выраженіями». Въ это самое время, въ непримѣту мнѣ, вошла императрица, и услыша слова мои, усмѣхнувшись сказала: «Мнѣ очень хочется узнать, что такое васъ растревожило». Промолва сіе, взяла вѣдомости и стала читать. Я былъ въ великомъ смущеніи, воображая, что она догадается; но по счастью вслѣдъ за нею вышла маркграфиня, и она должна была, оставя вѣдомости, идти съ нею къ столу». См. записки, т. I, стр. 292.

или, за его отсутствіемъ, съ княгинею Прозоровскою и съ гофмаршаломъ велико-герцогскаго двора. «Цѣна недорогая, замѣчаетъ Шишковъ, но за то презабавная партія, по причинѣ учтивой торопливости принца и скупости гофмаршала» ¹⁾).

Жизнь при мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ отличалась въ тѣ времена какою-то странною смѣсью простоты и патриархальности съ чопорною натянутостью и напыщеннымъ этикетомъ. «О маркграфининомъ образѣ жизни, замѣчаетъ Шишковъ, хотя и нельзя сказать того, что императрица Екатерина Великая говаривала о нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьяхъ: чѣмъ богаче мундиръ и ливрея, тѣмъ меньше дворъ, однакожь это совершенно справедливо: въ Баденскомъ герцогствѣ считаютъ семнадцать дворцевъ, а вся земля «меньше одной нашей губерніи» ²⁾. Количеству дворцевъ соотвѣтствовалъ, вполнѣ, строгій этикетъ и величавая внѣшность придворной жизни. Маркграфиня, породнившаяся благодаря своему многочисленному семейству съ столькими вѣдающимися династіями (у нея было семь дочерей), была женщина вполнѣ поглощенная внѣшностью и представительствомъ. Натура холодная, флегматическая, но въ то же время суетливая, она была чужда всякой сердечности. Она состарѣлась въ атмосферѣ этикета и высоко-аристократическихъ предразсудковъ; малѣйшее уклоненіе отъ такъ называемыхъ правилъ и приличій казалось ей чуть не преступленіемъ. Она задавала тонъ при этомъ дворѣ, и всѣ, не исключая самой императрицы, должны были подчиниться ей. Къ обѣду всѣ должны были являться *en grande tenue* (т. е. въ большомъ туалетѣ). Ихъ величества, ихъ высочества и ихъ придворные обмѣнивались при этомъ изо дня въ день одними и тѣми же поклонами и реверансами, одними и тѣми же вопросами и отвѣтами. Послѣ обѣда слѣдовали монотонные разговоры, и счастливъ былъ тотъ, кто могъ отдохнуть послѣ нихъ въ маленькомъ салонѣ А. С. Стурдзы, гдѣ собирались, по преимуществу, молодые и менѣе высокопоставленные члены придворнаго кружка, и

¹⁾ См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 282.

²⁾ См. Записки А. С. Шишкова, стр. 282.

гдѣ господствовали искренная веселость, взаимная уступчивость и непринужденность. Въ семь часовъ новый парадный сборъ къ чаю. Всѣ величества и высочества помѣщались при этомъ въ большомъ кабинетѣ, двери котораго открывались въ салонъ, гдѣ собиралась свита. Въ кабинетѣ царствовали скука и натянутость; въ салонѣ раздавались оживленные разговоры и смѣхъ. Это послѣднее обстоятельство нерѣдко выводило изъ себя маркграфиню. «Наша веселость, говоритъ Стурдза, вызывала видимо зависть въ большомъ кабинетѣ и производила не малый соблазнъ» ¹⁾.

Иногда маркграфиня вмѣстѣ съ своими высокими гостями предпринимала небольшія прогулки пѣшкомъ въ окрестности замка. На такихъ прогулкахъ все отличалось полною свободою, и о какомъ бы то ни было чинномъ этикетѣ не было и помину. Отправлялись, напримѣръ, пить кофе въ сосѣднюю деревушку. Тамъ въ крестьянскомъ огородѣ ставились два стола, накрытые скатертями. За одинъ столъ садилась вся маркграфинина семья, за другимъ помѣщалась свита. «Вся деревня», говоритъ очевидецъ, «собиралась отъ стараго до малаго вокругъ насъ» ²⁾. Или предпринимали поѣздку по Неккару на лодкахъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, по полученіи извѣстія о взятіи Парижа, брали съ собою музыкантовъ, палили изъ пушекъ. Народъ сбѣгался изъ окрестностей безчисленными толпами. Весь Неккаръ покрывался большими и маленькими лодками. Отовсюду раздавались радостныя восклицанія: да здравствуетъ русская императрица Елизавета Алексѣевна! На каждой пристани императрицѣ подносятъ подарки крестьянскія дѣвочки. Одна приноситъ букетъ цвѣтовъ, другая корзину съ цвѣтами; та барашка, сдѣланнаго изъ масла, та приводитъ живую овечку, убранную лентами, а та подноситъ на блюдечкѣ пару живыхъ горлянокъ. «Пріятно, говоритъ очевидецъ, было смо-

¹⁾ См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 127 и слѣд. Тамъ же характеристика маркграфини.

²⁾ Записки А. С. Шишкова т. I, стр. 294—295

трѣть на сіе простое, но искреннее изъявленіе любви и усердіе» ¹⁾).

Случалось, что на маркграфиню находило сентиментальное настроеніе. Она начинала вспоминать о тѣхъ прежнихъ счастливыхъ временахъ, когда ея дочери только что подростали и когда положено было начало тѣмъ брачнымъ союзамъ, которые такъ подняли значеніе ея дома. «Однажды», рассказываетъ Шишковъ, «Императрица съ матерью поѣхали прогуливаться и меня взяли съ собою. Маркграфиня предувѣдомила меня, что она, не сказывая императрицѣ, везетъ ее въ то мѣстечко и рощицу, гдѣ она въ первый разъ объявила ей о присланномъ за нее отъ Россійскаго двора сватовствѣ. По пріѣздѣ туда я съ любопытствомъ смотрѣлъ на императрицу, но не примѣтилъ въ лицѣ ея никакой переменны; она ни слова о томъ не говорила, и, казалось, съ равнодушіемъ вошла и гуляла по сей рощицѣ» ²⁾. Очевидно, что маркграфиня дѣйствовала и въ этомъ случаѣ не безъ разсчета. Она желала возбудить въ своей дочери сладостныя воспоминанія о томъ времени ея жизни, когда она еще была полна надеждъ, на высшее земное счастье. Маркграфиня знала, разумѣется, лучше кого-либо о полномъ отчужденіи между своею дочерью и ея мужемъ, но императоръ Александръ въ свой послѣдній проѣздъ черезъ Карлсруэ, обнаружилъ столько любезности по отношенію къ своей тещѣ, былъ такъ ласковъ и нѣженъ съ нею, что въ ней невольно возродилась надежда примирить и соединить вновь супруговъ. Она рѣшилась быть посредницей, но эта задача оказалась ей не по силамъ. Для этого ей не доставало самаго важнаго: теплоты чувства и умѣнія. Холодная, погрязшая во внѣшности, она хлопотала болѣе о сохраненіи достоинства своей дочери, о соблюденіи

¹⁾ См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 295 и слѣдующія. «Странно было для русскаго уха, замѣчаетъ онъ между прочимъ, и нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ: ура Алексѣевна! вивать Алексѣевна! Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи, но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно диво, и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говоритъ».

²⁾ Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 283.

правиль этикета, нежели о достиженіи настоящей своей цѣли. Своими совѣтами она могла скорѣе удалить Елизавету отъ супруга, нежели сблизить съ нимъ ¹⁾.

А между тѣмъ, Александръ именно теперь долженъ былъ предстать передъ императрицею во всемъ чарующемъ блескѣ несравненнаго героя, затмившаго своими сказочными подвигами всѣхъ великихъ людей древности. Послѣ нѣсколькихъ томительно долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, неизвѣстности, сомнѣній, страха грянула по всей Европѣ несказанно радостная вѣсть о низложеніи Наполеона, о взятіи Парижа. Въ Брухзаль великая вѣсть пришла совершенно неожиданно. Былъ уже вечеръ, и все общество собралось за чаемъ, когда внезапно явился курьеръ. Восторгъ былъ всеобщій. Большой кабинетъ опустѣлъ, этикетъ былъ забытъ совершенно. Всѣ смѣшались въ одну оживленную, радостную группу; всѣ обнимали, поздравляли другъ друга; у всѣхъ на глазахъ блистали слезы радости. Какое торжество! какое вступленіе! раздавалось отовсюду. Свѣтъ не видалъ до сихъ поръ ничего подобнаго. Какой контрастъ съ побѣднымъ вступленіемъ Наполеона въ Москву! Тамъ гробовое молчаніе смерти, тамъ ужасы пожара, разрушенія и кровопролитія. А здѣсь! Народъ бѣжитъ несмѣтною толпою за императоромъ; цѣлуютъ у него ноги, называютъ своимъ избавителемъ... Женщины выпрашиваютъ у нашихъ офицеровъ лошадей, чтобы взглянуть на него поближе. Сто тысячъ рукъ изъ оконъ машутъ бѣлыми, платками; повсюду крики: миръ! миръ! какой хотите! ²⁾.

«Можно себѣ представить здѣшнюю радость» пишетъ Шишковъ, «по полученіи сего извѣстія. Но, что я говорю здѣшнюю? она вездѣ была одинакова. Вотъ до какой степени могъ возмутить одинъ человекъ спокойствіе всѣхъ державъ! Меж-

1) Mais jamais personne ne fut moins faite pour le rôle aimable de conciliateur toujours froide, embarrassée, de mauvaise humeur, la margrave ne connaissait point le langage du coeur. Elle avait vieilli dans une atmosphère d'étiquette et d'orgueilleux préjugés qu'elle rendait souvent injuste, toujours malheureux». См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 131.

2) См. Записки А. С. Шишкова, стр. 284; Memoires de la comtesse Edling, стр. 129.

ду тѣмъ не явно ли видна здѣсь рука Божія! Никто не думалъ о взятіи Парижа, о низверженіи Наполеона и еще меньше о возведеніи Людовика XVIII на прародительскій престоль, и все это само собою сдѣлалось!»¹⁾ И эти мысли приходили тогда въ голову всѣмъ и каждому, и имя, Александра, свершителя этихъ чудныхъ подвиговъ, повсюду приводилось въ связь съ именемъ Всевышняго Творца. Вездѣ, и люди высокообразованные, и люди простые смотрѣли на Александра какъ на избранника Провидѣнія, какъ на свершителя Его предназначеній!

Такая мысль нашла себѣ особенно ясное и полное выраженіе въ средѣ тѣхъ высоко религіозно - настроенныхъ лицъ, съ которыми судьба свела въ это время императрицу. Нельзя сказать, чтобы встрѣча съ этими лицами произвела на Елизавету какое-нибудь замѣтное впечатлѣніе. Занятая исключительно своимъ личнымъ, всецѣло поглощавшимъ ее, дѣломъ; чуждая еще въ это время жизни внутренней, религіозной, она могла отнестись лишь съ любопытствомъ къ такимъ страннымъ по внѣшности энтузіастамъ, какими были проживавшіе тогда въ сосѣднемъ Баденѣ Лифляндская баронесса Ю. Ф. Кривинеръ и извѣстный мистикъ Юнгъ-Штиллингъ. Не на одну, впрочемъ, только императрицу, но и на совершенно противоположныхъ ей, по своей натурѣ, людей, лица эти не только не обнаруживали никакого обаянія, а напротивъ казались скорѣе антипатичными. Къ числу такихъ людей, относившихся къ мистикамъ и пророкамъ съ крайнимъ недоувѣріемъ, чтобы не сказать, отвращеніемъ, принадлежалъ и Шишковъ. Восторженные энтузіасты и энтузіастки казались ему прежде всего ханжами, а у него было, по собственнымъ словамъ его, отвращеніе отъ всякаго рода ханжества. Вдохновенныя рѣчи мистиковъ казались ему высокопарными умствованіями, и онъ никоимъ образомъ не могъ понять, въ чемъ

¹⁾ Записки А. С. Шишкова. Тамъ же читаемъ: «Таковымъ образомъ простолюдинъ сей (т. е. Наполеонъ), познесійся изъ ничего выше всѣхъ и надувавшійся какъ пузырь, вдругъ лопнулъ, и всѣ отъ него отказались. Дѣльно, люблю видѣть гордость въ униженіи, невѣжество въ презрѣніи и злодѣя въ поруганіи» стр. 284.

же заключалось смиренномудріе этихъ людей, о которомъ они любили толковать такъ много. «Посѣтилъ меня, рассказываетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, и нѣкто господинъ Штилингъ, человѣкъ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, и хотя мнѣ сказывали, что государь въ проѣздъ свой неоднократно принималъ его и охотно съ нимъ бесѣдовалъ, однакожь видъ его и нѣкоторая открывающаяся иногда странность въ мысляхъ не понравились мнѣ, такъ что сухимъ моимъ приѣмомъ отягъ и у него охоту впредь посѣщать меня»¹⁾.

Столь же неблагопріятное впечатлѣніе, хотя и нѣсколько въ иномъ родѣ произвела на Шишкова и Криденерша, какъ называетъ онъ ее, «извѣстная своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами». Государственный секретарь увидѣлъ ее впервые въ Рагитатѣ у графини Витгенштейнъ и «баронша» произвела на него всѣмъ своимъ видомъ и рѣчами такое сильное впечатлѣніе, что онъ возымѣлъ желаніе познакомиться съ нею поближе. Спустя нѣсколько дней Шишковъ отправился въ Криденеръ и бесѣдовалъ съ нею довольно долго, разумѣется, о религіозныхъ вопросахъ. «Сперва, говоритъ онъ, показалась она мнѣ остроумною женщиною, но скоро примѣтилъ я, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ и вмѣсто смиренномудрія тщеславилась показать себя вдохновенною». Шишковъ, однакоже видимо былъ заинтересованъ Криденеръ и желая узнать ее покороче, онъ черезъ нѣкоторое время посѣтилъ ее вторично. И на этотъ разъ государственный секретарь долго бесѣдовалъ съ «бароншею», но, къ сожалѣнію, онъ не передалъ намъ содержаніе этой бесѣды. Разговоръ продолжался уже довольно долго, когда въ комнату вошла дочь г-жи Криденеръ и шепнула что-то на ухо матери. Шишковъ уже слышалъ, что къ баронессѣ собираются въ извѣстные часы вѣрующіе на поученіе или молитву, и догадался «о чемъ было сіе шептаніе», но онъ притворился, какъ будто ничего не знаетъ и продолжалъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Криденеръ видимо была смущена и

¹⁾ См. записки А. С. Шишкова, Т. I, стр. 281.

недоумѣвала, какъ ей отдѣлаться отъ Шишкова. Наконецъ, она объяснила ему въ чемъ дѣло. «Я также христіанинъ, возразилъ ей Шишковъ, отчего же мнѣ не помолиться съ вами». «Пожалуйте, ежели это вамъ угодно», отвѣчала Криденеръ. Вслѣдъ за тѣмъ она повела своего гостя внизъ. Они очутились въ довольно большой комнатѣ; здѣсь, на скамьяхъ сидѣло много людей обоего пола и самыхъ различныхъ состояній. Въ концѣ комнаты сидѣлъ за столикомъ съ бумагами какой-то человекъ, ничѣмъ не отличавшійся по своей внѣшности, или одѣянью. Онъ началъ читать одинъ изъ псалмовъ Давида и по прочтеніи каждаго стиха дѣлалъ небольшую паузу. Тогда все собраніе тихимъ пѣніемъ повторяло прочитанный стихъ. «Оконча такимъ образомъ псаломъ», говоритъ Шишковъ, «началъ онъ читать довольно длинную, но весьма правоучительную проповѣдь». Собраніе внимало проповѣди съ величайшимъ вниманіемъ и въ глубокой тишинѣ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе и пѣніе другого псалма, чѣмъ и закончилась молитва. «Прощаясь съ Криденершею, говоритъ Шишковъ, я поблагодарилъ ее за доставленное мнѣ удовольствіе, и подумалъ: если только одно это въ собраніяхъ ея происходитъ, то хотя хочется ей прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею, и хотя такое суетное въ ней тщеславіе предосудительно, однакожъ, дѣйствіе, мною видѣнное, ничего въ себѣ худого не заключаетъ»¹⁾.

Очевидно, что г-жа Криденеръ держала себя на свиданіяхъ съ Шишковымъ съ большимъ тактомъ и сдержанностью. Она тотчасъ же поняла, что у этого умнаго, но въ то же время крайне сухого и трезваго человека не можетъ быть ничего общаго съ нею. Она нашла возможнымъ познакомиться его только съ внѣшнимъ культомъ своей религіи, но она не отважилась ввести его въ тотъ странный внутренній міръ, въ который тогда она начала уже погружаться. Совершенно иначе отнеслась баронесса къ другому гостю, посѣтившему ее въ это же время. То была извѣстная намъ дѣвица Стурдза, воспользовавшаяся первою же поѣздкою двора въ Баденъ,

¹⁾ См. Шишковъ, Записки, т. I, стр. 281—82.

чтобы познакомиться поближе съ женщиною, рассказы о которой ходили тогда уже по всей южной Германіи. Восторженная, проникнутая глубокимъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ, Стурдза искала сближенія съ баронессою Криденеръ и съ Юнгъ-Штиллингомъ, такъ какъ смутно сознавала, что въ этихъ людяхъ есть что-то родственное, тождественное съ нею. Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ гораздо позже этой первой встрѣчи съ ними, она говоритъ о нихъ тѣмъ не менѣе въ какомъ-то восторженномъ тонѣ. «Въ Баденѣ», замѣчаетъ она, «я сошлась близко съ двумя существами, отдавшими созерцанію высшихъ, божественныхъ предметовъ, съ жаромъ и вѣрою, достойными особаго вниманія. М-ме Криденеръ и Юнгъ-Штилингъ отвесили ко мнѣ съ истинно-христіанскою любовью, вдвойнѣ для меня цѣнною, возвращающею въ пустой средѣ. Я пользовалась каждою свободною минутою, чтобы бѣжать къ нимъ отъ царствовавшей при дворѣ скуки. М-ме Криденеръ обитала тогда въ небольшомъ домикѣ. Сюда стекались къ ней бѣдняки, несчастные, дѣти, а иногда и люди свѣтскіе, приходившіе, подобно мнѣ, подышать въ болѣе чистой атмосферѣ любви и мира. Въ эту эпоху своей жизни она искала Бога въ дѣлахъ нѣжной благотворительности, добровольной бѣдности и восторженнаго религіознаго созерцанія. Лишь въ послѣдствіи эта восторженность подѣйствовала потрясающимъ образомъ на всю ея внутреннюю организацію. Тогда весь свѣтъ вокругъ нея подернулся таинственнымъ, мистическимъ покровомъ; и физическая и нравственная природа населились для нея призраками, не дававшими ей покоя. Но и среди своихъ заблужденій она оставалась всегда тою же доброю, глубоко симпатичною женщиною. Ея душа всегда была открыта для всѣхъ несчастныхъ и никогда не отказывала она въ слезѣ сочувствія къ страданіямъ и ошибкамъ себѣ подобнымъ»¹⁾).

Не меньше впечатлѣніе произвелъ на Стурдзу и Юнгъ-Штилингъ, «это пламенная, какъ говоритъ она, и чистая душа, это существо, способное идти по стопамъ Фенелона, если

1) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 132—33.

бы только его вѣра руководилась положительною религіею. Но Юнгъ родился въ средѣ протестантской церкви, а протестантизмъ не могъ предохранить его отъ увлеченія фантастическими теоріями. Впрочемъ, эти теоріи не въ силахъ были извратить его чистаго сердца. Юнгъ-Штиллингъ жилъ какъ истинный христіанинъ, съ покорностью несъ онъ свой крестъ, съ любовью исполнялъ онъ свой долгъ. Стурдза посѣтила его въ его болѣе нежели скромномъ жилищѣ. Окруженный своимъ многочисленнымъ семействомъ, онъ рассказывалъ о тяжелыхъ испытаніяхъ своей жизни, и ей псказалось, что она видитъ передъ собою патріарха, повѣствующаго своимъ потомкамъ о чудесахъ Господнихъ. Матеріальное положеніе Штиллинга было въ это время самое тяжелое, почти критическое, но его вѣра оставалась непоколебимою, и онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Провидѣніе, выведившее его столько разъ изъ еще болѣе тяжелыхъ обстоятельствъ, не оставитъ его и на этотъ разъ свою божественною помощію. И не однократно посѣщала послѣ этого Стурдза Штиллинга, и каждый разъ онъ производилъ на нее то же впечатлѣніе тишины, мира и небснаго спокойствія. Неизгладимыми чертами врѣзались въ ея памяти эти лѣтніе вечера, когда она заставляла Штиллинга за клавессиномъ, среди его дѣтей. Онъ игралъ обыкновенно какую-нибудь религіозную мелодію, и чистые, дѣтскіе голоса, сопровождавшіе его игру своимъ пѣніемъ, сливались тогда съ торжественными аккордами инструмента въ какую-то чудную неземную гармонію. Божественная любовь была разлита въ этой гармоніи, и сердце отдавалось всецѣло ея обаянію ¹⁾).

Такое-то впечатлѣніе произвели на Стурдзу лица, казавшіяся сухому и трезвому Шипкову ханжами и полоумными мечтателями. Но спрашивается, кто же изъ приведенныхъ нами свидѣтелей былъ ближе къ истинѣ? Спрашивается, что за лица были Юнгъ-Штиллингъ и Криднеръ, въ чемъ коренилась причина того чарующаго обаянія, которое производили они на однихъ, и того отталкивающаго впечатлѣнія, которое

¹⁾ См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 133—135.

обнаруживали они на другихъ? Отвѣтъ на эти вопросы имѣеть громадное значеніе для всего нашего изслѣдованія, въ виду того вліянія, которое такъ упорно приписывается большинствомъ историковъ и Криденеръ и Штиллиngu, какъ на все религіозное развитіе императора Александра, такъ и на возникновеніе самой идеи священнаго союза.

На первый взглядъ между Юнгъ-Штиллиngомъ и г-жею Криденеръ не было, да и не могло быть много общаго. Оба они родились въ совершенно различной средѣ, жизнь ихъ протекала въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ, а въ ихъ характерахъ обнаруживались ясно самыя разнородныя направленія. Юнгъ-Штиллиngъ происходилъ изъ бѣдной, крестьянской семьи, Криденеръ изъ богатаго и знатнаго рода. Юнгъ-Штиллиngъ провелъ свое дѣтство въ лѣсной глуши, въ обществѣ поселянъ, рудокоповъ и угольщиковъ, Криденеръ—среди барской обстановки, въ средѣ людей, считавшихъ себя образцами утонченной свѣтскости. Юнгъ-Штиллиngъ позналъ нужду и трудъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, Криденеръ утопала въ богатствѣ, а бѣдность и горе извѣстны были ей лишь по наслышкѣ. Вся юность Штиллинга прошла въ непрерывной тяжелой борьбѣ съ жизнью, тогда какъ молодость Криденеръ протекла въ салонѣ, среди суеты и блеска. Штиллиngъ былъ обязанъ всѣмъ одному себѣ, онъ былъ человѣкъ активный въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ перерабатывалъ въ себѣ чуждыя вліянія, но создавалъ самъ и свой внутренній міръ и свою матеріальную обстановку. Тяжелый опытъ жизни былъ его главнымъ, если не единственнымъ наставникомъ и учителемъ. Подъ руководствомъ этого суроваго учителя развилось все его міросозерцаніе, подъ его вліаніемъ сложились его религіозныя идеи, при его помощи завоевалъ онъ себѣ и душевный міръ, и твердую вѣру въ Бога, и пламенную любовь къ ближнему. Обязанный всѣмъ: и положеніемъ, и знаніемъ, и крѣпкою нравственною силою самому себѣ, Штиллиngъ не искалъ ничего покровительства, не въ состояніи былъ пресмыкаться у ногъ сильныхъ міра сего, хотя и относился ко всѣмъ и каждому съ одинаковыми чувствами всему снисходящей, всепрощающей любви. Криденеръ, наобо-

ротъ, никогда не знала нужды и всѣ ея испытанія были лишь результатомъ неудовлетворенности, столь свойственной людямъ свѣтскимъ, окруженнымъ съ самой колыбели такъ называемыми удобствами и радостями жизни. Натуры не глубокия, люди ограниченные, дюжинные находятъ себѣ полное удовлетвореніе, чуть не блаженство въ мелочахъ и пустыхъ блестящихъ жизни; натуры болѣе глубокия, воспримчивыя, страстныя проникаются вскорѣ непобѣдимымъ отвращеніемъ къ прелестямъ свѣтской жизни. Онѣ силятся сбросить съ себя цѣпи, наложенныя на нихъ средою, онѣ отворачиваются отъ мишуры, онѣ ищутъ чего-то иного, высшаго, и въ ихъ жизни наступаетъ наконецъ, тотъ роковой моментъ, когда онѣ разрываютъ рѣшительно связь со свѣтомъ и вступаютъ на новый жизненный путь. Такой моментъ наступилъ и для Криденеръ, но онъ наступилъ сравнительно поздно, въ такую эпоху жизни, когда вышнія прелести бытія начинаютъ терять значительную долю своего обаянія, когда человѣкъ насыщается и вышнимъ блескомъ, и чувственностью, когда, однимъ словомъ, наступаетъ пора разочарованія, а для другихъ пора самоуглубленія и духовнаго подъема. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ своей жизни, натуры, подобныя Криденеръ, натуры въ сущности слабыя, способны лишь къ воспринятію, а не къ творчеству, одаренныя скорѣе воображеніемъ, нежели умомъ положительнымъ, не способны подняться и воспрянуть собственными силами. Онѣ ищутъ себѣ опоры и руководителей, легко поддаются чуждымъ вліяніямъ, бродятъ какъ въ потьмахъ, пока судьба не сталкиваетъ ихъ, наконецъ, съ человѣкомъ, который выводитъ ихъ на путь, кажуційся имъ путемъ истины. Таковы въ общихъ чертахъ смыслъ и исторія сближенія и взаимодействія Юнгъ-Штиллинга и Криденеръ. Но обратимся къ самимъ фактамъ, посмотримъ, чего искала Криденеръ у Юнгъ-Штиллинга и что могъ онъ дать ей.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

КЪ УЧЕНІЮ АРИСТОТЕЛЯ О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

Съ тѣми религіозными убѣжденіями, которыя были распространены въ народѣ, не могли примириться передовые умы древней Греціи. Эллинскій политеизмъ вмѣстѣ съ положенными въ основу его нравственными идеями, казалось, самъ говорилъ противъ себя, казалось, постоянно и во всемъ обнаруживалъ свою несостоятельность. И между представителями философской науки въ этотъ періодъ едва ли возможно найти такихъ, которые безусловно придерживались бы точки зрѣнія народной религіи ¹⁾. Чувствовалась недостаточность господствовавшаго въ то время религіознаго міросозерцанія, и потребность принять въ вѣроученіи болѣе высокіе начала и принципы такъ или иначе сказывается во всей древней философій. Обвинители не безъ нѣкоторыхъ основаній ²⁾ утверждали, что Сократъ «не вѣритъ въ тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ государство» ³⁾; только они не могли оцѣнить по достоинству значенія этого невѣрія... ⁴⁾.

Подобное, если можно такъ выразиться, отрицательное от-

¹⁾ Правда, недостаточность источниковъ иногда мѣшаетъ намъ сказать определенно, какъ относится къ народной религіи тотъ или другой изъ древнѣйшихъ греческихъ философовъ.

²⁾ Ср. взглядъ англійскаго ученаго Грота.

³⁾ Xenophontis «Memorabilia». Изд. 6-е (Я. Кремера). Москва 1886 сар. I, 1, читаемъ: «Ἦ μὲν γὰρ γραφὴ κατ' αὐτοῦ τοιαύτε τις ἦν. ἀδικεῖ Σωκράτης οὐς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζων»... Ср. Platonis «Opera» ed. Didot. Vol. I Par. 1856. Apol. 24 b—c, p. 19.

⁴⁾ Обвиненіе гласитъ: «ἀδικεῖ»... (ibid.).

ношеніе къ народнымъ вѣрованіямъ и стремленіе возвыситься до болѣе глубокихъ началъ проявилось между прочимъ и въ ученіи различныхъ мыслителей и философовъ греческихъ о безсмертіи души.

Эллины вѣрили въ загробную жизнь. Но «понятіе о душѣ, какъ о безсмертномъ разумномъ духѣ, возникло... позже и... во всякомъ случаѣ... развилось лишь вмѣстѣ съ философіей и орѣтическими мистеріями» ¹⁾. Наиболѣе распространеннымъ было убѣжденіе, будто люди послѣ смерти переселяются въ какое-то подземное царство и будто здѣсь одинаково «томятся призрачной жизнью» какъ добрые, такъ и злые ²⁾. По смерти человѣка остается его призракъ или тѣнь, которая и блуждаетъ въ этомъ подземномъ обиталищѣ ³⁾. Продолжаетъ существовать тѣнь, призракъ человѣка, а не душа его, въ строгомъ значеніи этого слова,—душа съ тѣми разумными и нравственными началами, которыя ей принадлежатъ. Древніе греки вѣрили въ существованіе человѣка за гробомъ, но не вѣрили въ безсмертіе души, въ нашемъ смыслѣ ⁴⁾.

На такомъ взглядѣ, говоримъ мы, философы Греческіе остановиться не могли. Не находя себѣ удовлетворенія въ религіи народа, Пифагорейцы, а также и представитель «новой физической философіи» Эмпедокль въ такой или иной формѣ признаютъ переселеніе душъ, полагаютъ, будто душа человѣка послѣ его смерти переходитъ въ другихъ людей или даже въ животныя и (Эмпедокль) растенія ⁵⁾. А Гераклитъ, осно-

¹⁾ Кн. С. Трубецкой «Метафизика въ древней Греціи». Москва 1890 стр. 104.

²⁾ Впрочемъ иногда предполагали, что тотъ, кто принимаетъ участіе въ мистеріяхъ, будетъ въ подземномъ царствѣ находиться въ непосредственной близости къ богамъ. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». I Th. 2-te. Aufl. Tüb. 1856 p. 47—48.

³⁾ Кн. С. Трубецкой стр. 103—106. Ср. Ed. Zeller I Th. p. 47—53.

⁴⁾ Ср. кн. С. Трубецкой стр. 103—106.

⁵⁾ Ed. Zeller I Th. p. 326—332; *ibid.* p. 358—359; *ibid.* p. 364; *ibid.* p. 547—553 (Эмпедокль полагалъ, будто какія-то божества ниспосланы въ наказаніе на землю переселяться въ продолженіи извѣстнаго періода времени въ различныя живыя существа); Fr. Ueberweg «Grundriss der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart». Th. I—III. 2-te Aufl. 1865—1866 Th. I p. 41—46; *ibid.* Th. I p. 60; Chr. Aug. Brandis «Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie und ihrer Nachwirkungen im römischen Reiche». I—II

вываясь на своемъ ученіи, что все въ мірѣ постоянно измѣняется, что происходятъ какія-то непрерывныя превращенія, метаморфозы, объявилъ, будто рожденіе человѣка есть смерть для божества, а смерть человѣка рожденіе для божества, иначе говоря, будто божество обращается въ человѣка или, по крайней мѣрѣ, въ душу человѣка, а когда человѣкъ умираетъ, его душа вновь становится божествомъ ¹⁾. Наконецъ, Сократъ, Платонъ и Аристотель вырабатываютъ новое понятіе о душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое ученіе о ея безсмертіи.

Сократъ, повидимому, вообще мало останавливается на вопросѣ о безсмертіи души. Въ «Воспоминаніяхъ» Ксенофонта, которыя являются главнымъ источникомъ при изученіи его философіи, мы не встрѣчаемъ вовсе разсужденій, посвященныхъ этому предмету. Приходится въ данномъ случаѣ судить о воззрѣніяхъ его почти исключительно на основаніи Платоновской «Апологіи». Душа будетъ жить послѣ смерти тѣла, — въ это Сократъ вѣритъ. При томъ онъ првзнаетъ, что за гробомъ существуетъ душа, а не какой-то призракъ или тѣнь умершаго. У него дѣло идетъ уже о безсмертіи души, въ нашемъ смыслѣ, а не о томъ, будто сохраняется слабое подобіе прежде жившихъ людей, — подобіе, быть можетъ, только или почти только *физической* природы человѣка. Душа съ ея разумнымъ и нравственнымъ началомъ, а не призракъ тѣла, не перестаетъ жить, когда прекращается земная жизнь наша. А потому и самое существованіе за гробомъ представляется Сократу вовсе не такимъ мрачнымъ, какъ это рисуютъ ре-

Hälfte. Brl. 1862—1864. I p. 102—119; *ibid.* I p. 58; *ibid.* p. I 187—191; H. Ritter et L. Preller «Historia philosophiae Graecae et Romanae ex fontium locis contexta». Ed. secunda. Gothae 1857 p. 90—92; *ibid.* p. 148—152; кн. С. Трубецкой стр. 220—225; тамъ-же стр. 316—317.

¹⁾ Ed. Zeller I Th. p. 482—485; Chr. Aug. Brandis I p. 64; H. Ritter et L. Preller p. 27—28; кн. С. Трубецкой стр. 261.—Извѣстію о томъ, будто уже Фалесъ признавалъ безсмертіе души Ed. Zeller не считаетъ возможнымъ вѣрить. См. I Th. p. 154—155 съ примѣчаніями, сюда относящимися. Такимъ же образомъ этотъ извѣстный пѣмецкій ученый отвергаетъ предположеніе, будто Парменидъ утверждалъ существованіе души до рожденія человѣка и переселеніе душъ. См. Ed. Zeller I Th. p. 415—416 съ примѣчаніями, сюда относящимися. Ср. Chr. Aug. Brandis I p. 94.

лигіозныя сказанія грековъ. Сохраняя свою разумную и нравственную природу, душа и живетъ разумной и нравственной жизнью. Ученіе о томъ, будто намъ придется послѣ смерти влечь жалкое существованіе въ подземномъ царствѣ тѣней, Сократъ, собственно, отбрасываетъ ¹⁾. Новую жизнь, жизнь за гробомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый переходъ къ этой новой жизни,—смерть отнюдь нельзя разсматривать, какъ какое-то зло для человѣка. Впрочемъ стремленія доказать бессмертіе души, вывести его изъ теоретическихъ, философскихъ основаній у великаго Аѳинскаго мыслителя не замѣчается ²⁾. Таковы воззрѣнія Сократа, и мы не можемъ не видѣть существеннаго различія между его ученіемъ и вѣрованіями древне-эллинскаго народа ³⁾. Онъ уже дѣлаетъ первый шагъ по тому пути, по которому такъ твердо шли потомъ Платонъ и Аристотель ⁴⁾.

¹⁾ Мы, правда, встрѣчаемъ у него самое названіе этого подземнаго царства (Apol. 40 e, p. 32: εἰ γάρ τις ἀφικόμενος εἰς "Αδου...), но съ прежнимъ названіемъ Сократъ соединяетъ идею новую.

²⁾ Ср. Ed. Zeller II Th. 2-te Aufl. Tüb. 1859 p. 120—121; Chr. Aug. Brandis I p. 244; H. Ritter et L. Preller p. 184—186; W. G. Tenemann „Lehren und Meinungen der Sokratiker über Unsterblichkeit“. Jena 1791 p. 534—560; кн. С. Трубецкой стр. 487—502; G. Grote „Plato and the other companions of Sokrates“. In three vol. Lond. 1865. Vol. I p. 293—294.

³⁾ Apol. 40—42 p. 32—33.

⁴⁾ Въ «Апологии» (См. 40 с—е, p. 32) Сократъ говоритъ, что смерть представляеть одно изъ двухъ: или какъ бы небытіе и отсутствіе всякихъ ощущеній (οἷον μὴδὲν εἶναι μὴδ' αἰσθῆσιν μηδεμίαν μηδενὸς ἔχειν τὸν τεθνεῶτα), нѣчто похожее на сонъ (καὶ εἴτε δὴ μηδεμίαν αἰσθησὶς ἐστίν, ἀλλ' οἷον ὕπνος), или переходъ души въ другое мѣсто (μεταβολή τις τυγχάνει οὐσα καὶ μετοίκησις τῇ ψυχῇ... ἐνθένδ' εἰς ἄλλον τόπον... И нѣсколько ниже: εἴτ' αὖ οἷον ἀποδημῆσαι ἐστίν ὁ θάνατος ἐνθένδ' εἰς ἄλλον τόπον), если справедливо то, что обыкновенно утверждаютъ (εἴτε... ἀληθῆ ἐστὶ τὰ λεγόμενα). Такимъ образомъ этотъ аѳинскій мыслитель, повидимому, готовъ допустить и другое предположеніе. Онъ какъ-бы согласенъ признать, что послѣ смерти наступаетъ небытіе и свое ученіе о бессмертіи души выставляетъ лишь на тотъ случай, если слѣдуетъ оправдать распространенныя въ народѣ религіозныя вѣрованія. Но уже W. G. Tenemann справедливо замѣчаетъ, что Сократъ бессмертія души не доказываетъ, ничѣмъ теоретически не обосновываетъ. Въ приведенныхъ словахъ его нужно видѣть лишь указаніе на то, что въ бытіе послѣ смерти онъ самъ вѣритъ только, что его убѣжденіе въ бессмертіи души основано исключительно на вѣрѣ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, думаетъ W. G. Tenemann, Сократъ, обсуждая въ «Апологии», что его ожидаетъ послѣ того, какъ приговоръ аѳинскаго суда будетъ приведенъ въ исполненіе, по-

Ученикъ Сократа Платонъ особенно много трудится надъ тѣмъ, чтобы *доказать* безсмертіе души. Его діалогъ «Федонъ» весь посвященъ этому. Онъ приводитъ здѣсь длинный рядъ доводовъ и притомъ старается опровергнуть противоположные взгляды на душу и судьбу человѣка послѣ смерти. Кроме того мы встрѣчаемъ доказательства безсмертія души въ «Федрѣ», «Тимеѣ» и «Политикѣ»¹⁾. Но мы задаемся цѣлью рассмотреть только Аристотелевское ученіе о безсмертіи души, а потому на перечисленіи и обсужденіи Платоновскихъ аргументовъ останавливаться не будемъ. Мы касаемся возрѣній предшественниковъ Великаго Стагирита лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія его теоріи²⁾.

Повторяемъ, Платонъ хочетъ, возможно, лучше обосновать свое ученіе о безсмертіи души. Но самое ученіе это хотя и содержитъ въ себѣ, какъ увидимъ мы ниже, несравненно болѣе высокія идеи, чѣмъ какія положены въ основу религіознаго міросозерцанія древнихъ грековъ, все же до нѣкоторой степени сохраняетъ у него прежній характеръ. Какъ извѣстно, въ его діалогахъ мы встрѣчаемъ весьма и весьма много разсказовъ изъ эллинской міеологіи. Иногда это, быть можетъ, объясняется стремленіемъ Платона стать на народную точку зрѣнія и сдѣлать такимъ образомъ философскія разсужденія, по возможности, общепонятными. Часто онъ прибѣгаетъ къ

слѣ того, какъ онъ умретъ, разсматриваетъ и случай, если душа послѣ смерти переходитъ въ небытіе,—случай, который предположилъ бы всякій, кто не раздѣляетъ вѣры въ безсмертіе души. Аѳинскій философъ хочетъ убѣдить и не вѣрящихъ въ томъ, что смерть не можетъ представлять для человѣка какое-то зло. И такимъ же образомъ должны мы, конечно, объяснить и ту оговорку, которую дѣлаетъ Сократъ, когда онъ далѣе переходитъ въ мнѣнію, что душа безсмертна, и прибавляетъ—«если справедливы народныя сказанія». Съ этимъ объясненіемъ въ общемъ соглашается и Ed. Zeller. См. W. G. Tegetmann p. 549—560; Ed. Zeller II Th. p. 120—121. Cp. Chr. Aug. Brandis I p. 244.

1) Phaedr. 245 c—e, p. 711—712; Civ. lb. X 609—611, vol. II (Par. 1846) p. 186—188; Tim. 41, vol. II p. 212.

2) Что приведенныя Платономъ доказательства не отражаются на Аристотелевской теоріи,—это можно было бы выяснитъ только ниже, охарактеризовавъ сначала, съ одной стороны, ученіе Платона и, съ другой,—Аристотеля. Мы говоримъ, конечно, о самыхъ доводахъ, а не о тѣхъ возрѣніяхъ, въ пользу которыхъ Платонъ свои аргументы приводитъ.

миѳическимъ сказаніямъ тамъ, гдѣ ему становится не подъ силу продолжать размышленія теоретическія; часто онъ, приводя различные рассказы, хочетъ сообщить своей системѣ необходимую полную и какъ бы совѣтуетъ искать въ миѳахъ рѣшенія тѣхъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ философія оказывается безсильной ¹⁾. Какъ бы то ни было, Платонъ все же въ значительной степени придерживается народной религіи, и это сказывается также и въ его ученіи о безсмертіи души. Если въ миѳическихъ рассказахъ, которые мы въ его діалогахъ встрѣчаемъ, когда дѣло идетъ о загробной жизни, отбросить все, что можно объяснить какъ-нибудь иначе, относительно остального придется сказать, что Платонъ удерживаетъ тутъ взгляды, которыми характеризуются вѣрованія народа.

Мы видѣли, что мыслители до-Платоновскаго періода, считая, повидимому, тѣ воззрѣнія, которыя были приняты въ религіи, недостаточными, стремятся придать ученію о загробной жизни нѣсколько иной характеръ: Пифагорейцы, а впоследствии и Эмпедокль проповѣдуютъ переселеніе душъ. Платонъ три раза ѣздилъ въ Италію и сблизился здѣсь съ послѣдователями пифагореизма. Философское ученіе Пифагорейцевъ и тѣ вѣрованія, которыя были выработаны въ нѣдрахъ Пифагорейской религіозно-политической общины, и оказали на этого аѳинскаго мыслителя свое вліяніе. Усвоилъ онъ себѣ, по всей вѣроятности, здѣсь и вѣру въ переселеніе душъ. Только, говоря о метѳемпсихозѣ, Платонъ придаетъ своимъ рассказамъ миѳологическій характеръ. Да это и понятно въ виду того, что ученіе о переселеніи душъ скорѣе представляетъ у Пифагорейцевъ одну изъ особенностей тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя раздѣляли представители школы, чѣмъ вытекаетъ непосредственно изъ ихъ метафизической доктрины, изъ ихъ понятія о числѣ, какъ сущности вещей. Если Платонъ проповѣдуетъ пифагорейское ученіе о переселеніи душъ, — въ этомъ можно видѣть вѣрность религіознымъ взглядамъ среды, вѣрность народной религіи, какъ ее

¹⁾ Ср. Ed. Zeller II Th. p. 361—363.

передѣляли по своему приверженцы пифагорейской философіи. Нужно только замѣтить, что, объясняя такъ разсужденія Платона, мы должны относиться къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ его діалоговъ съ осторожностью. Ибо тогда опять-таки возможно думать, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ философъ прибѣгаетъ къ разсказамъ своимъ, просто приравливаясь ко взглядамъ окружающихъ, — лишь для того, чтобы сдѣлать свои мысли удобопонятнымъ.

Платонъ предлагаетъ съ разными измѣненіями въ частности, на которыхъ онъ останавливается какъ бы съ особымъ удовольствіемъ и интересомъ, слѣдующее ученіе. Деміургъ, создавая души людей, приурочилъ каждую изъ нихъ къ особому небесному тѣлу, къ особой звѣздѣ (на звѣзды и вообще небесныя тѣла ¹⁾ Платонъ смотритъ, какъ на что-то божественное), и послѣ блужданій на землѣ душа въ концѣ концовъ возвращается на свою звѣзду, гдѣ уже ведетъ свѣтлую жизнь ²⁾. Во время земной жизни человѣка она воспринимаетъ въ себя различныя чувственные элементы, становится чѣмъ-то тяжелымъ, вслѣдствіе этого какъ бы влечется къ землѣ и въ видѣ какой-то тѣни или призрака бродитъ послѣ смерти тѣла вокругъ гробницъ и въ другихъ уединенныхъ мѣстахъ ³⁾. Наконецъ, по прошествіи тысячи лѣтъ душа переселяется въ другое живое существо. Смотря по заслугамъ, склонностямъ и характеру умершаго, она переходитъ въ человѣка опять или въ животное соотвѣтствующаго типа. Такъ переселяется она впродолженіи десяти тысячъ лѣтъ. По истеченіи этого срока душа уносится въ небесныя сферы и начинаетъ жить блаженной жизнью. Какъ сказано, она принимаетъ въ себя чувственные элементы, когда человѣкъ живетъ на землѣ. Чтобы перейти въ небесное обиталище, чтобы поселиться въ первоначальномъ своемъ жилищѣ, она должна отбросить все тѣлесное. Это очищеніе и происходитъ будто

1) Tim. 37—43, vol. II p. 208—213. Ср. Ed. Zeller Th. II p. 519—524; Chr. Aug. Brandis I p. 337—340; G. Grote vol. III p. 257—258.

2) Tim. 41 d—e, 42 a—c, vol. II p. 212.

3) Phaedo 80—84, vol. I p. 62—66.

бы въ періодъ, если можно такъ выразиться, странствованій ея, когда она переходитъ изъ одного живого существа въ другое и такимъ образомъ постоянно продолжаетъ свою земную жизнь. Но очищеніе заключается въ томъ, что душа освобождается отъ всякаго рода чувственныхъ элементовъ. Между тѣмъ истинный философъ, именно, удаляется всю жизнь свою отъ всего матеріальнаго, чувственнаго и углубляется въ міръ разума, въ міръ вѣчныхъ и истинныхъ идей. Философъ очищаетъ свою душу отъ принадлежащихъ ей чувственныхъ элементовъ. А потому, когда онъ умираетъ, душа его, не переселяясь въ другія существа, прямо попадаетъ въ свѣтлое жилище боговъ ¹⁾).

Мы опустили въ этомъ рассказѣ множество подробностей, на которыхъ, какъ мы только что говорили, Платонъ останавливается съ большимъ вниманіемъ. Предположимъ, будто мы тѣмъ не менѣе не отбросили тутъ много такого, что этотъ мыслитель внесъ лишь съ цѣлью, ставъ на народную точку зрѣнія, сдѣлать свои разсужденія, по возможности, понятными для всѣхъ. И тогда намъ все же прійдется утверждать слѣдующее. Платонъ вѣритъ въ бессмертіе души. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь. Но, по его мнѣнію, душа человека во время земной жизни оскверняется, принимая въ себя различные матеріальные элементы. Отъ этихъ элементовъ она должна освободиться прежде, чѣмъ войдетъ въ обиталище боговъ. А очиститься она можетъ двоякимъ путемъ: или углубляясь въ философію, стремясь къ истинному знанію, отбрасывая отъ себя все тѣлесное и постоянно созерцая міръ идей, или же чрезъ переселеніе въ другихъ людей или другіа жи-

¹⁾ Tim. 41—43 d, vol. II p. 211—213; *ibid.* 90e—92 p. 248—249; Phaedr. 246—249, vol. I p. 712—715; Phaedo 61—72, vol. I p. 46—56; *ibid.* 81—84, p. 63—66; *ibid.* 107—115, p. 84—91. Ср. Ed. Zeller Th. II p. 524—538; Fr. Ueberweg Th. I p. 109—113.—Иногда Платонъ представляетъ дѣло нѣсколько иначе и говоритъ, что душу человека послѣ его смерти судятъ боги и она, согласно тому, какъ провелъ человекъ свою жизнь и какъ опредѣлили боги, пребываетъ въ продолженіи тысячи лѣтъ или въ подземномъ царствѣ, или въ непосредственной близости къ богамъ и только затѣмъ уже переселяется въ другое живое существо. Civ. 614—621, vol. I p. 190—196; Phaedr. 246—249, vol. I p. 712—715; Phaedo 71, vol. I p. 55—56; *ibid.* 107, p. 84—85.

выя существа. Этотъ, такъ сказать, остовъ получается у насъ, если отбросить у Платона все, что только, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, возможно отбросить ¹⁾. Приходится, во всякомъ случаѣ, признать, что нашъ философъ сохраняетъ вѣру въ переселеніе душъ, — переселеніе душъ, которымъ Пифагорейцы и Эмпедоклъ, не соглашаясь принять точку зрѣнія народныхъ вѣрованій, замѣнили существованіе души или призрака умершаго человѣка въ мрачномъ царствѣ тѣней.

Но мы видѣли, что безсмертія души, въ строгомъ смыслѣ, греческая народная религія не утверждаетъ. Остается послѣ смерти призракъ человѣка, а не его душа, въ истинномъ значеніи слова, и сохраняется этотъ призракъ въ какомъ-то подземномъ пространствѣ, гдѣ влачить самое жалкое существованіе. Вѣра въ переселеніе душъ у Пифагорейцевъ и Эмпедокла по самому существу своему не могла окончательно вытѣснить такія воззрѣнія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы измѣнить понятіе о жизни души послѣ смерти человѣка, о существованіи души отдѣльно отъ тѣла. вмѣсто этого Пифагорейцы и Эмпедоклъ объявляютъ, будто душа наша переселяется въ другія живыя существа, т. е. продолжаетъ жить опять-таки съ тѣломъ, только съ другимъ тѣломъ, образуя вмѣстѣ съ этимъ другимъ тѣломъ новое живое существо. Наконецъ, Сократъ выработываетъ болѣе высокое ученіе о безсмертіи души. Остается послѣ смерти, говоритъ онъ, душа человѣка, а не ка-

¹⁾ Если пойти въ критикѣ еще дальше и сказать, что серьезно Платонъ признаетъ, на самомъ дѣлѣ, только безсмертіе души, что онъ не вѣритъ и въ переселеніе душъ, то всѣ разсказы этого мыслителя о томъ, будто душа блуждаетъ около гробницъ, будто она попадаетъ первоначально въ какое-то судилище, гдѣ на тысячу лѣтъ (до тѣхъ поръ, пока она не вселится въ другое существо) опредѣляется ея судьба, будто по истеченіи этого срока душа вселяется въ такое или иное существо, смотря по тому, какія наклонности человѣкъ проявилъ (например, душа человѣка жаднаго — въ хищное животное), — подобные разсказы потеряютъ всякій свой смыслъ. Мы тогда вовсе не имѣли бы возможности объяснить, съ какой цѣлью Платонъ приводитъ, а иногда и самъ вновь составляетъ такіе разсказы, — разсказы, которые съ его собственными убѣжденіями ничего общаго не имѣютъ. Несомнѣнно, Платонъ далекъ отъ того, чтобы вѣрить во все, что онъ сообщаетъ, но нѣкоторое сходство между встрѣчающимися у него мифическими сказаніями и его собственными убѣжденіями должно существовать.

кая-то тѣнь умершаго, — душа съ ея свѣтлыми разумными и нравственными началами. И то, что Сократъ высказалъ отрывочно и намеками, Платонъ вполне усваиваетъ и развиваетъ. Душа человѣка въ концѣ концовъ поселяется въ свѣтломъ небесномъ жилищѣ, въ обиталищѣ боговъ, гдѣ ей чуждо все матеріальное, все тѣлесное, все чувственное, гдѣ она живетъ исключительно и всецѣло разумной и нравственной жизнью. Правда, чтобы попасть въ небесныя сферы, она должна очиститься, а для этого въ большинствѣ случаевъ (душа философа не переселяется) долженъ пройти періодъ десяти тысячъ лѣтъ или — если на эту цифру смотрѣть, какъ на одну изъ подробностей, которымъ Платонъ самъ не придавалъ серьезнаго значенія — вообще длинный промежутокъ времени, для этого душа должна еще послѣдовательно переселяться въ различныя живыя существа. Но въ концѣ концовъ, говоримъ мы, когда очищеніе это, наконецъ, завершится, когда душа, наконецъ, освободится отъ чувственныхъ элементовъ, она остается свободной отъ всего тѣлеснаго навсегда и живетъ высшей свѣтлой жизнью въ непосредственной близости къ богамъ и постоянно созерцая міръ истинныхъ идей.

Итакъ, древніе Греки вѣрили въ существованіе человѣка за гробомъ, но у нихъ не было вѣры въ безсмертіе души, въ истинномъ значеніи. Сознвая недостаточность воззрѣній, распространенныхъ въ народѣ, и желая исправить ихъ, Пифагорейцы и Эмпедокль проповѣдуютъ переселеніе душъ. Но это послѣднее ученіе, конечно, нельзя разсматривать, какъ философскую теорію. Это — просто нѣкоторая передѣлка народныхъ вѣрованій, только передѣлка, выполненная представителями философской науки. Иначе слѣдуетъ относиться къ Сократовскому понятію о безсмертіи души. Безсмертна у него, дѣйствительно, душа, а не какой-то призракъ или тѣнь. Только къ сожалѣнію Сократъ, какъ мы, по крайней мѣрѣ, его ученіе знаемъ, вообще мало останавливается на этомъ вопросѣ. Платонъ удерживаетъ нѣкоторые изъ религіозныхъ взглядовъ общества, правда, въ томъ измѣненномъ ихъ видѣ, въ какомъ они были приняты у Пифагорейцевъ и Эмпедокла. Онъ вѣритъ въ метемпсихозъ, хотя переселеніе душъ пред-

ставляетъ у него какъ бы посредствующую ступень между земной жизнью человѣка и тѣмъ свѣтлымъ существованіемъ, которое наступаетъ, когда душа всѣ свои странствованія оканчиваетъ. Остатокъ вѣры слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть и въ разныхъ подробностяхъ его рассказовъ, а также въ томъ, что Платонъ въ концѣ концовъ все же поселяетъ душу въ «обиталищѣ боговъ, въ непосредственной близости къ этимъ послѣднимъ». Но у Платона, говоримъ мы, переселеніе составляетъ только посредствующую ступень. И понятіе о жизни души послѣ того, какъ она заканчиваетъ свои скитанія, у него несравненно выше, чѣмъ какое выработалъ народъ. Въ слѣдъ за Сократомъ онъ проповѣдуетъ истинное безсмертіе и объявляетъ, что очищенная чрезъ длинный рядъ переселеній душа начинаетъ жить, свободная отъ всего чувственнаго и матеріальнаго, углубляясь всецѣло въ истинныя идеи, начинаетъ жить, дѣйствительно, высокой разумной и нравственной жизнью. Ко всему своему ученію онъ при этомъ прибавляетъ сложную систему доказательствъ въ пользу безсмертія души.

Таковы взгляды предшественниковъ Аристотеля въ древней Греціи. У самаго послѣдняго изъ нихъ—Платона, котораго можно считать наиболѣе глубокимъ мыслителемъ до-Аристотелевскаго періода, мы все же встрѣчаемъ въ ученіи о безсмертіи много мнѣческаго, много остатковъ распространенныхъ въ народѣ убѣжденій. Строгій теоретикъ Аристотель вполне освобождается отъ вліянія народныхъ религіозныхъ вѣрованій. Ему безусловно чуждо все мнѣческое, все, что у предшественниковъ его обуславливается религіознымъ ученіемъ грековъ. Онъ вырабатываетъ независимую отъ возрѣній народа и общества того времени философскую теорію, и въ этомъ нельзя не видѣть высокой заслуги Великаго Стагирита.

Чтобы вполне понять Аристотелевское ученіе о безсмертіи души, необходимо остановиться сначала на нѣкоторыхъ метафизическихъ его взглядахъ.

Аристотель различаетъ четырехъ родовъ причину. Положимъ, говоритъ онъ, строится домъ. Необходима *матерія*, изъ которой его можно было бы выстроить,—причина матеріаль-

ная. Изъ имѣющагося матеріала строить домъ *люди*. Должна быть на лицо причина движущая. Люди дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ съ извѣстной опредѣленной *цѣлью*: они хотятъ, именно, построить домъ. Цѣль—это причина конечная. Въ результатъ имѣвшійся матеріалъ обращается въ домъ, въ нѣчто такое, что обладаетъ опредѣленными свойствами. Совокупность этихъ свойствъ составляетъ, если можно такъ выразиться, *форму* вновь полученнаго предмета. Вотъ четвертая причина, — причина формальная. Итакъ, возможно рассуждать о причинѣ матеріальной, — веществѣ или матеріи, изъ которой предметъ образовался, о причинѣ движущей, — силѣ, благодаря которой вещь возникла изъ безкачественной матеріи, о причинѣ конечной, —цѣли или назначеніи предмета, и о причинѣ формальной или формѣ вещи, т. е. о совокупности свойствъ (всѣхъ свойствъ, а не о геометрической фигурѣ только), которыми предметъ обладает¹⁾. Впрочемъ, замѣчаетъ Аристотель, причина конечная, собственно, сливается съ формальной, ибо свойства вещи опредѣляются ея назначеніемъ, причина же движущая сводится къ причинѣ конечной, ибо двигателемъ, мотивомъ къ дѣятельности, именно, и является та цѣль, которую мы преслѣдуемъ. Выходитъ такимъ образомъ, что, строго говоря, слѣдуетъ различать лишь причину матеріальную и формальную²⁾. А тѣмъ болѣе приходится говорить только о причинѣ двухъ родовъ, когда дѣло идетъ не о процессѣ образованія или возникновенія той или другой вещи, а о предметѣ, какъ о чемъ-то

1) Aristotelis «Opera omnia» rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Bip. 1792. Anal. post. lb. II. c. X. Vol. II p. 584—588; Aristotelis «Opera omnia» ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaph. lb. I cap. III, 1 p. 471—472; ibid. lb. IV cap. II p. 515—516; ibid. lb. VII cap. IV p. 561—562; Nat. auscult. (φυσικὴ ἀκρόασις) lb. II cap. III p. 264—265. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 246—247; Fr. Ueberweg I Th. p. 137; ibid. I. Th. p. 139.

2) Aristotelis «De anima libri III». Recogn. G. Biehl. Lips. 1884 lb. I c. I 403 b, p. 5; ibid. lb. II cap. IV 415 b—416 a, p. 40—41; Metaph. lb. VII cap. IV 4—5 p. 561; ibid. lb. XI cap. III 1 p. 601; Natur. auscult. lb. II cap. VII 3—5 p. 269; ibid. lb. III cap. VIII 7 p. 271; ibid. lb. III cap. IX 2—5 p. 272; De generatione et corruptione lb. II cap. IX 1—3 p. 463. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 246—249; Fr. Ueberweg I Th. p. 137; ibid. I Th. p. 139.

готовомъ, о чемъ-то данномъ. Вопросъ о причинѣ движущей, о той силѣ, подъ вліяніемъ которой создалась или устроилась данная вещь, отступаетъ тогда уже на задній планъ; перестаемъ мы въ такомъ случаѣ разсуждать и о цѣли, въ строгомъ смыслѣ, и трактуемъ, именно, только о назначеніи предмета; между тѣмъ назначеніе каждой вещи необходимо должно соотвѣтствовать ея свойствамъ, ея формѣ, ея формальной причинѣ.

Итакъ, каждый предметъ предполагаетъ свою матеріальную и формальную причину. Въ каждой вещи есть матерія и форма. Подъ формой Аристотель при этомъ разумѣетъ всю совокупность свойствъ предмета, а не его геометрическую фигуру только. Такъ какъ форма заключаетъ въ себѣ *всю* свойства вещи, то выходитъ, что матерія или матеріальная причина предмета представляетъ нѣчто совершенно безкачественное. И вотъ, Аристотель спрашиваетъ, въ чемъ же заключается сущность вещи, въ ея матеріи или формѣ. Если бы мы сказали, что сущность вещи есть та матерія, изъ которой предметъ образовался, мы должны были бы отбросить всѣ свойства вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все существенное въ ней, все, чѣмъ характеризуется ея сущность. Признать матерію за сущность нельзя. Сущность вещи составляетъ ея форма ¹⁾. Согласно съ этимъ, Аристотель различаетъ часто а) матеріальную причину предмета, б) форму и в) соединеніе матеріи съ формой,—самую вещь.

Какъ извѣстно, Платонъ объявилъ, что есть особый міръ идей, что идеямъ принадлежитъ и, такъ сказать, объективное бытіе, что онѣ существуютъ объективно, а не какъ продуктъ какого-либо мыслящаго духа только. Вещи представляютъ слабое отраженіе истинныхъ идей: вещи только участвуютъ въ идеяхъ. Идеямъ принадлежитъ вѣчное и неизмѣнное бытіе: онѣ никогда не уничтожаются и всегда остаются одинаковыми. Предметы окружающаго насъ міра измѣнчивы и переходящи. Вещи постоянно мѣняются и—мало того—нарождаются и уничтожаются. Истинное бытіе, бытіе вѣчное и не-

¹⁾ См. *Metaph.* lib. VI cap. XVII p. 556—557. Взглядъ этотъ Аристотель высказываетъ весьма и весьма часто.

измѣнное принадлежитъ только идеямъ. Только идеи представляютъ неизмѣнныя, вѣчныя сущности, ноумены, а вещи—это слабое подобіе идей, слабое отраженіе міра сущностей, міра ноуменовъ; это—явленія или феномены, въ отличіе отъ сущностей, ноуменовъ. Міръ ноуменовъ исчерпывается міромъ идей ¹⁾. При этомъ Платонъ называетъ въ числѣ такихъ истинно существующихъ идей, по крайней мѣрѣ, преимущественно идеи родовыя и видовыя, т. е. общія. Аристотель, принявъ себѣ за правило прежде, чѣмъ рѣшать тотъ или другой вопросъ, критически разсмотрѣть взгляды предшественниковъ, съ большимъ вниманіемъ останавливается и на этомъ ученіи Платона ²⁾. Длинный рядъ доводовъ приводитъ онъ въ опроверженіе теоріи своего учителя. Великій Стагиритъ не считаетъ возможнымъ признать существованіе какого-то отдѣльнаго міра идей,—идей, какъ особыхъ сущностей. Нельзя думать, будто міръ ноуменовъ составляютъ идеи. Между тѣмъ Платонъ, какъ только что сказано, къ числу идей, если можно употребить здѣсь подобное выраженіе, заоблачнаго міра относитъ по большей части идеи общія. Истинное бытіе, бытіе ноуменальное принадлежитъ не общностямъ, дѣлаетъ Аристотель въ концѣ концовъ свой выводъ, а единичнымъ вещамъ. Міръ истинныхъ сущностей составляютъ не какія-то общія идеи, а единичные предметы, насъ окружающіе ³⁾. Вотъ къ какому заключенію необходимо прійти. Не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что за сущность каждой единичной вещи нужно признавать ея форму, а не причину матеріальную,—вещество, изъ котораго предметъ образовался.

Но подъ «сущимъ» (τὸ ὄν) древніе греки вообще склонны были разумѣть непременно существующее *въчю*. По-

1) См. особенно діалоги «Федонъ», «Тимей», «Политика» и «Менонъ».

2) De soph. elench. cap. XXII. Vol. III p. 602—608; An. post. lb. I cap. XI. Vol. II p. 174—180; Metaph. lb. I cap. IX, p. 482—485; ibid. lb. XII—XIII, p. 611—638.

3) См. мѣста, указанныя въ предшествующемъ примѣчаніи. Также Kateg. cap. V; Anal. post. lb. I cap. IV. Vol. II p. 446—451; Metaph. lb. VI cap. I 4 p. 538; ibid. lb. VI cap. XIII 2—7 p. 553; ibid. lb. VI cap. XVI 8 p. 556. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 226—234; Fr. Ueberweg I Th. p. 139—141.

нѣтіе о «бытіи» у нихъ равно понятію о вѣчномъ бытіи. Все-го яснѣе обнаруживается такое отождествленіе у Элеатскихъ мыслителей ¹⁾. Встрѣчаемъ мы его и у Платона ²⁾. Аристотель и удерживаетъ идею о бытіи, какъ бытіи непременно вѣчномъ. Отсюда получается у него одно противорѣчіе. Истинное бытіе, т. е. бытіе вѣчное принадлежитъ вещамъ окружающаго насъ міра, объявляетъ онъ. Единичные предметы, казалось бы, должны существовать вѣчно. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, вещи постоянно смѣняются одна другою. Мы видимъ, какъ онѣ уничтожаются и какъ онѣ начинаютъ свое существованіе. Изъ этого затрудненія Аристотель долженъ былъ найти какой-либо выходъ. И вотъ, онъ старается устранить противорѣчіе слѣдующимъ образомъ. Онъ различаетъ бытіе дѣйствительное и бытіе въ возможности. Единичнымъ предметамъ присуще истинное бытіе; имъ принадлежитъ бытіе вѣчное, однако не въ томъ смыслѣ, будто вещь всегда существуетъ въ дѣйствительности. Бытіе дѣйствительное продолжается для отдѣльныхъ предметовъ только нѣкоторый промежутокъ времени, а все остальное время они существуютъ въ возможности. Единичныя вещи вѣчны, т. е. онѣ существуютъ всегда, но существуютъ во всякій данный моментъ или въ дѣйствительности, или же лишь въ возможности ³⁾.

Эти немногія метафизическія положенія выясняютъ намъ

1) «Сущее» Парменида есть нѣчто имѣющее вѣчное и неизмѣнное бытіе.

2) Показать, что и Платонъ вѣренъ подобному понятію о бытіи нѣсколько труднѣе. Но и этотъ мыслитель объявляетъ, что вещи окружающаго насъ міра нарождаются и уничтожаются, что онѣ измѣнчивы и преходящи, а потому имъ нельзя приписать истинное бытіе. Такимъ образомъ истинное бытіе, бытіе въ «истинномъ» смыслѣ этого слова, невозможно, но Платону, тамъ, гдѣ есть рожденіе и уничтоженіе. Бытіе можно признать только тогда, когда вещь не рождается и не уничтожается, когда она существуетъ вѣчно.

3) De an. lb. II cap. I 412 a, p. 30; *ibid.* lb. II cap. II 414 a, p. 36; *ibid.* lb. II cap. V 417 a, p. 44—46; *Metaph.* lb. VI cap. VII 3, p. 544; *ibid.* lb. VII cap. I 6, p. 558; *ibid.* lb. VII cap. VI 3, p. 563; *ibid.* lb. III cap. IV 17, p. 506; *ibid.* lb. VIII cap. VIII 8, p. 570; *ibid.* lb. VIII cap. VI, p. 567—568; *ibid.* lb. XI cap. V 2—5, p. 603; *Nat. auscult.* lb. II cap. III p. 264—265; *ibid.* lb. III cap. I, p. 273—274; *ibid.* lb. VIII cap. IV, p. 348—350. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 238—243; Fr. Ueberweg I Th. p. 136—142.

Аристотелевскій взглядъ на душу и ученіе этого мыслителя о ея безсмертіи.

Въ сочиненіи «De anima» Великій Стагиритъ хочетъ представить опредѣленіе души. Душу имѣеть, думаетъ онъ, не только человѣкъ, но и всякое иное живое существо. Обладаетъ ею даже каждое растеніе. Итакъ, душа есть нѣчто принадлежащее вообще живому существу. Но въ живомъ существѣ такъ же, какъ и во всякомъ предметѣ окружающаго насъ міра, можно различить матерію и форму. Спрашивается, что такое душа: матерія, изъ которой образовалось живое существо, или его форма? Было бы нелѣпо разсматривать душу, какъ матеріальную причину тѣла, ибо вещество—нѣчто совершенно безкачественное. Признавая душу за матерію, а не форму живого существа, мы отрицали бы всякія ея свойства, отрицали бы всякое ея значеніе, объявили бы ее за нѣчто такое, что не имѣеть ничего общаго съ сущностію живого существа. Между тѣмъ, именно, въ жизни души вся суть жизни живого существа. Душа—сущность живого существа. Итакъ, душа не можетъ быть матеріей, изъ которой живое существо образовалось. Душа представляетъ сущность живого существа, а сущность каждой вещи (въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго слова) и есть ея форма. Душу необходимо признать не за матерію, а за форму, за «энтелехію» живого существа. Частнѣе можно опредѣлять ее, какъ «энтелехію физическаго (мы сказали бы, органическаго) тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности (... ἡ ψυχὴ ἐστὶ ἐντελέχεια... σώματος φυσικοῦ δυναμει ζωῆν ἔχοντος) ¹⁾. Аристотель прибавляетъ при этомъ «имѣющаго жизнь въ возможности», ибо тѣло безъ своей формы или энтелехіи, безъ души остается еще безкачественнымъ и не живетъ, на самомъ дѣлѣ: оно только можетъ начать жить, если къ нему присоединится душа: ему принадлежитъ жизнь лишь въ возможности. Душа—«энтелехія» тѣла. Это—не только причина формальная, но и причина движущая и конечная. Всякое измѣненіе въ тѣлѣ,

¹⁾ De an. lb. II cap. II 412 a—413 a. p. 29—32.

всякое «движеніе» происходитъ, благодаря вліянію души. Всякая дѣятельность тѣла, самый фактъ существованія того или другого отдѣльнаго органа долженъ быть объясненъ изъ истиннаго понятія о душѣ ¹⁾.

Таковъ у Аристотеля общій взглядъ на душу. И вотъ, построивъ свое опредѣленіе, Великій Стагиритъ далѣе объявляетъ, что живымъ существамъ или организмамъ низшаго разряда принадлежитъ лишь душа питающая (τὸ θρεπτικόν). Имѣютъ ее растенія. Вся жизнь ихъ исчерпывается тѣмъ, что они питаются и растутъ. Такими процессамъ и управляетъ питающая душа, и этимъ ограничивается ея дѣло. Такимъ образомъ дѣятельность души у низшихъ организмовъ оказывается, по Аристотелю, на самомъ дѣлѣ, дѣятельностью чисто фізіологической, дѣятельностью, которая не имѣетъ ничего общаго съ душевной жизнью, въ нашемъ смыслѣ слова. Что касается живыхъ существъ, стоящихъ на нѣсколько болѣе высокой ступени, то они обладаютъ, кромѣ души питающей, душой ощущающей (τὸ αἰσθητικόν). Эта послѣдняя, какъ показываетъ самое названіе ея, завѣдуетъ ощущеніями. Дѣятельность ея, въ свою очередь, безусловно, если можно такъ выразиться, приурочена къ тѣлу живого существа. Душа ощущающая завѣдуетъ *ощущеніями тѣла*. Организмъ живого существа соотвѣтствующаго разряда приспособленъ къ тому, чтобы испытывать ощущенія: онъ имѣетъ органы чувствъ. Этими органами и управляетъ ощущающая душа ²⁾. При этомъ она не представляетъ особой способности, — способности, которая стояла бы внѣ всякаго отношенія къ душѣ питающей. Это—только какъ бы высшая, сравнительно съ питающей душой, ступень въ развитіи жизни души вообще. Вотъ почему душа питающая безъ души ощущающей возможна, а душа ощущающая безъ питающей немыслима. Вотъ почему есть существа или организмы, которымъ принадлежитъ только душа питающая, но нѣтъ живыхъ существъ, которыя имѣли

1) De an. lb. II cap. IV 415 b—416 a, p. 40—41; Metaph. lb. VI cap X 10—13, p. 549.

2) De an. lb. II cap. II—III, 413a—415a, p. 32—38.

бы душу ощущающую и въ то же время лишены были бы души питающей. Но живыхъ существъ, обладающихъ лишь способностью питаться, расти и испытывать ощущенія очень немного. Обыкновенно сюда присоединяется еще способность передвигаться съ мѣста на мѣсто: кромѣ души питающей и ощущающей, живымъ существамъ принадлежитъ большей частью душа ¹⁾ движущая (τὸ κινητικὸν κατὰ τόπον). Она завѣдуетъ движеніями тѣла. Дѣятельность этой души или душевной способности опять-таки безусловно приурочена къ тѣлу, распространяется исключительно на тѣло. Притомъ душа движущая опять не представляетъ способности, независимой отъ «души питающей» и «ощущающей». Это — лишь дальнѣйшее развитіе душевной жизни, которая на низшихъ ступеняхъ своихъ сказывается въ процессѣ питанія организма и тѣлесныхъ ощущеніяхъ ²⁾.

Такимъ образомъ душа оказывается у Аристотеля чѣмъ-то такимъ, что лишь управляетъ дѣятельностью тѣла и только въ этой послѣдней и проявляется. Жизнь души какъ бы исчерпывается тѣмъ, что живетъ тѣло. Душа создаетъ органическую жизнь: въ этомъ вся функція ея, вся ея дѣятельность. Душа — не что иное, какъ нѣкоторая жизненная, органическая сила, а не дѣйствительное, психическое начало, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Правда, Аристотель не отождествляетъ души съ тѣломъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ этого. Но душа представляетъ у него форму, принадлежащую данному тѣлу, только форму тѣла. Тѣло, отдѣльно взятое, — нѣчто безкачественное, безформенное. Душа — не особое начало, а форма, т. е. совокупность свойствъ самаго тѣла, — свойства, которыя тѣлу, именно, благодаря присутствію души, и принадлежать.

Но само собою понятно, что такой общій взглядъ на ду-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 370—435; Fr. Ueberweg I Th. p. 142—147; Fr. Biese „Die Philosophie des Aristoteles“. Bde I—II Brl. 1835—1842 Bd. II p. 92—205; Chr. Aug. Brandis I p. 512—526; G. Grote „Aristotle“. In two volumes. Vol. II. Lond. 1872 p. 170—210; Ф. А. Зеленогорскій „Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона“. Спб. 1871.

шу, какъ общую идею, вытекшую изъ Аристотелевскаго метафизическаго ученія о матеріи и формѣ для каждой вещи и изъ стремленія построить опредѣленіе души, положивъ въ основу эти метафизическія понятія, Великій Стагиритъ не могъ провести послѣдовательно во всей своей теоріи. Да Аристотель и самъ, собственно, чуждъ былъ подобнаго взгляда. Онъ слишкомъ былъ близокъ къ Платону, чтобы не сохранять хотя въ нѣкоторой мѣрѣ его болѣе высокой идеи о душѣ человѣка. Наконецъ, и характеръ Аристотелевскаго міровоззрѣнія вообще, его телеологическое ученіе о томъ, что каждый предметъ имѣетъ свое назначеніе, что назначеніе это опредѣляется Божествомъ, Которое въ то же время есть и послѣдняя Движущая Причина въ мірѣ, такъ мало гармонируетъ съ тѣми воззрѣніями, о которыхъ мы только что говорили. Даже человѣкъ, незнакомый частію съ Аристотелевскимъ ученіемъ о душѣ, могъ бы à priori сказать, что Великій Стагиритъ останется болѣе или менѣе вѣрнымъ идеямъ Платона, который въ слѣдъ за Сократомъ утверждалъ, будто добродѣтель есть знаніе, и такимъ образомъ какъ бы слилъ нравственную жизнь съ дѣятельностью ума, а объединивъ всѣ способности души въ разумъ, объявилъ затѣмъ, что душа и представляетъ не что иное, какъ разумъ.

Иной тонъ замѣчается у Аристотеля уже въ разсужденіяхъ о душѣ ощущающей и движущей. Онъ анализируетъ вовсе не ощущенія, какъ нѣчто принадлежащее лишь тѣлу, не ощущенія, какъ чисто тѣлесныя явленія. Анализъ его распространяется на чувственное воспріятіе и ощущеніе, какъ фактъ психологическій, а не фізіологическій только. Аристотель говоритъ, напримѣръ, о «критическомъ чувствѣ» (*αἰσθητικὴ κριτικὴ*). Это—особая способность познавать въ ощущеніяхъ «общее и отличное», способность различать ощущенія, проводить между разными ощущеніями границу. Благодаря этой способности, мы отличаемъ, напримѣръ, сладкое отъ горькаго, высокой тонъ отъ низкаго и т. д. ¹⁾ «Критическое чувство», прямо и

¹⁾ См. De an. lb. III cap. II—III 425b—429a, p. 71—82; Anal. post. lb. II cap. XV vol. II p. 617—621. Ср. Э. А. Зеленогорскій стр. 32—34; тамъ же стр. 41; G. Grote p. 196—197.

объявляетъ Великій Стагирить, не можетъ принадлежать нашему тѣлу ¹⁾. А трактуя о души движущей, Аристотель часто указываетъ на то, что *чувства* заставляютъ живое существо дѣйствовать такъ, а не иначе, выполнять такія, а не иныя движенія, переходя же къ человѣку, рассуждаетъ и о разумныхъ мотивахъ, которыми мы руководствуемся, рѣшаясь поступать извѣстнымъ образомъ ²⁾.

Но окончательно Аристотель уклоняется отъ установленнаго имъ опредѣленія, когда начинаетъ говорить объ умѣ (*νοῦς, τὸ νοητικόν*) человѣка. Умъ нашъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣломъ. Душа питающая проявляется только въ процессѣ питанія и роста *организма*. Душа ощущающая завѣдуетъ ощущеніями *тѣла*, и этимъ исчерпывается ея роль. Наконецъ, назначеніе души движущей заправлять въ живомъ существѣ движеніями *тѣла*. Дѣятельность души разумной стоитъ внѣ всякаго отношенія къ жизни тѣла, къ явленіяхъ фізіологическимъ. Душа—форма тѣла. Какъ таковая, она не совпадаетъ съ самымъ тѣломъ. Но какъ принадлежащая, именно, данному тѣлу форма, душа невозможна внѣ тѣла, и душевной жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ жизни тѣла. Жизнь души въ томъ и заключается, что живетъ тѣло. Такова душа у растеній и у животныхъ; такова она, когда говорятъ, что живое существо или организмъ имѣетъ только душу питающую; такова она, когда къ душѣ питающей присоединяется душа ощущающая и, наконецъ, движущая. Между тѣмъ человѣкъ обладаетъ кромѣ того душой разумной, которая уже живетъ отдѣльной отъ тѣла жизнью. Разумъ, въ отличіе отъ прочихъ частей или способностей души, представляетъ, говоритъ Аристотель, какое-то привзошедшее въ человѣка чисто божественное начало. Въ отличіе отъ прочихъ частей души, разумъ, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ отношенія къ тѣлу, вполне отдѣлимъ отъ него. Согласно съ этимъ, разумная душа и не

¹⁾ De an. lb. III cap. II 426b, p. 74. Ср. предшеств. примѣч.

²⁾ De an. lb. III cap. IX—XI 432a—434a, p. 93—100. Ср. О. А. Зеленогорскій стр. 74—79.

имѣть особыхъ органовъ въ тѣлѣ, которые бы ей служили, какъ служатъ душѣ ощущающей органы чувствъ ¹⁾. Итакъ, въ ученіи объ умѣ человѣческомъ Аристотель, собственно, отступаетъ отъ своего общаго понятія о душѣ. Душу разумную уже нельзя разсматривать, какъ форму или энтелехію тѣла. Это совершенно отдѣльное, безусловно самостоятельное божественное начало, которое привходитъ въ человѣка извнѣ и которое принадлежитъ, именно, человѣку, въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ.

Какъ нѣчто стоящее внѣ всякаго отношенія къ тѣлу, какъ нѣчто вполне отъ него отдѣлимое, душа разумная не можетъ быть въ зависимости отъ тѣла. Жизнь души разумной не можетъ обуславливаться жизнью тѣла. Въ отличіе отъ тѣла и принадлежащей послѣднему души питающей, ощущающей и движущей, разумная душа вѣчна, неразрушима, бессмертна ²⁾. Такимъ образомъ Аристотель уже получаетъ общее положеніе, что разумъ, лучшая часть души, часть, чуждая всего тѣлеснаго, всего земнаго, та часть, которую, въ отличіе отъ души питающей, ощущающей и движущей, дѣйствительно, можно назвать душой, въ нашемъ смыслѣ слова, бессмертна. Но онъ на этомъ не останавливается. Свое ученіе о бессмертіи души онъ хочетъ развить дальше, стремится лучше выяснить, воспользовавшись для этого установленными раньше метафизическими понятіями. Мы видѣли что Аристотель каждый предметъ разлагаетъ на его матерію и форму. Возьмемъ не способность мышленія, а дѣйствительные акты мысли. Можно и тутъ различить матерію (конечно, не матерію, въ обыденномъ значеніи этого слова) и форму. Дѣйствительные про-

¹⁾ De an. lb. II cap. I 413 a, p. 32; ibid. lb. II cap. II 413 b, p. 34; ibid. lb. II cap. III 414 b, p. 37; ibid. lb. III cap. IV—VIII 429 a—431 b, p. 82—92; Eth. Nic. lb. I cap. XIII p. 13—14. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 435—439; Fr. Ueberweg I Th. p. 146—147; О. А. Зеленогорскій стр. 60.

²⁾ De an. lb. I cap. IV 408 b, p. 20; ibid. lb. II cap. I 413 a, p. 32; Metaph. lb. XI cap. III 5—6, p. 601; ibid. lb. XI cap. VII, p. 605—606; Eth. Nic. lb. X cap. VII 1—8, p. 124—125. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth p. 437—439; Fr. Ueberweg I Th. p. 146; О. А. Зеленогорскій стр. 66.

цессы будутъ представлять соединеніе матеріи съ формой точно такъ же, какъ каждый предметъ окружающаго насъ міра состоитъ изъ матеріи и формы. Матерія—нѣчто безкачественное, безформенное; она пріобрѣтаетъ опредѣленные свойства, только благодаря тому, что къ ней присоединяется форма. Въ отличіе отъ матеріи, форма начало дѣятельное. Итакъ, трактуя о дѣйствительныхъ актахъ мысли, можно рассуждать о какомъ-то дѣятельномъ и страдательномъ началѣ. А гдѣ слѣдуетъ искать эти начала? Душа разумная и ея жизнь, дѣйствительное мышленіе стоитъ внѣ связи съ тѣломъ человѣка. Нельзя думать, будто страдательное и дѣятельное начала, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежать тѣлу. Ихъ слѣдуетъ приписать разумной душѣ. Есть умъ страдательный (*νοῦς παθητικός*) и умъ дѣятельный (*νοῦς ποιητικός*). Свое ученіе объ умѣ страдательномъ и дѣятельномъ Аристотель излагаетъ въ немногихъ строкахъ, и послѣднее остается у него, собственно, невыясненнымъ. Умъ страдательный—способность мысли принимать извѣстныя формы. Умъ дѣятельный—способность къ самодѣятельности, способность давать мысли такія или иныя формы. При, такъ сказать, взаимодействіи между умомъ страдательнымъ и дѣятельнымъ наступаютъ дѣйствительные акты мысли. И вотъ, Аристотель задается вопросомъ о томъ, какое изъ этихъ началъ бессмертно, вѣчно. Разумъ вообще бессмертенъ. Необходимо выяснитъ, какое, именно, начало слѣдуетъ имѣть въ виду, говоря о бессмертіи, бессмертенъ ли какъ дѣятельный, такъ и страдательный умъ, или только одно изъ этихъ началъ. Не давая никакихъ поясненій, Великій Стагиритъ объявляетъ, что бессмертіе принадлежитъ лишь уму дѣятельному, умъ же страдательный прекращаетъ свое существованіе вмѣстѣ со смертью тѣла. Быть можетъ, самое названіе «дѣятельный и страдательный умъ» имѣетъ у Аристотеля при рѣшеніи этого вопроса большое значеніе. Начало дѣятельное выше, чѣмъ начало страдательное. Нужно провести границу между умомъ страдательнымъ и дѣятельнымъ. Далеко не все, что можно приписать уму дѣятельному, принадлежитъ и уму страдательному. Вѣчность, бессмертіе присуще только самому высокому, если можно такъ выразиться,

элементу души, только уму дѣятельному ¹⁾. Вотъ тѣ немногія положенія, которыми исчерпывается Аристотелевское ученіе о безсмертіи души.

Какими бы недостатками ни страдало это ученіе, нельзя не признать, что Аристотель дѣлаетъ все же, сравнительно со своими предшественниками, а въ томъ числѣ и съ Платономъ, шагъ впередъ. Мы видѣли, что въ религіозномъ вѣроученіи грековъ идея о безсмертіи души извращена. По смерти человѣка продолжаетъ влечить жалкое существованіе какой-то призракъ его. Вотъ какъ представляютъ себѣ загробную жизнь древніе Эллины. Мыслители до-Аристотелевскаго періода чувствуютъ недостаточность подобнаго взгляда и стараются, такъ сказать, исправить тѣ понятія, которыя вкоренились въ умахъ ихъ соотечественниковъ, благодаря усвоенному религіозному міросозерцанію. Но философы этого времени и сами все-же подчиняются до нѣкоторой степени воззрѣніямъ, распространеннымъ въ народѣ. Ученіе о переселеніи душъ, ученіе, принятое у Пифагорейцевъ, было лишь нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ народныхъ вѣрованій, а не коренной передѣлкой взгляда на безсмертіе души и загробную жизнь. Наконецъ, и Платонъ, у котораго мы встрѣчаемъ болѣе высокую идею о безсмертіи души, который уже признаетъ, можно сказать, бессмертную душу, въ нашемъ смыслѣ, все же полагаетъ, будто душа должна очиститься для будущей своей свѣтлой жизни чрезъ рядъ переселеній, и такимъ образомъ сохраняетъ остатки, если не прямо народной вѣры, то народныхъ воззрѣній, какъ они были измѣнены Пифагорейцами. Аристотель весь этотъ остатокъ вліянія религіозныхъ убѣжденій народа отбрасываетъ. Не признаетъ онъ переселенія душъ; не встрѣчаемъ мы у него вовсе тѣхъ фантастическихъ рассказовъ о жизни души послѣ смерти человѣка, которые сплошь и рядомъ попадаются въ Платоновскихъ діалогахъ. Освободившись отъ вліянія религіозныхъ

¹⁾ De an. lb. III cap. V 430 a, p. 85—86. Ср. Ed. Zeller II Th. II Abth. p. 439—442; Fr. Ueberweg I Th. p. 143—147; G. Grote p. 231—235; Ф. А. Зеленогорскій стр. 59--74.

идей народа, Великій Стагиритъ хочетъ построить свое учене исключительнo на теоретическихъ основанiяхъ. Онъ ставитъ его въ непосредственную связь съ общими метафизическими идеями своими, старается вывести изъ метафизическихъ основныхъ понятiй и такимъ путемъ обосновываетъ и поясняетъ его. Мы видѣли, что Аристотель не могъ остаться до конца вѣрнымъ тому опредѣленiю души, къ которому приводятъ его основныя метафизическiя понятiя. Онъ долженъ былъ объявить разумъ человѣка за особое, отличное во всѣхъ отношенiяхъ отъ прочихъ способностей или частей души божественное начало, которое нельзя разсматривать, какъ форму тѣла, начало, которое приводитъ въ человѣка извнѣ. Но, именно, этотъ послѣднiй взглядъ на разумъ Великій Стагиритъ опять-таки считаетъ безусловно вытекающимъ изъ общаго строя его философской системы, вполне гармонирующимъ съ его общими философскими идеями. Повторяемъ, Аристотель, разсуждая о безсмертiи души, успѣваетъ, въ отличiе отъ предшественниковъ, совершенно отбросить прежнiе взгляды, тѣ идеи, которыя мы находили въ религiозномъ ученiи древнихъ грековъ. Онъ становится на теоретическую точку зрѣнiя и выработываетъ свое учене, исходя отсюда, а не придерживаясь тѣхъ воззрѣнiй, которыя проповѣдовали греческiе жрецы и которыя были общераспространенными въ народѣ. И въ этомъ, говоромъ мы, нельзя не видѣть у него высокой заслуги.

Но уже какъ впервые ¹⁾ представленное серьезное теоретическое учене о безсмертiи души, попытка Аристотеля должна заключать въ себѣ и извѣстныя, если можно такъ выразиться, недостатки. Свой взглядъ на судьбу человѣка послѣ смерти Великій Стагиритъ, какъ сказано, вырабатываетъ, опи-

¹⁾ Мы видѣли, что Сократъ проповѣдуетъ безсмертiе души, какъ начала разумнаго и правственнаго, и остатковъ народной вѣры въ его ученiи, собственно, не замѣчается. Но этотъ аѳинскiй мыслитель, какъ мы о немъ знаемъ по дошедшимъ до насъ свѣдѣнiямъ, вообще посвящаетъ мало вниманiя вопросу о судьбѣ человѣка послѣ его смерти. А потому и нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ, дѣйствительно, освободился отъ влiянiя взглядовъ, которые были распространены въ народѣ, и мы, утверждая, что такой шагъ впервые сдѣлалъ Аристотель, оставляемъ учене Сократа, такъ сказать, въ сторонѣ.

раясь на метафизическія воззрѣнія. Мы видѣли уже, что основныя метафизическія идеи приводятъ Аристотеля къ несостоятельному, на самомъ дѣлѣ, общему понятію о душѣ, и онъ самъ долженъ былъ отступить отъ построеннаго передъ тѣмъ опредѣленія, когда дѣло коснулось человѣка и принадлежащаго человѣку разума. Къ нѣкоторой путаницѣ, неточностямъ и неясностямъ приходитъ Аристотель, подъ вліяніемъ метафизическихъ своихъ взглядовъ, и въ ученіи о безсмертіи души, собственно. Какъ мы говорили, онъ различаетъ страдательный и дѣятельный умъ. Безсмертіе онъ приписываетъ лишь уму дѣятельному. Но что такое умъ дѣятельный? Дѣйствительные акты мысли имѣютъ мѣсто только тогда, когда дѣятельное и страдательное начала въ умѣ вступаютъ во взаимодѣйствіе. Такое взаимодѣйствіе безъ страдательнаго ума невозможно. Умъ дѣятельный, отдѣльно взятый, не заключаетъ въ себѣ еще дѣйствительныхъ процессовъ мысли. Умъ дѣятельный, самъ по себѣ, не есть еще мышленіе дѣйствительное. Это—лишь мысль въ возможности, объявляетъ Великій Стагиритъ, прибѣгая къ своимъ метафизическимъ понятіямъ о бытіи дѣйствительномъ и бытіи въ возможности. Умъ дѣятельный—простая способность къ мышленію, способность, разсматриваемая, независимо отъ ея обнаруженій, способность, не пришедшая въ дѣйствіе, способность, взятая сама по себѣ. Между тѣмъ умъ страдательный, по Аристотелю, прекращаетъ свое существованіе вмѣстѣ со смертію тѣла. Безсмертіе можно приписать только уму дѣятельному. Выходитъ такимъ образомъ, что по смерти человѣка остается способность къ мышленію, но способность, не приходящая въ дѣйствіе, а потому никогда и ни въ чемъ не проявляющаяся. Разумъ не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; но сохраняется лишь никогда не обнаруживающаяся способность къ мышленію, къ разумной жизни. Аристотель хотѣлъ поставить ученіе о безсмертіи души на теоретическую почву, но при этомъ уклонился отъ правильнаго пониманія самого факта безсмертія. Онъ признаетъ, что лучшая способность человѣка, разумъ и, именно, дѣятельный умъ продолжаетъ существовать послѣ смерти. Но разумъ остается, только какъ способ-

ность къ мышленію, какъ способность, не приходящая въ дѣйствіе. Разумъ продолжаетъ *существовать*, но не продолжаетъ *жить* послѣ смерти. Всѣ дѣйствительныя проявленія мысли, все, чѣмъ исчерпывается, на самомъ дѣлѣ, жизнь разума, имѣютъ мѣсто только во время земной жизни человѣка, и Аристотель прямо заявляетъ, будто умъ дѣятельный по смерти не сохраняетъ никакихъ воспоминаній и слѣдовъ проведенной вмѣстѣ съ тѣломъ жизни ¹⁾). Можно было бы сказать: Аристотель уверждаетъ безсмертіе души, но не признаетъ загробной жизни. Понятіе о загробной жизни онъ отдѣлилъ отъ понятія о безсмертіи, и вышло у него, что душа или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть ея сохраняетъ свое бытіе и за гробомъ, но сохраняетъ бытіе въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, бытіе безъ жизни, жизнь же души продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока живетъ тѣло. Аристотель сдѣлалъ, сравнительно съ греческими мыслителями предыдущаго періода шагъ впередъ: онъ освободился окончательно отъ вліянія религіозныхъ взглядовъ, которые были приняты въ народѣ. Но попытка его поставить ученіе о безсмертіи души на чисто теоретическую почву оканчивается все же нѣсколько неудачно. У него здѣсь проглядываетъ, говоримъ мы, неясное пониманіе самого безсмертія, и къ путаницѣ, надо предположить, именно, и приводятъ его установленныя раньше основныя метафизическія понятія и идеи.

Шаткостью и неопредѣленностью самого понятія о безсмертіи души у Аристотеля, а также и объ умѣ дѣятельномъ и страдательномъ вообще, и объясняется то обстоятельство, что ученіе Великаго Стагирита вызывало когда-то оживленные споры и ему давали различное толкованіе ²⁾).

Александръ Афродизскій, одинъ изъ особо выдающихся толкователей Аристотеля (род. во II в., ум. въ III в. послѣ Рождества Христова), старается твердо держаться того общаго опредѣ-

¹⁾ De an. lb. III cap. V 430a, p. 86.

²⁾ «Totus fere terrarum orbis, замѣчаетъ Фидинъ, а peripateticis occupatus, in duas plurimum sectas divisus est: Alexandrinam et Averroicam. Illi quidem intellectum nostrum esse mortalem existimant, hi vero unicam esse contendunt»... См. О. А. Зененгорскій стр. 59.

ленія души, которое предложилъ Великій Стагиритъ. Душа—форма тѣла и только форма тѣла. Въ дѣятельности тѣла нѣтъ дѣятельности души. Подобно прочимъ частямъ души, и разумъ прямо принадлежитъ тѣлу. Можно различить, съ одной стороны, *νοῦς ὁλικός καὶ φυσικός*—мышление въ возможности, и, съ другой, *νοῦς ἐπίκτητος* или *νοῦς καθ'ἑἑν*—мышление дѣйствительное. Но какъ *νοῦς ὁλικός*, такъ и *νοῦς ἐπίκτητος* одинаково принадлежатъ вмѣстѣ съ прочими способностями души, вмѣстѣ съ душой питающей, ощущающей и движущей тѣлу и составляютъ вмѣстѣ его форму. Что же касается Аристотелевскаго дѣятельнаго ума, то его нельзя разсматривать, какъ часть *человѣческой* души. Это—Божественное Начало, Божественный Умъ, который воздѣйствуетъ на человѣка и благодаря вліянію котораго имѣютъ мѣсто дѣйствительные акты мысли. Съ уничтоженіемъ тѣла, уничтожается и его форма; со смертію тѣла умираетъ и душа человѣка. Дѣятельный умъ (*νοῦς ποιητικός*) продолжаетъ существовать, говоритъ Аристотель. Но дѣятельный умъ—умъ Божества. Человѣкъ умираетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умираетъ и его душа, и только Божество, которое воздѣйствовало на человѣка во время его жизни, продолжаетъ существовать вѣчно; бессмертія души нѣтъ; Аристотель его не утверждаетъ. Такъ истолковываетъ Александръ Афродизскій ученіе Великаго Стагирита, думая при этомъ, будто остается во всемъ безусловно вѣрнымъ ему ¹⁾. Но съ перваго-же взгляда бросается въ глаза, что тутъ на самомъ дѣлѣ теорія Аристотеля нѣсколько передѣлана. Послѣдній, какъ мы уже говорили, отбрасываетъ свое общее опредѣленіе души, когда дѣло заходитъ о душѣ разумной. Умъ человѣка отличается отъ прочихъ частей души. Нельзя разсматривать его вмѣстѣ съ другими душевными способностями, какъ форму тѣла. Ничѣмъ въ жизни тѣла умъ не заправляетъ, и, согласно съ этимъ, даже и происхожденіе его отнюдь не сходно съ происхожденіемъ души питающей, ощущающей и

1) Ed. Zeller III Th. I Abth. 2-te Aufl. Leipz. 1865 p. 696 (примѣч.); *ibid.* p. 709—713; А. Ф. Зеленогорскій стр. 59; Fr. Ueberweg I Th. p. 156; *ibid.* I Th. p. 159; *ibid.* I Th. p. 237.

движущей. Разумъ представляетъ привзошедшее въ человѣка божественное начало. Наконецъ, и *νοῦς ποιητικός*, по Аристотелю, вовсе по Божественный Разумъ, какъ это утверждаетъ Александръ Афродизскій. Дѣятельный умъ— принадлежащее человѣческому разуму— человѣческому, а не Божественному— дѣятельное начало, принадлежащая человѣку особая способность, которая не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Однако, не смотря на то, что Александръ Афродизскій допускаетъ всѣ подобныя отступленія, понятно, почему многіе изъ средневѣковыхъ ¹⁾ ученыхъ примыкаютъ къ этому толкователю Аристотеля, и вмѣстѣ съ нимъ признаютъ, будто Великій Стагиритъ, собственно, отвергаетъ безсмертіе души. По ученію Аристотеля, послѣ смерти человѣка остается только умъ дѣятельный, способность къ мышленію безъ всякихъ ея проявленій. Загробной жизни, безсмертія души, въ христіанскомъ смыслѣ, Аристотель, строго говоря, дѣйствительно, не утверждаетъ. Если спросить, проповѣдуетъ ли Великій Стагиритъ безсмертіе души такъ, какъ учитъ о немъ христіанство,—на подобный вопросъ пришлось бы дать отрицательный отвѣтъ.

Подобно Александру Афродизскому, и арабскій мыслитель Аверроэсъ (род. въ 1126 году, ум. въ 1198 г.) понимаетъ ученіе Аристотеля о дѣятельномъ и страдательномъ умѣ въ томъ смыслѣ, будто дѣятельный умъ представляетъ для человѣческой души нѣчто безусловно внѣшнее. Послѣ нашей смерти остается только умъ дѣятельный, т. е. то внѣшнее начало, которое воздѣйствуетъ на человѣка во время его жизни, самая же душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Безсмертія души, строго говоря, нѣтъ. Но при этомъ Александръ Афродизскій объявилъ, будто дѣятельный умъ— не что иное, какъ Божественный Разумъ. Аверроэсъ съ этимъ не согласенъ. Дѣятельный умъ— это міровой интеллектъ, не Божественный Разумъ, а только какое-то истеченіе, эманация Божества ²⁾. Безсмертія души нѣтъ, т. е. человѣкъ, умирая, пере-

¹⁾ См. выше примѣч.

²⁾ Впрочемъ Тома Аквинскій приписываетъ Аристотелю слѣдующія слова: «Per rationem concludo de necessitate, quod intellectus est unus numero, firmiter tamen teneo oppositum per fidem». См. Fr. Ueberweg II Th. p. 165.

стаетъ существовать, какъ индивидуумъ, нѣтъ личнаго безсмертія. Но та частица мірового дѣятельнаго ума, которая воздѣйствовала на человѣка во время его жизни, не прекращаетъ своего существованія и послѣ смерти. Какъ отдѣльное лицо, человѣкъ перестаетъ жить, когда погибаетъ тѣло. Но онъ продолжаетъ существовать, какъ частица мірового интеллекта ¹⁾. Мы видѣли, что Аристотель усвоилъ себѣ иное понятіе о дѣятельномъ умѣ. Умъ дѣятельный представляетъ у него единичному лицу принадлежащее высшее душевное начало, а не общемировой разумъ. Продолжаетъ послѣ смерти существовать, по Аристотелю, не міровой умъ, а эта высшая душевная сила каждаго человѣка отдѣльно. Но душа продолжаетъ только существовать, а не жить. Загробной жизни, безсмертія души, въ истинномъ смыслѣ, нѣтъ. Аверроэсъ, подобно Александру Афродизскому, въ значительной степени измѣняетъ ученіе Аристотеля. Но понятіе о безсмертіи у послѣдняго въ высшей степени смутно. Великій Стагиритъ вполне усваиваетъ себѣ идею о томъ, что душа человѣка продолжаетъ существовать и послѣ его смерти, но въ то же время мысль о самой загробной жизни какъ бы совсѣмъ отбрасываетъ. А потому Аверроэсъ и Александръ Афродизскій имѣли нѣкоторое основаніе утверждать, будто онъ безсмертіе души, собственно, отвергаетъ.

Однако, не смотря на то, что Аристотель, исходя изъ своихъ основныхъ теоретическихъ положеній, на самомъ дѣлѣ, представляетъ дѣло такъ, какъ будто загробной жизни нѣтъ, онъ все же безусловно убѣжденъ, что душа послѣ смерти тѣла продолжаетъ существовать. Его стремленія направлены къ тому, чтобы представить теоретическое ученіе о безсмертіи души; только основныя метафизическія идеи приводятъ его къ скрытому отрицанію загробной жизни. Понятіе о безсмертіи и это скрытое отрицаніе какъ-то соединяются въ умѣ Великаго Стагирита вмѣстѣ, и безусловно преобладающей у него все же является идея о безсмертіи души. Вотъ почему Фе-

¹⁾ Fr. Ueberweg II Th. p. 163—166.

мистій (въ IV в.), въ противоположность вышеназваннымъ толкователямъ—Александру Афродизскому и Аверроэсу и объявляетъ прямо, что Аристотель безсмертіе души, въ истинномъ смыслѣ, признаетъ ¹⁾.

Пав. Лейтфельдъ.

¹⁾ Fr. Ueberweg II Th p. 165—166.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ДЕНЬ ОСВЯЩЕНІЯ НОВОУСТРОЕННАГО ЗДАНІЯ

П Р К

ХАРЬКОВСКОМЪ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ ЖЕНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

23-го Сентября 1890 г.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архимастырѣ и Отецѣ!

Важное значеніе имѣеть настоящее торжество для нашего учебнаго заведенія; но и внѣ стѣнъ нашего училища оно не останется безслѣднымъ.

Исторія всего человѣчества ясно учитъ насъ, что одна изъ силъ, движущихъ жизнь обществъ и народовъ, находится именно въ рукахъ женщины,—и трудно указать границы того вліянія, какое способна производить женщина. Несомнѣнно только одно,—что направленіе этого вліянія, опредѣленіе, въ какую именно сторону—добрую или дурную можетъ дать жизни толчекъ женская сила, это всегда и всецѣло зависѣло и зависитъ отъ характера того воспитанія, какое получаетъ женщина. По свидѣтельству богодухновеннаго Бытописателя, женщина принесла проклятiе и смерть человѣчеству; по повѣствованію евангелистовъ, Женщинѣ же принадлежитъ въ исторіи и начало нашего спасенія. Уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ женщина заявила себя тою могучею силою, какою она не переставала быть и до настоящаго времени. И если не безъ основанія утверждаетъ одинъ изъ западно-европейскихъ народовъ (въ своей пословицѣ), что во всякомъ дур-

номъ дѣлѣ слѣдуетъ искать женщину, какъ его виновницу, то справедливость заставляетъ сказать и совершенно обратное: едва ли въ исторіи человѣчества произошло что-либо великое безъ непосредственнаго или посредственнаго участія женщины. Дурная женщина влекла челоѣка въ бездну гибели и влекла съ собою, которой трудно было противиться; за то женщина благовоспитанная, украшенная высокими добродѣтелями и благочестивая, если сама даже непосредственно и не вмѣшивалась въ общественную жизнь, то всегда воспитывала дѣтей, отъ которыхъ зависѣло движеніе человѣчества къ нравственному и умственному совершенству, указывала имъ высокіе идеалы и самымъ настойчивымъ образомъ заставляла стремиться къ ихъ осуществленію. Даже малолѣтнія дѣти, воспитанная такою матерью, удивляли міръ своими добродѣтелями, своею нравственною красотой, отвращаясь отъ лжи и добровольно страдая за истину, не боясь самыхъ жестокихъ тирановъ.

Ужасный, мрачный, отвратительный и безотрадный образъ злой, неблаговоспитанной, «строптивой и язычной» женщины представленъ премудрымъ Соломономъ; но за то какими свѣтлыми и симпатичными красками тотъ же самый Соломонъ рисовываетъ намъ современную ему женщину — цѣломудренную, скромную, смиренную, благочестивую и домовитую. «Цѣна ея выше жемчуговъ»; она «слава мужа»; она «гордость дѣтей». Видно, что и во времена Соломона вліяніе женщины захватывало оба противоположные полюсы жизни челоѣческой. Не природа только, конечно, а главнымъ образомъ воспитаніе заставляло женщину и тогда быть или ангеломъ мира или орудіемъ гибели.

Съ пришествіемъ на землю Христа вліяніе женщины на жизнь общества усилилось еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлился и ея характеръ; иною явилась женщина въ язычествѣ или — говоря общѣе — внѣ христіанства, внѣ вліянія на ея воспитаніе тѣхъ высокихъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя указаны намъ нашимъ Спасителемъ; иною явилась женщина-христіанка, воспитанная въ духѣ Евангелія подъ непосредственнымъ руководствомъ святой Церкви Хри-

стовой. Языческую Грецію погубили развратныя гетеры: не Аспазія ли омрачила память даже Церикла? Римъ также погибъ не отъ чего другого, какъ отъ расточительности и безнравственности женщинъ. Что можно представить себѣ гаже и позорище отвратительной дочери Августа, Юліи? Но многія ли изъ тогдашнихъ римлянокъ не завидовали и не подражали ей? А чрезъ это въ концѣ концовъ въ языческомъ Римѣ не стало ни женственной добродѣтели, ни семейной жизни вообще. Корни нѣкогда могучаго государства сгнили...

Совершенно въ другомъ свѣтѣ является женщина, воспитанная въ христіанствѣ на его твердыхъ религіозно нравственныхъ началахъ. Величіе христіанства яснѣе всего сказалося въ семьѣ и оно-то именно поставило женщину на высоту ея призванія. «Было время,—говоритъ Златоустъ,— что жены стояли наравнѣ съ мужчинами. Теперь же наоборотъ. Посмотрите, что совершило пришествіе Христа на землю! Женщины превосходятъ насъ въ благородныхъ правахъ, христіанской ревности и благочестіи, въ любви ко Христу, снявшему проклятіе съ женскаго пола». Такою христіанка была сама по себѣ, такую же она являлась и въ своей тихой и скромной, но многополезной дѣятельности общественной. «Христіанская женщина», говоритъ Тертуллианъ,— «выходитъ со двора только для того, чтобы навѣстить больного брата, приступить къ св. причастію или послушать слова Божія. Главное ея занятіе — навѣщать заключенныхъ за вѣру въ темницу. ходитъ за больными братьями, принимать въ домъ и угощать странниковъ». Христіанство сообщило женщинѣ такую энергію и бодрость и вложило въ нее такое чувство сострадательной любви и терпѣнія, что даже языческій ораторъ Ливаній долженъ былъ невольно воскликнуть: «Что за жены у христіанъ!» Въ то время, какъ легкомысленная римлянка, не желая лишать себя чувственныхъ удовольствій на чудовищныхъ оргіяхъ, бросала своихъ дѣтей для воспитанія грубымъ рабамъ, христіанка, напротивъ, всецѣло посвящала себя внутренней жизни своей семьи и христіанскому воспитанію своихъ дѣтей; имѣя всегда предъ своими духовными очами образъ пресв. Дѣвы Маріи,—олицетвореніе безграничной материнской люб-

ви,—она умирала, такъ сказать, для себя и для міра ради жизни ребенка. Понятно, отчего ея вліяніе на воспитаніе дѣтей было сильнѣе даже вліянія отца. И благотворные плоды такого материнскаго вліянія сказались скоро. Благочестивая Нонна воспитала для христіанской Церкви Григорія Назіанзина, Анфуса — Златоуста, Моника — Августина, Софія—Вѣру, Надежду и Любовь... Благотворное вліяніе христіанской женщины не перестало проявляться — благодареніе Господу!—и до нашего времени. Если не матери, то по крайней мѣрѣ нянѣ или другой какой-либо женщинѣ считаютъ себя обязанными люди, которымъ суждено содѣйствовать чело-вѣчеству въ его умственномъ, нравственномъ или эстетическомъ развитіи. Отъ Васъ самого, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, намъ приходилось слышать, и не разъ, что лучшія свойства своей души Вы унаслѣдовали отъ матери...

Итакъ, благо чело-вѣчества требуетъ отъ насъ самаго внимательнаго отношенія къ вопросу о воспитаніи женщины, какъ будущей матери и жены.

Наше скромное училище не имѣетъ другой цѣли, кромѣ воспитанія женщины на твердыхъ религіозно-нравственныхъ началахъ христіанства въ духѣ Православной Церкви. Мы не мечтаемъ о широкой и громкой общественной дѣятельности воспитанницъ нашего заведенія. Въ Евангеліи выведены два противоположныхъ женскихъ типа: хлопотливой Марѳы и благочестивой Маріи, предпочитавшей мірскому суетливому служенію—служенію Господу чрезъ слушаніе и соблюденіе Слова Божія. Къ первому типу женщинъ, ставящихъ мірскую суетливость выше служенія Слову Господа, можно отнести тѣхъ изъ современныхъ намъ женщинъ, которыя получаютъ образованіе для широкой и суетливой общественной дѣятельности и такъ громко шумятъ о себѣ, забирая нерѣдко въ свои руки трудъ непосильный, имъ совершенно несвойственный, и изнемогающій подъ нимъ. Нашему заведенію не симпатиченъ этотъ типъ женщины; его не одобрилъ и самъ Господь нашъ, указавшій на благоую часть, которую избрала только Марія и которая не отыметъ отъ нея никогда. Наше училище желаетъ воспитывать только женщинъ прежде всего для служенія Гос-

поду, затѣмъ для служенія семьѣ какъ въ лицѣ доброй, скромной и неприхотливой жены сельскаго священника, такъ и въ лицѣ любящей матери, способной проявлять глубокое религиозно-нравственное вліяніе на дѣтей, и, наконецъ,—для служенія Православной Церкви—въ лицѣ трудолюбивыхъ наставницъ церковно-приходскихъ школъ и, устроительницъ простыхъ церковныхъ хоровъ.

Къ сожалѣнію, долгое время наше училище испытывало крайнее стѣсненіе въ своихъ помѣщеніяхъ и внѣшнихъ условіяхъ своей жизни. Но оно счастливо теперь. Господь вручилъ его Вашему, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, мудрому, опытному, любвеобильному и истинно-отеческому руководству и верховному управленію. Нельзя еще назвать долговременнымъ Ваше пребываніе на Харьковской кафедрѣ; но, благодаря Вашему отеческому и сердечному отношенію къ нашему училищу, оно получило уже столько, сколько никогда даже и ожидать не могло. Довольно сказать, что въ восьмилѣтній періодъ, которымъ исчерпывается время Вашего верховнаго управленія нашимъ училищемъ, на улучшеніе внѣшнихъ условій его жизни израсходовано уже болѣе 180 тысячъ рублей, а на улучшеніе его внутренней жизни, на подъемъ преподаванія и усиленіе успѣховъ по обученію—не менѣе 20 тысячъ рублей, а всего, слѣдовательно, болѣе 200 тысячъ рублей, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ по содержанію училища. Но что всего главнѣе—это совершенный вами подъемъ нравственнаго значенія нашего училища...

Ваше Высокопреосвященство! Расширивъ помѣщенія нашего училища устройствомъ этого новаго величественнаго зданія, въ которомъ безъ Вашего совѣта и указанія не положено почти ни одной балки, не забито ни одного гвоздя, Вы дали намъ возможность расширить и благотворное вліяніе нашего училища, не ограничивая его одними дѣтьми духовенства, но распространяя его и на дѣтей свѣтскаго общества. Уже въ этомъ году послѣднихъ поступило въ наше училище до 20. Явленіе небывалое за все тридцатишести-лѣтнее существованіе училища! И Богъ дастъ,—тѣ христіанскія начала, которыя здѣсь влагаются въ души дѣтей, все шире будутъ проникать и въ семейства свѣтскихъ лицъ нашего края.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Осмѣливаемся смиреннѣйше просить Васъ принять отъ насъ эту святую панагію съ изображеніемъ иконы «Знаменія Божіей Матери», какъ священное знаменіе нашей сыновней преданности и глубочайшей благодарности за Ваши труды и заботы о нашемъ училищѣ; Богоматерь, ликъ Которой изображень на этой панагіи, на вѣки останется высочайшимъ идеаломъ истинно христіанскаго воспитанія женщины; въ своихъ святительскихъ молитвахъ предъ Нсю воспоминайте, Владыко, и наше училище, да ни на одну іоту не уклонится оно отъ прямого пути въ своемъ стремленіи къ этому святому идеалу, пока стоятъ его стѣны!

Предсѣдатель Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища,
Свящ. Т. Бутневичъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Сентября № 18. 1890 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Отъ харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго оберъ-прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 18-й день минувшаго августа на награжденіе за 50-лѣтнюю отлично-усердную и безпорочную службу священниковъ—Николаевской церкви въ слободѣ Шульгинкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, Петра *Макаровскаго* в заштатнаго священника Харьковской епархіи *Василія Михайловскаго* орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Отъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 4 и 6 сентября н. г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ приняты въ число воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища:

1) а) *Въ первый параллельный классъ*: 1. Бугуцкая Ксенія, Ковтушъ Антонина, Андрушевичъ Софья, Дѣкова Анна, 5. Михайловская Таксія, Зубарева Валентина, Попова Анастасія, Бѣляева Елена, Козловская Марія, 10. Червонецкая Марія, Вербницкая Валентина, Андропова Евдокія, Назаревская Антонина, Посельская Аппа, 15) Оedorовская Марія, Григорьевичъ Зиновія, Протопопова Анна, Рождественская Таксія, Сильванская Елена (Лепид.), 20. Шраменко Евгенія, Кривуунова Надежда, Любарская Валентина, Попова Елена, Полонсзъ Марія, 25. Топиро Клавдія, Попова Лю-

бовъ, Абдула Анна, Пономарева Александра, Волобуева Варвара, 30. Заводовская Марія, Реутская Конкордія, Свирская Неонилла, Слюсарева Анна, Стацкова Зинаида, 35. Антонова Елена, Горанина Елисавета, Губская Евгения, Элцинская Анна, Владыкова Елена, 40 Романова Александра, Жукова Наталія, Раевская Ольга, Пономарева Евдокія, Могилянская Ольга, 45. Маслова Евгения.

б) *Въ приготовительный нормальный классъ:* 1. Буткова Александра, Мурина Анна, Архангельская Екатерина, Колесникова Марѳа, 5. Вербицкая Анна, Дзюбанова Анна, Кошлакова Марія, Пащепко Наталія, Веселовская Наталія, 10. Мельникова Анна, Эвенхова Александра, Самойлова Надежда, Шраменко Ольга, Грекова Надежда, 15. Смирнова Елена, Паптеловинова Марія, Кустовская Екатерина, Магтулина Серафима, Чумакова Анна, 20. Пономарева Марія, Титова Александра, Горанина Марія, Стефановская Марія, Климентова Анна, 25. Чебакова Антонина, Краснокутская Марія, Флевская Ирина, Корнильева Марѳа, Попова Зинаида, 30. Бобловская Антонина, Вышемирская Варвара, Коваловская Елена, Понировская Анна, Полницкая Наталія, 35. Шереметьевская Зинаида, Могилянская Надежда, Дикарева Наталія, Пилецкая Марія, Грокова Евгения, 40. Корнильева Теодора, Черняева Екатерина, Добрецкая Наталія, Крыжановская Евгения, Берзювская Олимпіада, 45. Ветухова Елисавета, Съдкова Лидія и Михайловская Анастасія.

в) *Въ приготовительный параллельный классъ.* 1. Ерофанова Павла, Никитина Елисавета, Капустянская Екатерина, Федорова Надежда, 5. Дейпейховская Меланія, Полтавцова Раиса, Богословская Зинаида, Труфанова Елена, Колѣйчикова Елена, 10) Туранская Евдокія, Лободовская Лидія, Феденко Любовь, Рубицкая Сусанна, Артемьева Марія, 15) Любарская Марія, Сильванская Елена (Митр.), Крыжановская Марія, Кремновская Евфросинія, Пересыпкина Дарія, 20) Раевская Анна, Ревская Лидія, Полтавцева Параскева, Мураховская Наталія, Акимова Елена, 25) Самойлова Дарія, Шокотова Марина, Попова Марія, Измаилова Зинаида, Мураховская Ксенія, 30) Брандъ Антонина, Бутковская Пелагія, Иннова Аполлгарія, Лобковская Лидія, Пономарева Серафима, 35) Солнцева Маріамна, Федорова Марія, Сильванская Наталія, Селезнева Варвара, Гревезирская Александра, 40) Флевская Елисавета, Грекова Анна, Краснокутская Александра, Якубовичъ Любовь, Бѣликова Евфросинія, 45) Несторова Александра, Толмачева Софья и Краснопольская Ксенія.

г) *Въ третій классъ:* Любарская Александра;

д) *въ четвертый классъ:* Инюкова Александра и Лутовинова Марія.

2. а) *Воспитанницы принятыя на безплатныя вакансіи:* 1) Попова Любовь, Андрюнова Евдокія, Буткова Александра, Дюкова Анна, 5)

Бугуцкая Ксенія, Ерофалова Павла, Зубарева Валентина, Мухина Анна, Назаревская Антонина, 10) Никитина Елизавета, Попова Анастасія, Посельская Анна, Федоровская Марія, Кошлякова Марія, 15) Акимова Елена, Климентова Анна, Самойлова Дарія, Чебанова Антонина, Шокотова Марина, 20) Любарская Марія, Пилецкая Марія, Пантелеевмолова Марія, Рубинская Сусанна и Иннокова Александра.

б) Отказано просителямъ въ пріемъ дочерей ихъ на епархіальныя средства за неимѣніемъ таковыхъ вакансій: свящ. Николаю Скларову, свящ. Николаю Бѣликову, свящ. Іоанну Попову, свящ. Никитѣ Жугову, свящ. Павлу Быковцеву, свящ. Іоанну Крутьеву, свящ. Леопиду Сильванскому, свящ. Теодору Заводовскому, свящ. Николу Папкратьеву, діак. Василию Твердохлѣбову, псаломщ. Григорію Рудневу, псаломщ. Стефану Саговскому, псаломщ. Николаю Толмачеву и свящ. Константину Федорову.

в) Пріяята на вакансію съ уменьшеннымъ взносомъ воспитанница прігот. параллельнаго класса, Толмачева Софья.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Епархіальное Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія проситъ оо. благочинныхъ епархіи взыскать съ каждаго священника по 1 руб. въ пользу семейства умершаго священника села Вальенкина, Изюмскаго уѣзда, Исаака Литвинова и представить таковыя деньги въ попечительство.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Александръ *Яковлевъ* утвержденъ законоучителемъ начальнаго народнаго училища въ сл. Волоско-Балаклеякъ, Купянскаго уѣзда.

— Священникъ Михаилъ *Румянцевъ* утвержденъ законоучителемъ Харьковскаго начальнаго женскаго училища.

— Псаломщикъ Николаевской ц. сл. Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда, *Рубинскій* уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ дьякона Іоаннъ *Якубовичъ*.

— Псаломщикъ Тимошей *Шипенко* опредѣленъ дьякономъ къ Свято-Духовской ц. с. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Александро-Невской ц. г. Харькова Антоній *Полтав-*

цевъ уволенъ отъ этой должности согласно его прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ исправляющимъ должность учитель *Димитрій Бугаевъ*.

— Псаломщикъ ц. сл. Пушкарной, Ахтырскаго уѣзда, Лука *Питенко* переѣзлецъ къ Сошествіевской ц. сл. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

— Заштатный псаломщикъ Александръ *Поповъ* опредѣленъ псаломщикомъ Троицкой ц. с. Васплевки, Лебединскаго уѣзда.

— Безмѣстный псаломщикъ Василій *Невпрямизъ* опредѣленъ псаломщикомъ Антоніевской ц. с. Криничнаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Всѣхсвятской ц. с. Вирей, Сумскаго уѣзда, Алексѣй *Өаворовъ* опредѣленъ діакономъ той же церкви.

— Псаломщикъ Троицкой ц. с. Васплевки, Лебединскаго уѣзда, Василій *Савченко* опредѣленъ діакономъ Архангело-Михаиловской ц. сл. Ольшаной, того же уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 1-го класса Х. Д. Семинаріи Иванъ *Покровский* опредѣленъ псаломщикомъ Рождест. Богородичной ц. с. Пушкарнаго Ахтырскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: кр. Авраамій *Третьяковъ* къ Николаевской ц. с. Жихаря, Харьковскаго уѣзда; кр. Димитрій *Полумыснѣй* къ Успенской ц. заштатнаго г. Золочева; къ ц. Старобѣльскаго уѣзда Пантелеимоновской сл. Богородичной кр. Діонисій *Баравва* и Успенской сл. Бѣлокуракиной кр. Евтихій *Токаренко*; кр. Харитонъ *Волохъ* къ Покровской ц. с. Покровскаго, Ахтырскаго, уѣзда на второе трехлѣтіе.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

Діаконскія: Іоанно-Предтеченской ц. сл. Лютовки Богодуховскаго уѣзда, Іоанно-Богословской ц. с. Черемушнаго Валковскаго уѣзда, Преображенской ц. сл. Ивановки Волчанскаго уѣзда.

Псаломщицкія: Рождество-Богородичной ц. сл. Волоховки Волчанскаго уѣзда, Воскресенской ц. сл. Булацеловки Зміевскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Освященіе вновь устроеннаго при Купянскомъ духовномъ училищѣ трехъ-этажнаго каменнаго зданія и открытіе общежитія для учениковъ.—Освященіе новаго зданія и торжественный актъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Перенесеніе Царскаго колокола.—Закладка зданія Александровскаго пріюта нищенствующихъ дѣтей.—По поводу ходатайства штундистовъ о свободѣ исповѣданія своей секты.—Міры Святѣйшаго Синода противъ баптистской пропаганды.—Первый православный монастырь въ Эстляндіи.—О порядкѣ охраны имущества умершихъ священно-церковно-служителей.—По вопросу объ измѣненіи порядка существующихъ нынѣ сборовъ на построеніе и ремонтъ церквей чрезъ прохачей.—По поводу переселенія крестьянъ.—Объявленіе отъ министерства финансовъ о проколотой монетѣ.—Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго Банка за 1889 годъ.—Некрологъ.

Освященіе вновь устроеннаго при Купянскомъ духовномъ училищѣ трехъ-этажнаго каменнаго зданія и открытіе общежитія для учениковъ.

Въ субботу, 8-го сентября н. г. въ гор. Купянскѣ происходило торжественное освященіе вновь устроеннаго валичественнаго трехъ-этажнаго зданія, предназначенаго для общежитія учениковъ Купянскаго духовнаго училища.

Еще 6-го сентября, около 7 часовъ вечера, торжественный звонъ церковныхъ колоколовъ возвѣстилъ купянаѣмъ о прибытіи въ ихъ городъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. На другой день въ 12 часовъ Его Высокопреосвященство изволилъ подробно осматривать всѣ произведенныя работы какъ въ новомъ корпусѣ, банѣ, кладовыхъ, такъ и въ старомъ, заново отремонтированномъ и значительно расширенномъ.

Въ 6 часовъ вечера въ мѣстной соборной церкви было совершено Его Высокопреосвященствомъ торжественное всеобщее бдѣніе въ сослуженіи съ о. ректоромъ Харьковской духовной семинаріи, игуменомъ Святогорской пустыни и четырьмя другими священниками. 8-го сентября, по совершеніи въ той же церкви Божественной литургіи, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, во главѣ 26 протоіереевъ и священниковъ, при многочисленном стеченіи народа, торжественнымъ крестнымъ ходомъ, представлявшимъ собою величественную картину православнаго, душу восхищающаго обряда, изъ собора направился во вновь устроенное зданіе духовнаго училища. Здѣсь, въ обширной залѣ третьяго этажа, имъ было совершено освященіе воды и окропленіе всего зданія.

Черезъ часъ послѣ освященія новаго корпуса всѣ гости были приглашены для присутствованія на торжественномъ актѣ. Какъ только Высокопреосвященнѣйшій Амвросій вступилъ въ залъ, раздалось громогласное пѣніе величественнаго гимна Православной Церкви — «Тебе Бога хвалимъ». Осѣнивъ присутствовавшихъ кратнымъ святительскимъ благословеніемъ, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій принялъ поднесенную о. пугменомъ Святогорской Успенской пустыни икону святителя Христова Николая и благословилъ ею училище, высказавъ благожеланіе, да охраняется оно молитвами святогорскихъ отшельниковъ. Затѣмъ изъ среды присутствовавшихъ выдѣлилась училищная корпорація начальствующихъ и преподавателей во главѣ съ смотрителемъ училища А. И. Мирожинымъ. Послѣдній произнесъ длинную и прочувствованную рѣчь, въ которой, выразивъ глубокую благодарность Владыкѣ отъ всего училища за его труды и заботы о благоустроеніи училищныхъ помѣщеній, онъ выяснилъ все значеніе новоустроеннаго зданія какъ для города Купянска и духовенства Купянскаго училищнаго округа, такъ и для веденія учебно-воспитательнаго дѣла въ особенности. Окончивъ рѣчь, смотритель отъ лица всей училищной корпораціи поднесъ Высокопреосвященнѣйшему Амвросію икону Покрова Божіей Матери съ молитвеннымъ благожеланіемъ, да охраняетъ Она Его и покрываетъ Своимъ всемогущимъ омофоромъ отъ всѣхъ бѣдъ, огорченій, непріятностей и невзгодъ еще на многія и многія лѣта! Принявъ св. икону и облобызавъ ее, Владыка поблагодарилъ училищную корпорацію, сказавъ, что этотъ образъ Богоматери особенно имъ чтимъ и уважаемъ. Затѣмъ онъ отвѣтилъ корпораціи рѣчью, дышавшею полною сердечностію и искренностію. Упомянувъ о своей всегдашней любви къ дѣтямъ, Владыка невольно перешелъ къ воспоминанію о томъ времени, когда онъ самъ обучался въ подобномъ же училищѣ, и живыми, яркими чертами охарактеризовалъ крайне грустную и жалкую внѣшнюю обстановку тогдашней школьной жизни. «Впрочемъ, сказалъ Владыка, и та духовная школа давала много умныхъ и честныхъ людей, хотя, къ сожалѣнію, многихъ и губила». Затѣмъ, указавъ на то, что въ настоящее время заботятся объ улучшеніи внѣшнихъ условій обученія даже въ начальныхъ народныхъ училищахъ, Владыка призналъ естественною, а въ данномъ случаѣ и безусловно необходимою и заботу о благоустроеніи духовныхъ училищъ. Въ заключеніе своей рѣчи онъ пожелалъ Купянскому духовному училищу въ новомъ прекрасномъ зданіи, облегчающемъ чрезъ об-

щежитіе надзоръ и труды какъ преподавательнаго, такъ и воспитательнаго персонала, новаго процвѣтанія и улучшенія не только относительно успѣховъ и благонравія, но и самого здоровья дѣтей. Громогласное «*Εἰς πολλὰ ἔτη δέοκτα*» было отвѣтомъ на рѣчь Его Высокопреосвященства.

Затѣмъ, изъ среды присутствовавшихъ въ стройномъ порядкѣ стали выступать депутаты отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа для произнесенія адресовъ отъ своихъ благочиній. Всѣхъ адресовъ прочтано было и поднесено Его Высокопреосвященству двѣнадцать; слѣдующими лицами: 1) предсѣдателемъ съѣзда Купянскаго училищнаго округа, происходившаго 6 мая н. г. въ г. Купянскѣ, отъ всего окружнаго духовенства; 2) благочиннымъ 1-го Купянскаго округа, священникомъ Василиемъ Поповымъ; 3) священникомъ Изюмскаго собора Стефаномъ Кохановымъ отъ духовенства 1-го Изюмскаго благочинническаго округа; 4) благочиннымъ 2-го Изюмскаго округа, протоіереемъ Θεодоромъ Любарскимъ; 5) священникомъ Іоанномъ Смирнскимъ отъ духовенства 3-го Изюмскаго благочинническаго округа; 6) благочиннымъ 4-го Изюмскаго округа протоіереемъ Михаиломъ Куницынымъ; 7) священникомъ Василиемъ Аристовымъ отъ духовенства 1-го Старобѣльскаго благочинническаго округа; 8) благочиннымъ 2-го Старобѣльскаго округа, священникомъ Василиемъ Поповымъ; 9) благочиннымъ 3-го Старобѣльскаго округа, священникомъ Дмитріемъ Донченковымъ; 10) благочиннымъ 4-го Старобѣльскаго округа, протоіереемъ Григоріемъ Максимовымъ; 11) благочиннымъ 5-го Старобѣльскаго округа, священникомъ Василиемъ Алексѣевскимъ, и 12) священникомъ Василиемъ Рождественскимъ отъ духовенства 2-го Купянскаго благочинническаго округа.

Всѣ адреса Владыка слушалъ стоя, и принимая ихъ изъ рукъ депутатовъ вложенными въ бархатныя золотомъ тисненныя папки, наклоненіемъ головы благодарилъ произносявшихъ за выраженные чувства. Но по прочтеніи послѣдняго адреса, онъ произнесъ рѣчь, обращенную къ депутатамъ духовенства, въ которой все выраженное въ адресахъ раздѣлилъ на двѣ части: 1) похвалы и 2) благодарности за улучшеніе условій воспитанія дѣтей духовенства. Но унаслѣдованной отъ матери скромности, похвалы онъ отклонилъ отъ себя, а улучшеніе условій школьной жизни приписалъ также не столько себѣ, сколько скорѣе усердію и отзывчивости самого духовенства. «Что я могъ бы сдѣлать безъ васъ?» говорилъ онъ. «Въ своемъ уединеніи я только думаю о нуждахъ нашихъ школъ, а

средства вы отыскиваете сами. Справедливо замѣтилъ здѣсь одинъ изъ васъ, что намъ завидуетъ духовенство другихъ епархій за хорошую постановку нашихъ школъ, — но честь этой доброй славы принадлежитъ вамъ, а не мнѣ. Вы оказываете мнѣ послушаніе, живемъ мы съ вами дружно, — и въ этомъ наша сила, отъ этого зависитъ и все то, что мы дѣлаемъ хорошаго». Затѣмъ, Его Высокопреосвященство замѣтилъ, что устроеніемъ общежитія при Купянскомъ духовномъ училищѣ еще не положенъ конецъ заботамъ объ учащихъ дѣтяхъ духовенства: болѣе чѣмъ пятидесяти ученикамъ семинаріи нѣтъ мѣста въ семинарскомъ корпусѣ, они въ Харьковѣ принуждены скитаться по частнымъ квартирамъ, быть въ положеніи худшемъ, чѣмъ были въ прежнее время ученики Купянскаго училища, — что причиняетъ ему и о. ректору семинаріи не мало скорбей.

Актъ закончился величественнымъ исполненіемъ народнаго гимна «Боже, Царя храни!»

Послѣ этого всѣ гости, числомъ около 140, между которыми находились предводитель дворянства Купянскаго уѣзда Курчаниновъ, предсѣдатель уѣздной земской управы Булацель, городской голова Шилинъ, Купянскій исправникъ Дельпесъ, его помощникъ и многіе почетнѣйшіе граждане Купянска, вмѣстѣ съ 22 депутатами отъ окружнаго духовенства, были приглашены къ столу. За обѣдомъ первый тостъ, провозглашенный Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора, былъ покрытъ величественнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Второй тостъ былъ провозглашенъ смотрителемъ училища за здоровье Высокопреосвященнѣйшаго основателя училищнаго общежитія — Амвросія Архіепископа Харьковскаго. Многократное пѣніе многолѣтня было отвѣтомъ на этотъ тостъ. Затѣмъ Его Высокопреосвященствомъ были произнесены тосты за здоровье произведеннаго въ тотъ день въ протоіерея, члена строительнаго комитета и помощника смотрителя Купянскаго училища И. И. Левандовскаго, архитектора Нѣмкина, подрядчиковъ, десятниковъ и всѣхъ потрудившихся въ устройствѣ новаго училищнаго корпуса до послѣдняго каменьщика. Подъ конецъ обѣда тостъ былъ произнесенъ за здоровье Его Высокопреосвященства протоіереемъ Георгіемъ Поповымъ, который просилъ Владыку принять на себя заботы еще по устройству епархіальной богадѣльни и семинарскаго общежитія, на что изъ своихъ сбереженій въ видѣ начала онъ и обѣщаль пожертвовать «полъ тысячи» рублей. Послѣ тоста, произнесеннаго въ честь

Владыки священникомъ Алексѣевымъ, Его Высокопреосвященство предложилъ тостъ за здоровье всего духовенства Харьковской епархіи. Обѣдъ окончился въ 6 часу по полудни.

На другой день Владыка совершалъ литургію въ Купянской Николаевской церкви при многочисленномъ стеченіи народа. Въ два часа дня городъ, благодарный Его Высокопреосвященству не только за оставленіе духовнаго училища въ Купянскѣ, но и за устройство общежитія, которое можетъ повліять даже и на увеличеніе городскихъ доходовъ, давалъ по постановленію думы, обѣдъ въ залѣ думскихъ засѣданій. На обѣдъ были приглашены прибывшіе гости изъ Харькова, представители мѣстной интеллигенціи и всѣ городскіе гласные. Предъ обѣдомъ г. городской голова прочелъ отъ г. Купянска адресъ Его Высокопреосвященству слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

Купянская городская Дума, являясь представительницей городского общества, осчастливленнаго Вашимъ посѣщеніемъ съ цѣлью освященія, созданнаго Вашею отеческою заботливостію, въ городѣ Купянскѣ памятника доблестнаго Вашего служенія, позволяетъ себѣ, по случаю этого столь радостнаго для насъ событія, стать предъ Вами выразительницей того искренняго чувства глубокой признательности, какимъ преисполнены нынѣ сердца всѣхъ гражданъ, за то великое благодѣяніе, какое Вашему Высокопреосвященству благоугодно было оказать нашему городу — сооруженіемъ въ немъ корпуса для общежитія духовнаго училища. Это величественное зданіе радуется сердце горожанина не потому только, что оно служитъ лучшимъ украшеніемъ родного города, но главнымъ образомъ потому, что въ нашемъ краю оно является питомникомъ и разсадникомъ лицъ, призываемыхъ быть пастырями духовнаго стада, учителями и руководителями въ духѣ религіозной нравственности, и нашими молитвенниками передъ Престоломъ Всевышняго.

Молимъ Господа, да продлитъ Онъ, Всеблагій, Ваши дни во славу Божию, въ возвеличеніе церкви и отечества, на пользу намъ и нашимъ дѣтямъ!

Вашего Высокопреосвященства, милостиваго Архипастыря и Отца признательныя духовныя дѣти: городской голова В. Шилинъ, члены управы: В. Финогеновъ, Е. Шилинъ, гласные думы: Василій Ивановъ, Петръ Шейнъ, С. Коваленко, Ив. Киричовъ, Иванъ

Рулевъ, Василій Липицкій, Павелъ Плеваченко, П. Николаевъ, А. Бершадскій, М. Куриленковъ, М. Жилинъ, Д. Молчановъ, С. Афанасьевъ, А. Жуковъ, А. Булацель, А. Васильевъ, Д. Ивановъ, Максимъ Бондаренко, А. Будаковъ, Шелкоплясовъ, Н. Сизоновъ, А. Чалышовъ, В. Кульбицкій, П. Перфильевъ, К. Чемеркинъ, Елисей Ивановъ, Николай Шостенко, Иванъ Назаренко, Я. Гогинъ.

За обѣдомъ первый тостъ за Государя Императора былъ покрытъ долго не умоляемымъ «ура»! Тостъ въ честь Его Высокопреосвященства, произнесенный г. городскимъ головою В. Шилинымъ, сопровождался многократнымъ пѣніемъ «Многая лѣта!» Затѣмъ Владыка произнесъ тостъ за процвѣтаніе Купянска. Этотъ тостъ, замѣчательный по своему содержанію и произнесенный со свойственнымъ одному ораторскому дару Преосвященнаго умѣніемъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Съ полнымъ сожалѣніемъ о невозможности буквального воспроизведенія того тоста, отмѣтимъ по крайней мѣрѣ существенныя черты его содержанія. Упомянувъ сначала о томъ, что въ теченіе своей службы Владыка не мало имѣлъ случаевъ участвовать въ обѣдахъ, даваемыхъ частными лицами различныхъ обществъ и сословій, Высокопреосвященнѣйшій ораторъ остановилъ свое вниманіе на настоящемъ обѣдѣ, какъ на единственномъ во все время его архипастырскаго служенія. Единственнымъ этотъ обѣдъ Владыка называлъ потому, что онъ давался не отдѣльными членами городского общества, не частными лицами, даже не городскою управою, а всею городскою думою, не изъ уваженія къ личнымъ только достоинствамъ Его Высокопреосвященства, а изъ уваженія къ его сану, изъ уваженія къ нему, какъ Епископу Православной Церкви, въ благодарность ему не только за сооруженіе въ г. Купянскѣ величественнаго зданія, которое служить лучшимъ украшеніемъ города, но главнымъ образомъ за оставленіе въ немъ самого духовнаго училища, которое, по выраженію адреса гражданъ, въ ихъ краѣ «является питомникомъ и рассадникомъ лицъ, призываемыхъ быть пастырями духовнаго стада, учителями и руководителями въ духѣ религіозной нравственности и молитвенниками предъ Престоломъ Всевышняго». Въ этомъ Владыка справедливо усмотрѣлъ отрадную черту сближенія не только гражданъ, но самого городского Управленія съ Православною Церковію. Прежнее отчужденіе нашихъ городскихъ управленій отъ церкви грозило нашему обществу гибелью и потому тяжело о немъ вспоминать; въ сближеніи же съ Церковію заключается вся нравственная мощь русскаго об-

щества и потому не только слѣдуетъ отмѣтить фактъ такого сближенія, но и нужно пожелать, чтобы онъ не остался одинокимъ и исключительнымъ, чтобы въ этомъ отношеніи Купянское городское управленіе послужило благимъ примѣромъ и для другихъ городскихъ управленій. Свой тостъ Его Высокопреосвященство закончилъ пожеланіемъ Купянску полнаго и всесторонняго процвѣтанія: Да процвѣтаетъ его торговля и промышленность! Да украшается онъ прекрасными строеніями и красивыми улицами! Да процвѣтаютъ его поля и луга! Да увеличиваются его благосостояніе и богатства, а паче всего—вѣра и благочестіе!.. Городской голова въ новомъ тостѣ за здоровье Его Высокопреосвященства высказалъ, что городское управленіе не можетъ несочувственно относиться къ Купянскому духовному училищу, такъ какъ въ немъ много воспитывается дѣтей купянскихъ гражданъ и въ томъ числѣ его собственный сынъ. Въ заключеніе были провозглашены тосты въ честь игумена Святогорской пустыни и о. ректора харьковской духовной семинаріи, протоіерей І. А. Кратирова. Обѣдъ окончился въ пятомъ часу вечера.

Въ 5 часовъ утра 10 сентября Его Высокопреосвященство выѣхалъ изъ Купянска, осѣняя своимъ святительскимъ благословеніемъ провожавшій его народъ.

Отъ всего сердца желаемъ, чтобы надъ Купянскимъ духовнымъ училищемъ въ точности исполнились всѣ тѣ благопожеланія, которыя были ему высказаны въ день открытія и освященія устроеннаго при немъ общежитія. Да продолжаетъ же оно достойно и съ большимъ прежняго усиліемъ служить воспитанію юношества на пользу нашей Православной Церкви и нашего дорогого отечества!..

Освященіе новаго зданія и торжественный аеть въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Торжество освященія новаго зданія въ Харьковскомъ епаріальномъ женскомъ училищѣ началось 23 сентября Божественной литургіей, которую совершилъ въ домової церкви училища Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи съ ректоромъ духовной семинаріи протоіеремъ о. Іоанномъ Кратировымъ, соборнымъ, городскимъ и владѣнскимъ духовенствомъ при стройномъ пѣніи замѣчательно удачно сформированнаго изъ воспитанницъ училища хора подъ управленіемъ

протоіерея отца Стефана Петровскаго. По окончаніи литургіи совершенъ былъ крестный ходъ изъ церкви въ новое зданіе, которое соединено теплою галлереей съ старымъ главнымъ училищнымъ корпусомъ. Здѣсь, въ обширномъ залѣ (длиною въ 72 аршина), украшенномъ портретами Государя Императора и бывшихъ Харьковскихъ архимандритовъ и декорированномъ національными флагами, отслужено было благодарственное Господу Богу молебствіе съ водоосвященіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, а также Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, «жертвовавшимъ и потрудившимся надъ сооруженіемъ зданія сего, начальствующимъ здѣ, учащимъ и учащимся». Новое зданіе окроплено было святою водою, послѣ чего всѣ присутствовавшіе приглашены были начальницей училища Е. Н. Гейцыгъ на чай, затѣмъ всѣ, во главѣ съ Владыкой, снова направились въ новый залъ, при входѣ въ который Его Высокопреосвященству начальницей училища Е. Н. Гейцыгъ поднесены были хлѣбъ-соль.

Торжественный актъ начать былъ пѣніемъ псалма «Тебе Бога хвалимъ», исполненнаго хоромъ воспитанницъ. Вслѣдъ за этимъ на кафедрѣ возшелъ почтенный инспекторъ классовъ училища протоіерей о. Никандръ Оникевичъ и прочелъ краткій, но обстоятельный отчетъ о постройкѣ зданія параллельныхъ классовъ въ училищѣ. Указавъ сначала на крайнюю и давнишнюю уже необходимость устройства такого зданія и рассказавъ въ краткихъ чертахъ тѣ многочисленныя неудобства, какія происходили отъ тѣсноты прежняго зданія, о. инспекторъ упомянулъ, между прочимъ, о той конкуренціи, которая существовала при вступительныхъ экзаменахъ, вслѣдствіе невозможности принять въ училище всѣхъ желавшихъ поступить въ него; конкуренція эта породила, между прочимъ, такое ненормальное явленіе, какъ напр. то, что ни одна почти дѣвица не могла поступить ранѣе 11-ти, а многія поступали 12-ти и даже 13-ти лѣтъ и по этой причинѣ должны были окончить курсъ 18, 19 и даже 20 лѣтъ. Въ виду этого совѣтъ училища, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, ходатайствовалъ передъ собравшимся въ сентябрѣ 1887 г. епархіальнымъ съѣздомъ объ изысканіи средствъ къ немедленной постройкѣ зданія для открытія въ немъ параллельныхъ отдѣленій, если не при всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, при трехъ штатныхъ классахъ. Съѣздъ съ большимъ сочувствіемъ принялъ это ходатайство и постановилъ на постройку предполагаемаго зданія отчислять ежегодно въ те-

ченіе 3 лѣтъ, начиная съ 1888 года изъ доходовъ епархіального свѣчнаго завода по 10,000 рублей, равно какъ и употреблять на это остатки отъ ассигнуемой на содержаніе училища суммы. Совѣтъ училища первоначально предполагалъ строить двухъ-этажное зданіе и въ немъ устроить только помѣщеніе для классовъ штатныхъ и параллельныхъ, бібліотеку, физическій кабинетъ, камеру совѣта и учительскую, а прежній корпусъ назначить исключительно для дортуаровъ воспитанницъ всѣхъ классовъ, но потомъ у Его Высокопреосвященства явилось соображеніе, что, вслѣдствіе увеличившагося уже, а въ будущемъ имѣвшаго еще болѣе увеличиться, по причинѣ естественнаго прироста населенія въ губерніи, количества духовенства въ епархіи, а также вслѣдствіе постоянно наблюдавшагося желанія и многихъ свѣтскихъ лицъ помѣщать своихъ дѣтей въ епархіальное училище, — есть основаніе думать, что даже при открытіи параллельныхъ отдѣленій во всѣхъ классахъ, всѣ классы и всѣ отдѣленія будутъ заключать въ себѣ полное штатное число ученицъ, а въ такомъ случаѣ въ старомъ корпусѣ невозможно будетъ устроить дортуаръ для всѣхъ воспитанницъ, и такимъ образомъ въ недалекомъ будущемъ придется дѣлать еще какую-нибудь постройку или пристройку; не лучше ли поэтому сразу строить трехъ-этажное зданіе, въ которомъ, кромѣ классныхъ помѣщеній, можно было бы помѣстить и часть дортуаровъ. Такъ какъ предшествовавшій епархіальный съѣздъ призналъ необходимою постройку только двухъ-этажнаго зданія и ассигновалъ средства только для такой постройки всего до 50,000 руб., а постройка трехъ-этажнаго зданія должна была стоить болѣе 100,000 руб., то Владыка пожелалъ предварительно узнать мнѣніе духовенства о томъ, какой корпусъ строить — двухъ-этажный или трехъ-этажный. Не созывая вновь епархіального съѣзда, Владыка для ускоренія и упрощенія дѣла, предложилъ обсудить этотъ вопросъ духовенству города Харькова, которое единогласно высказалось за постройку трехъ-этажнаго корпуса, въ виду чего Владыка циркулярно обратился къ духовенству епархіи, призывая его къ пожертвованіямъ на предполагаемую постройку, и духовенство заявило желаніе пожертвовать по 10 руб. отъ причта въ теченіе 4 лѣтъ, т. е. всего около 30,000 руб. 9-го декабря 1888 года, согласно ходатайству Его Высокопреосвященства, Св. Синодомъ разрѣшено было открытіе параллельныхъ классовъ. Указъ этотъ przeprowadенъ былъ Владыкою въ совѣтъ училища и послѣднимъ выслушанъ, о чемъ и составленъ отдѣльный журналъ, удостоившійся

слѣдующей резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 7 января 1889 г.: «Призываю Божіе благословеніе на благое дѣло построе- нія новаго училищнаго зданія. Да поможетъ Господь благополуч- но его окончить на пользу и утѣшеніе епархіальнаго духовенства». Дѣло съ тѣхъ поръ быстро двинулось впередъ. Епархіальнымъ архитекторомъ В. Х. Нѣминымъ выработаны планъ и смѣта про- ектированнаго зданія, а совѣтъ училища и :атѣмъ назначенная Владыкой строительная коммиссія немедленно приступили къ за- готовленію матеріаловъ и заключенію условій съ подрядчиками разныхъ работъ. Раннею весною 1889 года постройка началась и въ теченіе весны, лѣта и отчасти осени зданіе окончено вчернѣ. Съ весны 1890 г. производилась внутренняя отдѣлка зданія, ко- торая окончена была къ сентябрю, такъ что 3-го сентября можно было уже произвести приѣмные экзамены, а 10-го въ классахъ помѣщенныхъ уже въ новомъ зданіи, открыть ученіе. Устройство новаго корпуса, своею прекрасной архитектурой производящаго весьма пріятное впечатлѣніе и очевидно вполне удобнаго, со всѣ- ми его принадлежностями обойдется около 117,000 руб.; изъ этой общей суммы въ настоящее время уже уплачено поставщикамъ матеріаловъ и подрядчикамъ разныхъ работъ 106,095 руб. 62 коп. Остается еще произвести окончательный расчетъ съ нѣкоторыми поставщиками и подрядчиками за производящіяся еще работы, всего приблизительно на 10,000 руб. Средства на постройку но- ваго зданія поступили изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) 30,000 руб.—изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода; 2) 16,977 р. 57 к. пожертвовано причтами епархіи; 3) 1,000 р. пожертвовано Харьковскою Кладбищенскою Іоанно-Усѣбновенскою церковью; 4) 1,015 р. и 1,000 р. 4⁰/₀ облигаціями пожертвовано протоіереемъ Харьковской Михайловской церкви о. І. Ѳедоровымъ; 5) 10 р. по- жертвовано свящ. Александромъ Луценко и 6) 10 р.—неизвѣ- стнымъ, всего 50,012 р. 57 к.; остальные 57,083 р. 5 к. посту- пили: а) изъ остатковъ отъ содержанія училища въ послѣдніе го- ды; б) изъ различныхъ случайныхъ поступленій, перечисленныхъ въ строительныя суммы; в) изъ смѣтныхъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе училища въ текущемъ году. Изъ текущихъ же учи- лищныхъ суммъ будетъ произведенъ и указанный выше оконча- тельный расчетъ за постройку. Вслѣдствіе того, что на построй- ку позаимствована часть суммы, ассигнованной на содержаніе учи- лища въ настоящемъ году, годъ этотъ закончится съ нѣкоторымъ дефицитомъ, но этотъ дефицитъ вполне покроется имѣющею по-

ступитъ въ январѣ 1891 г. и январѣ 1892 г. суммою въ 17,000 р., составляющею пожертвованіе отъ причтовъ епархіи по 10 р. отъ каждаго, и нѣкоторыми другими, назначенными на постройку новаго корпуса суммами. Указавъ снова на то, что съ устройствомъ новаго зданія прекратятся прежнія неудобства и училище будетъ имѣть возможность, кромѣ всѣхъ желающихъ поступить въ него дѣтей духовнаго званія, принимать также и дѣвицъ другихъ сословіій, которыхъ въ настоящемъ году принято 18, о. Никандръ Онিকেвицъ заключилъ свой отчетъ благодарностью Его Высокопреосвященству, духовенству Харьковской епархіи, устроителямъ епархіальнаго свѣчнаго завода, всѣмъ другимъ жертвователямъ и, наконецъ, всѣмъ, удостоившимъ своимъ присутствіемъ настоящее училищное торжество.

Послѣ этого отчета предсѣдатель совѣта училища о. Тимофей Буткевицъ произнесъ рѣчь, которая напечатана въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

Послѣ своей рѣчи о. Т. Буткевицъ передалъ Его Высокопреосвященству ходатайство епархіальнаго духовенства объ учрежденіи при епархіальномъ училищѣ стипендіи имени Владыки.

Въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя совѣта Высокопреосвященнѣйшій Амвросій сказалъ, что во время чтенія отчета онъ вспомнилъ слова псалмопѣвца: «Работайте Господеву со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ». «Радость, по словамъ Владыки, сквозитъ, какъ въ отчетѣ о постройкѣ зданія училища, такъ и въ рѣчи о. предсѣдателя совѣта, но не надо увлекаться этой радостью, а нужно молиться, чтобы взошли духовные плоды новаго благого дѣла».

Послѣ краткой рѣчи Владыки о. ректоръ духовной семинаріи выразилъ отъ лица семинаріи глубочайшую благодарность Его Высокопреосвященству за постоянное и отеческое попеченіе о нуждахъ семинаріи и въ особенности за благое его намѣреніе устроить общежитіе для квартирныхъ учениковъ семинаріи. Нужда въ общежитіи увеличивается съ каждымъ годомъ, потому что возрастаетъ число воспитанниковъ. Назадъ тому семь лѣтъ, когда о. ректоръ поступилъ на службу въ Харьковскую семинарію, въ ней было 238 воспитанниковъ, изъ коихъ помѣщались въ главномъ зданіи семинаріи 172, теперь же въ семинаріи числятся 320 воспитанниковъ; изъ нихъ помѣщаются въ семинарскомъ общежитіи 280, тогда какъ при устройствѣ зданія помѣщеніе было рассчитано не болѣе какъ на 150 пансіонеровъ. Естественно, что

воспитанникамъ становится крайне тѣсно въ семинарскомъ корпусѣ, и правленіе семинаріи вынуждено было прекратить дальнѣйшій пріемъ пансіонеровъ, хотя по непосредственному наблюденію семинарскаго начальства, квартирная жизнь отзывается невыгодно на успѣхахъ, а отчасти и на поведеніи учениковъ. Въ заключеніе о. ректоръ выразилъ несомнѣнную увѣренность, что Харьковское духовенство отнесется съ полнымъ сочувствіемъ къ предложенію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки объ устройствѣ общежитія, потому что дѣло идетъ о благѣ дѣтей самого же духовенства и потому, что Владыка доселѣ еще не касался средствъ духовенства для удовлетворенія нуждъ семинаріи, а находилъ для сего другіе источники.

Отвѣчая на рѣчь о. ректора, Высокопреосвященнѣйшій выразился, между прочимъ, что о. ректоръ снова, какъ и другіе, хвалилъ его—Владыку, а между тѣмъ въ Харьковской семинаріи все хорошо потому, что въ ней образцовый ректоръ: Высокопреосвященнѣйшему желалось бы только оставить по себѣ такую память: «хорошо умѣлъ чужими руками жаръ загребать».

Передъ окончаніемъ торжества розданы были награды воспитанницамъ и хоръ исполнилъ народный гимнъ «Боже, Царя храни!». Затѣмъ присутствующіе приглашены были на обѣдъ, на которомъ первый тостъ за здоровье Государя Императора провозглашенъ былъ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, а второй за здоровье Владыки—предсѣдателемъ училищнаго совѣта о. Т. Буткевичемъ.

На торжествѣ присутствовали: попечитель Харьковскаго учебнаго округа т. с. Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, и. д. Харьковскаго губернскаго генералъ-маіоръ графъ А. Д. Милютинъ, начальница института благородныхъ дѣвицъ А. П. Голохвастова, инспекторъ института благородныхъ дѣвицъ т. с. Г. С. Рындовскій и другія приглашенные лица.

— 16 сентября, состоялось перенесеніе «Царскаго колокола» съ завода г. Рыжова въ Харьковскій кафедральный соборъ. Съ 7-ми час. утра на заводѣ г. Рыжова началъ собираться народъ. Къ 8^{1/2} час. собралось человѣкъ 200; къ этому времени прибыли нѣсколько волостныхъ старшинъ и урядниковъ и человѣкъ 50 сотскихъ, затѣмъ Харьковскій уѣздный исправникъ.

По установкѣ колокола на носилки и украшеніи его вѣтками зелени и цвѣтами, шествіе тронулось съ мѣста ровно въ 9 час. въ присутствіи хозяина завода г. Рыжова, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, имѣющихся при заводѣ на выставкѣ. Шествіе направлено

было на поселокъ Каменное, куда идетъ крестный ходъ съ иконой Божіей Матери. Въ дорогѣ народъ постепенно прибывалъ, такъ что къ Холодной горѣ собралась тысячная толпа. Несли попеременно, и въ несеніи участвовало вразъ не менѣе 80 чело-вѣкъ. Энтузіазмъ въ народѣ былъ полнѣйшій, встрѣчающіе — одни молились, у другихъ летѣли шапки вверхъ. Всю дорогу съ мѣста и до Холодной горы, гдѣ Озерянская церковь, впереди носилокъ находились два верховыхъ урядника, около самихъ носилокъ остальные урядники, нѣсколько волостныхъ старшинъ и сотскіе, а сзади исправникъ. На Холодной горѣ уѣздная полиція была замѣнена городской во главѣ съ помощникомъ полиціймейстера г. Рожанскимъ, провожавшимъ колоколъ къ самому собору. Сплошь отъ Холодной горы и до собора, независимо провожавшихъ и несущихъ, по тротуарамъ народу была масса, какъ при крестномъ ходѣ съ иконой Божіей Матери. Желавшихъ нести было такое множество, что у носилокъ всѣ помѣщаться не могли. Всю дорогу колоколъ сопровождалъ благочинный Харьковскихъ церквей о. Петръ Полтавцевъ. Ровно въ 11^{1/2} часовъ колоколъ былъ принесенъ къ собору, гдѣ его встрѣтилъ высокопреосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, который въ этотъ день совершалъ въ соборѣ божественную литургію. Владыка первый позволилъ три раза въ колоколъ, который издалъ пріятный, мелодическій звонъ. Для колокола въ нижней соборной церкви, направо отъ входа, устроенъ пока деревянный, обитый краснымъ сукномъ помостъ, на которомъ онъ и будетъ висѣть до поднятія его на колокольню. Въ то время, когда подвѣшивали колоколъ, хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ нѣсколько разъ пропѣлъ молитву «Спаси, Господи люди, твоя». Народъ долгое время послѣ того, какъ колоколъ былъ повѣшенъ, громадными толпами стремился въ церковь, любуясь дѣйствительно изящнымъ и оригинальнымъ видомъ «Царскаго колокола» и кладя свои лепты въ поставленную подъ нимъ кружку для сбора пожертвованій на украшеніе соборнаго храма...

— На дняхъ, на Садово-Куликовской улицѣ, совершена закладка новаго зданія Александровскаго пріюта нищенствующихъ дѣтей. Домъ, пожертвованный для пріюта нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Матушинскимъ на Кузнечной улицѣ, оказывается въ настоящее время не достаточнымъ для призрѣнія нищенствующихъ дѣтей г. Харькова съ его почти 200,000 населеніемъ. Вотъ почему въ совѣтѣ Харьковскаго Благотворительнаго Общества, по инициативѣ

начальника губерніи А. И. Петрова, возникло предположеніе о постройкѣ новаго зданія, спеціально приспособленнаго для пріюта. По плану, составленному архитекторомъ С. И. Загоскинымъ, новое зданіе имѣеть цѣлью дать здоровое и вполне гигиеническое помѣщеніе безъ всякой, однако, роскоши, для бѣдныхъ дѣтей; оно рассчитано болѣе чѣмъ на 100 человекъ.

Молебствіе по случаю закладки было совершено свящ. Благотворительнаго Общества о. Андреемъ Любарскимъ въ сослуженіи съ законоучителемъ технологическаго института свящ. о. Василиемъ Добровольскимъ, въ присутствіи Харьковскаго губернатора А. И. Петрова, вице-губернатора графа А. Д. Милютина и членовъ Благотворительнаго Общества. По окончаніи молебствія подъ однимъ изъ угловъ зданія, въ герметически запаянномъ футлярѣ положена была мѣдная доска, на которой вырѣзана слѣдующая надпись.

«Въ лѣто отъ Рождества Христова 1890 - е, сентября 9-го дня, въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III-го, въ бытность Харьковскимъ губернаторомъ тайнаго совѣтника А. И. Петрова, въ присутствіи почетной попечительницы пріюта А. Д. фонъ Галлеръ и членовъ строительной комиссіи: К. Г. Радченко, В. Г. Пономарева, Н. В. Орлова, Ф. Ф. Лезель и А. М. Кузнецова, по плану архитектора С. И. Загоскина, совершена закладка зданія Александровскаго пріюта нищенствующихъ дѣтей, сооружаемаго на средства Харьковскаго Благотворительнаго Общества».

Духовой оркестръ, состоящій изъ 25 мальчиковъ Александровскаго пріюта, подъ управленіемъ старшаго преподавателя музыкальнаго училища Х. о. И. Рус. Муз. Общества Ю. А. Юріана, по окончаніи молебствія исполнилъ гимны «Боже, Царя храни» и «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Затѣмъ оркестромъ было исполнено еще нѣсколько другихъ музыкальных №№, въ томъ числѣ маршъ Шуберта и маршъ изъ оп. «Тангейзеръ» Вагнера. Г. Юріанъ началъ заниматься музыкой съ дѣтьми только съ ноября мѣсяца прошлаго года, и можно удивляться, какихъ блестящихъ результатовъ достигъ онъ въ это короткое время. Оркестръ игралъ вполне стройно, и вообще лучшаго исполненія отъ дѣтей нельзя было и желать.

— Проживающіе въ Одессѣ штундисты обратились въ высшія правительственныя сферы, домогаясь свободы исповѣданія своей секты и безпрепятственнаго исполненія религіозныхъ обрядностей, причемъ штундисты ложно наименовали себя исповѣдующими тер-

пимое въ Россіи ученіе Евангелическихъ баптистовъ. По словамъ «Новороссійскаго Телеграфа», Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, предложеніями отъ 15 февраля и 1 августа сего года, поручило одесскому градоначальнику объявить проживающимъ въ Одессѣ штундистамъ, что всѣ указанныя ихъ домогательства удовлетворены быть не могутъ.

— Не будемъ говорить объ общеизвѣстномъ различіи между баптизмомъ и штундизмомъ, а скажемъ нѣсколько словъ о штундизмѣ. Штундисты, по единогласному показанію миссіонеровъ и вообще людей имѣвшихъ дѣло съ сектантами, подрываютъ ученіе Евангелія, утверждая, что кодексъ его не полонъ, что главное изъ него вырвано «попами», отвергаютъ крестъ и крестное знаменіе, иконы называютъ идолами, отрицаютъ обряды и т. п. Само собою понятно, что такая проповѣдь можетъ смутить не сильныхъ знаніемъ религіи простолюдиновъ, каковыхъ въ нашихъ селахъ большинство. Распространяемое ученіе о Св. Евангеліи зароняетъ сомнѣніе въ вѣрующую душу простолюдина, смущаетъ его совѣсть, колеблетъ религіозное чувство.

Примемъ во вниманіе что лжеученіе свое пропагандисты подтверждаютъ собственнымъ примѣромъ. Они дерзко посягаютъ своимъ лжеученіемъ на священное знамя православія — на святой крестъ, еще дерзостяѣе клеймятъ позорнымъ именемъ святыхъ иконы, вливая въ душу православнымъ уже не ядъ сомнѣнія, а увлекающая ихъ силой примѣра въ ересь, съ сильнѣйшимъ поруганіемъ святыни. Это уже не рознь иновѣрная, дающая возлѣ себя мѣсто другой религіи, это не подрывъ только православію, а *уничтоженіе* послѣдняго. Бурный потокъ штундизма не только увлекаетъ слабыхъ сыновъ православной церкви, но и хочетъ сокрушить самое зданіе православія.

Рознь между штундизмомъ и православнымъ не похожа на рознь, напримѣръ, между католикомъ и православнымъ. Послѣдніе могутъ жить самостоятельно, не вторгаясь одинъ въ границы другого. Штундистъ, напротивъ, не можетъ жить самостоятельно, онъ только и живетъ на счетъ православія, пбо питается православіемъ. Поэтому семейная жизнь, въ которой нашеть себѣ мѣсто штундизмъ, является величайшимъ бѣдствіемъ. Сынъ поноситъ отца и мать, отецъ и мать проклиная дѣтей, ссоры въ такой семьѣ не выводятся и союзъ любви превращается въ пріютъ злобы. Извѣстны примѣры, когда дѣти оставляли родителей, потому что послѣдніе были штундистами, когда родители горько оплакивали участь дѣтей, увлекшихся вѣтромъ лжеученія.

Общество—та же семья, только больше, многолюднѣе. Если въ семьѣ данное зло приноситъ страданіе единицамъ, то въ обществѣ страдаютъ десятки и сотни. И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ сельскихъ обществахъ, гдѣ между православными находятся штундисты? Постоянное тяготѣніе къ «своимъ», постоянная защита «своихъ» интересовъ въ партіяхъ штундистовъ противъ православныхъ производитъ застои въ дѣлахъ общества и тормозитъ всѣ добрыя начинанія лучшихъ членовъ сельской общины.

Возьмемъ для примѣра благоустройство школы на селѣ. Необходимо приговоръ общества. Штундисты никогда не подадутъ голоса за школу, за грамотность, ибо тамъ будутъ учить «попы». Чтобы не быть голословными, мы сошлемся на тѣ примѣры, когда сельчане общимъ приговоромъ высылали штундистовъ изъ своихъ обществъ, такъ какъ совмѣстная жизнь съ ними была невыслима.

Штундисты, какъ враги православія, не благонадежны и въ политическомъ отношеніи. Они утверждаютъ, будто бы распространеніе штундистскаго лжеученія будетъ санкціонировано высшею волей. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это. Аргументы, подобныя тѣмъ какіе приводятъ штундисты, не могутъ остаться безслѣдными въ сердцахъ простолюдиновъ и могутъ вызвать явленія далеко не желательныя. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ; современная печать давно уже занесла на свои страницы подробный разборъ штундистскихъ нелѣпостей. Мы обратимъ вниманіе на сознательную беззастѣнчивость и дерзость, съ какою дѣйствуютъ сектанты. Они ссылаются на авторитетъ правительства въ дѣлахъ завѣдомо ложныхъ съ цѣлію привлечь на свою сторону прозелитовъ штундизма. Какъ назвать эти дѣйствія? Но если въ общихъ случаяхъ волю правительства штундисты поставляютъ доводомъ своего лжеученія, то въ другихъ они ее не признаютъ, являясь прямыми ослушниками высшей власти. «О. С.».

— «Южн. Край». сообщаетъ, что Святѣйшій Синодъ вынужденъ принять строгія мѣры противъ распространенія баптистской пропаганды на югѣ Россіи. Начало этой пропаганды относится еще ко временамъ высылки изъ предѣловъ Россіи г. Пашкова и барона Корфа, когда многочисленные послѣдователи этихъ сектантовъ, устранившись строгихъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ главарямъ секты, удалились въ Донскую область и Закавказье. Съ тѣхъ поръ баптистская пропаганда начала распространяться съ чрезвычайнымъ успѣхомъ среди старообрядцевъ, проживающихъ на Дону. Этому обстоятельству благопріятствовало совершенно ин-

дифферентное отношеніе къ сектантамъ мѣстныхъ властей: по этому поводу викарный епископъ Моздокскій доноситъ Святѣйшему Синоду, что когда въ предѣлы викариатства прибыли изъ Екатеринославской губерніи пропагандисты секты баптистовъ, то Моздокское полицейское управленіе снабдило ихъ особыми видами, въ которыхъ было сказано, что предъявители сего, распространители сектантства между православными, слѣдуютъ туда-то и т. д. Въ виду подобныхъ случаевъ Святѣйшій Синодъ настаиваетъ на необходимости снабженія всѣхъ низшихъ и административныхъ, и полицейскихъ чиновъ инструкціею съ точнымъ обозначеніемъ ихъ обязанностей по отношенію къ различнымъ пропагандистамъ сектантства, а также о принятіи репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ завѣдомо извѣстнымъ главарямъ и распространителямъ различныхъ ученій, противныхъ господствующему въ Имперіи православному вѣроисповѣданію.

— Недѣли три назадъ прибылъ на Нижегородскую ярмарку уполномоченный братчикъ Православнаго Прибалтійскаго Братства Михаилъ Александровичъ Мельниковъ для сбора пожертвованій на построеніе перваго монастыря въ Эстляндіи, то есть въ томъ краѣ, гдѣ какъ извѣстно, православію и до сихъ поръ приходится бороться съ лютеранствомъ. Борьба эта вѣковая. Непріязненные отношенія мѣстнаго лютеранства къ православію особенно обострились со временъ Екатерины II. Борьба эта продолжается и понынѣ, съ тою разницею, что въ настоящее время она ведется болѣе скрытно.

Между Балтійскимъ моремъ и Чудскимъ озеромъ по лѣвой сторонѣ рѣки Волхова возвышается величественный холмъ. Великолепная панорама открывается съ него: съ юга къ самой его подошвѣ прилегаютъ густые лѣса, съ сѣвера и востока виднѣются вдаль горы, а у подножія ихъ сверкаютъ озера; съ запада растягивается гладь полей. Между пахотью и золотистыми нивами въ разныхъ мѣстахъ разбросаны хутора односельцевъ, тутъ же поодаль изъ купы деревьевъ возвышается красный помѣщичій домъ одного изъ мѣстныхъ бароновъ, которому и принадлежитъ большая часть окружающаго мѣстности, а также и самый холмъ. Холмъ этотъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Богородицкой горы. На эстонскомъ нарѣчій это мѣсто называется Пюхтицой, что значитъ — святое мѣсто.

Двѣсти лѣтъ назадъ, гласитъ мѣстное преданіе, явилась икона Успенія Пресвятыя Богородицы. Найдена она была вновѣрными

эстонцами и передана православнымъ обитателямъ побережья Чудскаго озера, жившимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится деревня Сыронецъ. Какъ самое мѣсто явленія, такъ и сама икона въ большомъ почитаніи не только между православнымъ населеніемъ, но и въ средѣ лютеранъ-эстонцовъ.

Косо смотрятъ на это бароны - лютеране, такъ какъ въ этомъ частію сказывается склонность мѣстнаго лютеранскаго населенія къ православію. Вообще православіе давно уже мало-по-малу проникаетъ въ среду мѣстнаго простонародья, не смотря на оппозицію и даже перѣдко открытое противодѣйствіе мѣстныхъ пасторовъ. Можно поэтому ручаться, что со временемъ, какъ говоритъ Харузинъ въ своей брошюрѣ «Богородицкая гора въ Эстляндіи», здѣсь подъ покровомъ православія долженъ совершиться процессъ срастанія фінскаго племени со славянскимъ.

У подошвы Богородицкой горы въ память явленія св. иконы православными построена еще въ прошломъ вѣкѣ небольшая деревянная часовня, вблизи которой находится Живоносный источникъ. Она не богата; созидалась она на скудныхъ средствахъ православныхъ. На верху горы, почти надъ самою часовней, горделиво воздымается готическое зданіе обширной кирки и какъ будто сяится подавить и затмить своимъ величіемъ убогую часовню. Но за то въ православной часовнѣ неугасимо сверкають лампады предъ русскою святыней, а недостроенная кирка стоитъ пустою и безмолвною. Эта кирка недостроена по распоряженію правительства, служа какъ бы памятникомъ вѣчныхъ посягательствъ нѣмечества. Изъ деревни Сыронецъ, гдѣ находится св. икона, ежегодно 15 августа совершается крестный ходъ въ часовню Богородицкой горы.

Въ настоящее время Православное Прибалтійское Братство, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества, поставило своею задачей выкупить это мѣсто—Святую гору и Живоносный источникъ изъ владѣній эстляндскихъ бароновъ и основать здѣсь первый православный монастырь, который долженъ играть важную роль, какъ оплотъ православія въ этомъ краѣ, хотя и составляющемъ часть великаго тѣла Россійской Имперіи, но по духу преданномъ чуждому намъ лютеранству.

Для выкуна требуются средства, которыми живущая тамъ горсть русскихъ людей не можетъ располагать, и потому Прибалтійское Братство обратилось ко всеобщей помощи.

На всероссійское торжище—Нижегородскую ярмарку стекается

вся денежная сила Россіи въ лицѣ всероссійскаго купечества—людей горячо преданныхъ православнои вѣрѣ. Здѣсь Прибалтійское Братство, уполномочившее своего братчика, питало надежду найти сочувствіе своему намѣренію, и не ошлбось. Русь отозвалась на призывъ своихъ братьевъ—православныхъ обитателей Эстляндіи. Для пожертвованій желанное начало положено. При этомъ мы не можемъ умолчать о ревностномъ споспѣшествованіи святому дѣлу мѣстнаго духовенства и о радушномъ содѣйствіи администрации. Въ церквахъ было возвѣщено о сборѣ на построеніе монастыря. 30 августа, въ день тезоименитства Государи Императора, въ Александро-Невскомъ ярмарочномъ соборѣ, послѣ чтенія Св. Евангелія, преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ, было сказано прочувствованное слово, въ которомъ преосвященный, между прочимъ, напомнилъ мірянамъ о томъ, что и Апостолы не гнушались собирать милостыню въ помощь бѣдной іерусалимской общины. Напомнилъ онъ также и о томъ, что Нижній Новгородъ всегда былъ отзывчивъ къ нуждамъ государства и церкви.

Храмъ былъ полонъ. Народъ въ безмолвіи выслушалъ неожиданную рѣчь владыки и затѣмъ внесъ щедрую лепту на доброе православное дѣло братчику, обходившему народъ, держа въ рукахъ блюдо съ крупною надписью: «на первый монастырь Эстляндіи». «Моск. Вѣд.».

— По поводу ходатайства одного изъ епархіальныхъ преосвященныхъ объ измѣненіи порядка охраны имущества умершихъ священно-церковно-служителей, а также ихъ женъ и дѣтей, Св. Синодъ нашель: 1) что мѣры, принимаемыя подлежащими опекунскими установленіями по имущественнымъ дѣламъ сиротъ, оставшихся по смерти подвѣдомственныхъ онимъ лицъ, сообразно правамъ состоянія послѣднихъ, ограничиваются приведеніемъ въ извѣстность имущества умершихъ, а также временнымъ управленіемъ онимъ собственно въ порядкѣ опекунскаго надзора, безъ всякаго отношенія къ тому, кто именно долженъ воспользоваться спмъ имуществомъ по праву законной на оное собственности, разрѣшеніе же въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о томъ, къ кому, по праву собственности, должно поступить то имущество, существующими законоположеніями опекунскимъ установленіямъ вовсе не предоставлено, а установленныя Высочайше утвержденнымъ 26-го іюня 1867 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и вошедшія въ пункты 3—5 ст. 80 уст. дух. конс. правила объ опекахъ надъ семействами лицъ духовнаго званія, не принадлежавшихъ къ потом-

ственному дворянству, въ существенныхъ чертахъ своихъ ни въ чемъ не отличаются отъ правилъ, установленныхъ для опекунскаго завѣдыванія имуществомъ лицъ другихъ состояній; 2) что если опекунскимъ установленіямъ, не исключая и существующихъ по духовному вѣдомству, и предоставлено составлять описи имуществу умершихъ лицъ и брать это имущество во временное свое завѣдываніе, то право это наступаетъ для названныхъ установленій не въ каждомъ случаѣ смерти какого-либо лица, оставившаго послѣ себя имущество, а лишь тогда, когда имущество умершаго находится въ такихъ условіяхъ, при наличности коихъ требуется по закону учрежденіе надъ онымъ опекунскаго управленія, принятіе же по отношенію къ оставшемуся послѣ умершаго имуществу всѣхъ охранительныхъ мѣръ, въ видахъ соблюденія интересовъ собственно тѣхъ лицъ, которыя могутъ доказать въ законномъ порядкѣ наследственныя права свои на означенное имущество, относится къ предметамъ вѣдомства не опекунскихъ, а судебныхъ установленій; 3) что посему и правила, изложенныя въ пунктахъ 3—5 ст. 80 уст. дух. вѣнс. и въ § 33 инструкціи благочиннымъ приходскихъ церквей, по буквальному своему смыслу, опредѣляя лишь порядокъ дѣйствій подлежащихъ мѣстъ и лицъ, въ чемъ оныя касаться могутъ собственно опекунскаго надзора за личностію сиротъ, оставшихся послѣ умершихъ священно- или церковно-служителей, не принадлежавшихъ къ потомственному дворянству, и за имуществомъ послѣднихъ, отнюдь не изъемятъ случаевъ открытія наследства послѣ смерти означенныхъ лицъ отъ дѣйствія общихъ узаконеній относительно охраненія сего наследства посредствомъ мѣръ, принимаемыхъ для сего подлежащими органами судебной власти, къ установленію же въ приведенномъ смыслѣ изъятія изъ общаго законодательства по отношенію къ имуществу умершихъ лицъ блага духовенства никакихъ основаній, которыя бы заслуживали особаго вниманія, не усматривается и 4) что участіе депутатовъ со стороны духовнаго вѣдомства, при охраненіи судебными властями наследства, дѣйствующими узаконеніями вовсе не требуется; а если наследники умершаго духовнаго лица въ каждомъ данномъ случаѣ найдутъ, что мѣстными мировыми судебными установленіями не подлежаще приняты мѣры къ охраненію оставшагося имущества, то отъ нихъ самихъ зависитъ обжаловать дѣйствія означенныхъ установленій, кому слѣдуетъ, установленнымъ порядкомъ.

— Въ нашей сельской жизни обнаружено недавно крайне пе-

чальное явленіе—переселеніе заводскихъ рабочихъ и крестьянъ привислянскихъ и сѣверо-западныхъ губерній за границу—въ Бразилію и въ Аргентинскую республику; въ послѣдствіи выяснилось, что эмигрируютъ и коренные русскіе люди изъ крестьянства херсонской, харьковской, полтавской и екатеринославской губерній. Почти всѣ такіе переселенцы не спрашиваютъ ничего разрѣшенія, а добираются до границы, тайкомъ переходятъ ее, а затѣмъ навсегда должны считаться потерянными для своей родины.

Въ фактъ такого переселенія возмущаетъ какъ самый способъ переселенія, имѣющаго всѣ признаки бѣгства, такъ и то, что параллельно съ вселеніемъ въ наше отечество иностранцевъ, коренные русскіе люди какъ бы принуждены покинуть родину, которая такъ нуждается въ рабочихъ рукахъ для обработки пропадающихъ теперь даромъ обширнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ земель на окраинахъ государства. Изъ исторіи извѣстно, что вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, въ старину изъ Россіи уходили раскольники цѣлыми массами, въ Польшу, Турцію; еще большими массами эмигрировали татары послѣ крымской войны, уходили нѣмцы-менониты отъ воинской повинности, уходятъ евреи, въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ того желательно; были случаи эмиграціи безземельныхъ латышей изъ прибалтійскаго баронскаго брѣя, но того, чтобы русскіе земледѣльцы-крестьяне переселялись въ чужія страны, этого еще не было у насъ и такое явленіе представляется, по меньшей мѣрѣ, уродливымъ.

Серьезныхъ причинъ къ такому переселенію нѣтъ и быть не можетъ,—здѣсь вліяетъ легковѣрность переселяющихся и ловкость агентствъ, специально занимающихся сманиваніемъ крестьянъ къ переселенію въ чужіе брѣя: переселеніе это приноситъ агентствамъ большіе барыши, а самимъ переселенцамъ—разореніе и нищету.

Намъ кажется, что отмѣченная выше форма переселенія составляетъ часть общаго переселенческаго вопроса, давно уже составляющаго предметъ заботъ и вниманія какъ правительства, такъ и общества. Еще до крестьянской реформы крѣпостные крестьяне переселялись на новыя мѣста по волѣ и при содѣйствіи ихъ помѣщиковъ, а переселеніе государственныхъ крестьянъ происходило на основаніи подробныхъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Послѣ освобожденія крестьянъ и послѣ отмѣны въ 1866 г. означеннаго устава, переселенческое дѣло долгое время оставалось безъ надлежащаго руководства со стороны закона, и происходившія движенія крестьянъ, обдѣлен-

ныхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ въ земельномъ надѣлѣ, на новыя мѣста, встрѣчали значительныя затрудненія и даже строгія преслѣдованія со стороны административныхъ властей. Но жизненные условія и потребность для малоземельныхъ крестьянъ въ переселеніи оказались сильнѣе, и, не смотря на всѣ препятствія, масса народа успѣвала уйти съ своего мѣста и заселяла многоземельныя окраины нашего отечества. По официальнымъ свѣдѣніямъ къ концу семидесятыхъ годовъ, только въ двухъ губерніяхъ, оренбургской и уфимской, считалось болѣе 110 тыс. такихъ нелегальныхъ переселенцевъ. Между тѣмъ по мѣрѣ роста населенія, увеличивалась земельная тѣснота, и переселеніе на юго-востокъ нашей Имперіи получило такіе внушительные размѣры и сопровождалось притомъ, вслѣдствіе неустройства этого почти стихійнаго движенія, такими печальными послѣдствіями для народнаго хозяйства и для самихъ переселенцевъ, нерѣдко возвращавшихся назадъ нищими послѣ неописанныхъ трудовъ и страданій, что правительство принуждено было обратить особое вниманіе на это явленіе и принять мѣры къ регулированію его. Близжайшими послѣдствіями заботъ правительства является законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніи на свободныя казенныя земли и о порядкѣ перечисленія переселенцевъ. Считаемо необходимымъ констатировать, что масса народа попрежнему двинулась съ мѣста, очертя голову, безъ вѣдома властей, при чемъ часть ихъ была остановлена на пути и водворена обратно. Едва ли можно приписать послѣднее явленіе новости закона, такъ какъ трудно повѣрить, чтобы точныя и опредѣленныя указанія закона остались неизвѣстными, хотя бы въ главномъ, именно тѣмъ, которыхъ онъ касается. Поэтому нельзя не согласиться съ объясненіемъ продолжающагося уклоненія отъ предначертаній упомянутаго закона, указывающимъ на необходимость привести въ большее соотвѣтствіе съ дѣйствительными условіями жизни и потребностями населенія нынѣ очень сложную процедуру разрѣшенія переселеній и увеличить средства, ассигнуемыя на этотъ предметъ.

Что же касается переселеній крестьянъ въ заморскія страны, то они могутъ быть прекращены чисто административными мѣрами.

— По словамъ «Сибир. Вѣстн.», въ Томскѣ въ половинѣ года прибыло 15,518 человекъ переселенцевъ. Многіе изъ переселенцевъ, прибывшихъ съ разрѣшенія правительства и назначенныхъ къ водворенію въ Маріинскій округъ, особенно же въ Богомольскую волость, возвратились въ Томскѣ, частью уѣхали на родину

(имѣвшіе на то средства), а частью отправились искать лучшія мѣста на земляхъ кабинета Его Величества, въ Алтайскомъ округѣ.

— Изъ Ахтырскаго уѣзда сообщаютъ, что тамъ получено разрѣшеніе на переселеніе 49 семействъ Краснопольской волости въ Алтайскій округъ. Каждому семейству отводится по 15 десятинъ изъ кабинетскихъ земель.

— По распоряженію высшаго правительства, установлено взимать на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, съ 15-го сентября текущаго года, пониженную плату за перевозку переселенцевъ и ихъ имуществовъ изъ внутреннихъ въ дальнія губерніи. При слѣдованіи переселенцевъ партіями или отдѣльными семействами малою скоростью, плата опредѣляется по обыкновенному пассажирскому тарифу III класса, со скидкой 75%; дѣтей до 10 лѣтъ будутъ перевозить бесплатно; за кладь псчислать плату по товарному тарифу I-го класса, а за поштучные предметы—по общему, со скидкой въ общихъ случаяхъ 75% съ означенной платы. Льготы эти примѣняются и при обратномъ слѣдованіи переселенцевъ, въ случаѣ неустройства ихъ на мѣстахъ предположенныхъ поселеній.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ возбуждаетъ вопросъ объ измѣненіи порядка существующихъ нынѣ сборовъ на постройку и ремонтъ церквей черезъ прохачей. Свѣдѣніями собранными министерствомъ, установлено, что такіе сборы составляютъ своего рода ремесло для сборщиковъ, которые, обогащаясь путемъ частной благотворительности, присваиваютъ себѣ значительную часть суммъ, которыя при другомъ способѣ сборовъ могли бы дѣйствительно идти на нужды церквей. Въ южныхъ губерніяхъ есть цѣлыя села, населенныя «новодѣдами», у которыхъ сборъ подаяній составляетъ правильно организованный промыселъ. Явившись въ извѣстный пунктъ и заручившись содѣйствіемъ причта, новодѣды покупаютъ у сельскаго схода сборную книгу, цѣна на которую колеблется отъ 150 до 300 р. Часть послѣдней суммы проливается міромъ, а часть идетъ на нужды церкви, весь же сборъ по книгѣ поступаетъ въ пользу «новодѣда», который пользуется правомъ собирать по ней въ теченіе года. Ремесло это очень выгодное, такъ какъ доставляетъ сборщику не менѣе 700—1,500 руб. въ годъ чистаго барыша; неудивительно поэтому, что и села «новодѣдовъ» въ Зеньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, похожи на богатые мѣстечки или города. Въ то же время такой порядокъ сбора пожертвованій на церковныя нужды, помимо того, что онъ противорѣчитъ правиламъ нравственности, является еще и убыточнымъ для церквей,

такъ какъ значительная часть собранныхъ суммъ поступаетъ въ пользу сборщиковъ, въ виду чего министерство внутреннихъ дѣлъ и намѣрено войти въ соглашеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ по вопросу объ изысканіи иныхъ способовъ собиранія добротныхъ пожертвованій на нужды церквей въ Имперіи.

— Отъ министерства финансовъ объявляется:

Значительное въ послѣдніе два года усиленіе поступления въ казначейства проколотой серебряной размѣнной монеты, въ связи съ характеромъ поврежденія оной, не могло не привести къ увѣренности, что порча монеты указаннымъ способомъ не обуславливается исключительно существующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи обычаемъ дѣлать изъ монеты украшенія, а, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ вызывается корыстною цѣлью извлечения изъ монеты частей заключающагося въ ней металла.

Въ видахъ огражденія интересовъ казны, какъ отъ потери металла, такъ и отъ непроизводительныхъ расходовъ по перевозкѣ и перечеканкѣ проколотой монеты, министерствомъ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, признано необходимымъ, въ виду ст. 24 Высочайше утвержденныхъ 17-го декабря 1885 года правилъ о монетной системѣ, принять нижеслѣдующія мѣры къ ограниченію обращенія проколотой монеты:

1) до 1-го января 1891 года пріемъ въ казначейства проколотой серебряной размѣнной монеты производить на прежнемъ основаніи, т. е. безъ взысканія довѣсныхъ денегъ.

2) съ 1-го января 1891 года по 1-е января 1893 года принимать проколотую серебряную монету въ платежи, согласно указанію ст. 14 и 15 прилож. I къ инструкціи казначействамъ, изд. 1878 года, т. е. со взысканіемъ за каждую недостающую долю серебра по $\frac{1}{4}$ копѣйки,—и

3) съ 1-го января 1893 г. пріемъ проколотой серебряной монеты въ казначейства вовсе прекратить.

— Крестьянскій поземельный банкъ въ минувшемъ 1889 г. насчитывалъ въ своемъ составѣ 39 отдѣленій, изъ которыхъ одно (киевское) состоитъ при учрежденіи Государственнаго банка, 13 отдѣленій дѣйствуютъ совмѣстно съ отдѣленіями Государственнаго дворянскаго земельного банка, а остальные 25 отдѣленій существуютъ самостоятельно. Какъ видно изъ вышедшаго недавно отчета крестьянскаго банка за 1889 годъ, во всѣ отдѣленія банка въ отчетномъ году поступило 1.630 заявленій о ссудахъ, по которымъ покупателями явилось 32.223 домохозяина, имѣвшіе въ составѣ своихъ се-

мействъ, въ общей сложности, 103.681 чел. мужскаго пола (включая и самихъ домохозяевъ). Упомянутыми покупщиками было заторговано 242.163 дес. 195 кв. саж. земли, на суму 8.888.329 руб. 17 к., причемъ изъ собственныхъ средствъ они полагали уплатить 1.985.065 руб. 68 к., а 6.903.263 р. 49 к. испрашивали въ ссуду. Совѣтомъ банка въ теченіе отчетнаго года были разрѣшены 1.143 ссуды, не считая 37 сдѣлокъ, разстроившихся послѣ разрѣшенія по нимъ ссудъ. Указанныя 1.143 ссуды испрашивались 25.451 домохозяиномъ, въ семьяхъ которыхъ числилось 83,891 чел. мужскаго пола; этими покупщиками было приобрѣтено 178.432 дес. 1.943 кв. саж. земли за 6.457.357 р. 65 к., изъ которыхъ 4.544.925 руб. 10 к. разрѣшены совѣтомъ банка въ ссуду, а остальные 1.812.432 р. 55 к. подлежали уплатѣ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ. Что же касается ссудъ, уже назначенныхъ къ выдачѣ въ отчетномъ году, то ихъ число достигло 922, причемъ покупщиками явились 21.448 домохозяевъ, съ составомъ семействъ въ 71.824 чел. мужскаго пола; ими было приобрѣтено 156.347 дес. земли за 4.936.006 р. 37 к., изъ которыхъ 3.692.133 р. 60 к. составляютъ ссуды банка и 1,243.872 р. 77 к. доплату покупщиковъ.

Изъ приведенныхъ въ отчетѣ подробныхъ данныхъ о ссудахъ, назначенныхъ къ выдачѣ въ минувшемъ году, усматривается, что по количеству приобрѣтенной покупщиками земли первое мѣсто принадлежитъ Могилевской губерніи (21.374 дес.); затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Смоленская (15.176 дес.), Кіевская (14.090 дес.), Новгородская (14.013 дес.), Минская (13.764 дес.), Тверская (7.035 дес.), Волынская (6.699 дес.), Симбирская (5.853 дес.) и Витебская (5.282 дес.). Въ остальныхъ губерніяхъ количество приобрѣтенной земли составляетъ отъ 52 дес. (Орловская губ.) до 4.489 дес. (Оренбургская губ.). По покупной суммѣ первое мѣсто занимаютъ Могилевская, Кіевская и Смоленская губерніи (свыше 400.000 руб.). Доплаты по назначеннымъ въ отчетномъ году къ выдачѣ ссудамъ составляли 1.243.872 р. 77 к., или 33,96% покупной цѣны. Въ счетъ указанной суммы одновременно, до совершенія купчихъ крѣпостей и въ моментъ ихъ совершенія, было уплачено 1.085.799 р. 54 к., а оставшая часть доплатъ была разрѣшена ко взносу на сроки: до 3-хъ лѣтъ—130.685 р. 23 к., до 6-ти лѣтъ—21.688 р. и на срокъ болѣе 6-ти лѣтъ—5.700 р. Приведенныя цифры доплатъ дѣлятся на безпроцентныя, составившія сумму въ 1.217.794 р. 36 коп., и процентныя, достигшія суммы 26.978 р. 41 к. (изъ 4%—8% годовыхъ). Изъ назначенныхъ въ

отчетномъ году къ выдачѣ въ ссуды 3.692.133 рублей 60 копѣекъ приходится на сроки: въ 24¹/₂ года—570.937 р. 60 к. и въ 34¹/₂ года—3.121.196 р. За все же время дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка было назначено къ выдачѣ въ ссуды 51.621,219 р. 60 к., въ томъ числѣ на 24¹/₂ года—7.032.087 р. 60 к., и на 34¹/₂ года—44.589.132 р.

Относительно имущественнаго положенія лицъ, которымъ въ отчетномъ году были выданы ссуды, въ отчетѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: покупщиковъ безземельныхъ и имѣвшихъ не болѣе 1¹/₂ дес. на душу было 16.452, имѣвшихъ отъ 1¹/₂ до 3 дес. на душу—33.010 и болѣе 3 дес. на душу—22.362. Этими лицами было приобрѣтено земли: покупателями первой изъ приведенныхъ категорій—34.986 дес., второй—70.130 дес. и третьей—51.331 дес.

Общій оборотъ крестьянскаго поземельнаго банка и его 39-ти отдѣленій, по операціямъ за 1889 годъ, опредѣлился въ 110.800.521 р. 30 к.

— Какъ извѣстно, въ началѣ 1888 г. завѣдываніе кустарными промыслами передано изъ министерства финансовъ въ министерство государственныхъ имуществъ, при чемъ на расходы по усовершенствованію и поощренію кустарной промышленности ассигновано было по 35 тыс. р. ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ. Тогда же министру государственныхъ имуществъ предоставлено ко времени утвержденія сметы на 1891 годъ составить подробныя правила объ организаціи завѣдыванія этою промышленностью. Нынѣ, сообщаютъ въ «Рус. Вѣд.», въ министерствѣ государственныхъ имуществъ на основаніи трехлѣтняго опыта уже выработаны общія начала для дальнѣйшаго систематическаго воздѣйствія правительства на улучшеніе и развитіе нашихъ кустарныхъ промысловъ. Исходя изъ того общаго положенія, что отношеніе правительства къ кустарной промышленности должно быть такое же, какъ и вообще ко всякаго рода частной предпримчивости, проявляющейся въ сферахъ сельскохозяйственной и мануфактурной, министерство полагаетъ, что оно должно ограничить свою дѣятельность по этому предмету только изученіемъ главныхъ нуждъ и потребностей кустарнаго производства, уясненіемъ наиболѣе существенныхъ причинъ и препятствій, которыя задерживаютъ его развитіе или дѣлаютъ его малоприбыльнымъ и даже убыточнымъ, и стремиться къ возможному устраненію этихъ препятствій. Въ частности, для поднятій техническаго состоянія кустарныхъ промысловъ путемъ правильнаго ремесленнаго образованія, дѣятельность министерства

должна заключаться въ подготовленіи учителей ремесль для сельскихъ школь, въ устройствѣ при такихъ школахъ мастерскихъ съ овазаніемъ пособій на пріобрѣтеніе для нихъ матеріаловъ, въ выдачѣ денежныхъ пособій на увеличеніе жалованья учителямъ и проч. Расходы по этимъ статьямъ исчислены до 20 т. р. въ годъ. Засимъ министерство предполагаетъ употреблять до 10 т. р. въ годъ на распространеніе среди кустарей полезныхъ для нихъ практическихъ свѣдѣній и знаній путемъ періодической печати, а также посредствомъ изданія руководствъ по различнымъ отраслямъ техники, составленія и изданія рисунковъ, конструкторскихъ и иныхъ чертежей и т. п. Снабженіе этими предметами, а равно и моделями улучшенныхъ орудій производства будетъ поручено устраиваемому въ настоящее время министерствомъ государственныхъ имуществъ особому кустарному отдѣлу въ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ, открытіе котораго послѣдуетъ въ концѣ нынѣшняго года. На содержаніе центрального кустарнаго музея и поддержку мѣстныхъ таковыхъ же музеевъ и складовъ предположено ассигновать 17 т. р. За сими предполагаются еще слѣдующіе расходы: 8 тыс. рублей на вознагражденіе постоянныхъ руководителей и наставниковъ по разнаго рода кустарнымъ производствамъ, на развѣдку глины и т. п., 5 т. р. на продолженіе изслѣдованій кустарной промышленности и около 4 т. р. на центральное управленіе. Всего министерствомъ предполагается исхodataйствовать на завѣдываніе кустарною промышленностью приблизительно по 60 т. р. въ годъ, начиная съ 1891 года.

— Петербургскія газеты сообщаютъ слѣдующее о коробейникѣ Трифонѣ Павловѣ. Мѣтъ десять тому назадъ московскій коробейникъ Трифонъ Павловъ задумалъ организовать собственную артель офеней, съ которыми и отправился торговать въ Болгарію. Браутушки отнеслись къ нашему соотечественнику не очень благосклонно. Павловъ перебрался въ Константинополь, гдѣ дѣла его пріняли такой блестящій оборотъ, что онъ организовалъ цѣлый караванъ, съ которымъ и направился по всей Малой Азіи. Торговый караванъ Павлова одинаково хорошо принимали въ Дамаскѣ, Брюссѣ, Діарбекирѣ, Трапезундѣ и другихъ малоазійскихъ городахъ. Путешествуя по Анатолиі и Сиріи, Трифонъ Павловъ попалъ въ вольныя казакія поселенія у озера Ванъ. Здѣсь его пріняли съ распростертыми объятіями, и Павловъ началъ совершать тамъ крупныя торговые обороты, выписывая товары изъ Одессы и другихъ пунктовъ. Въ настоящее время Павловъ крупный капиталистъ

и, не занимаясь болѣе лично развозкой товара, лишь слѣдить за дѣятельностью поставленныхъ имъ каравановъ и артелей корабейниковъ, которые распространились по всей Турціи, Арменіи и Персіи. Въ настоящее время Павловъ находится въ Россіи, куда онъ явился для переговоровъ съ фабрикантами по поводу предложеннаго имъ устройства торговыхъ складовъ на берегахъ Вана и Урмиса.

— Печальный примѣръ отсутствія инициативы, равнодушія къ развитію своихъ собственныхъ интересовъ въ дѣлѣ существенной важности приводитъ газета «Кіевлянинъ» изъ дѣятельности Кіевского сельско-хозяйственнаго общества, являющагося единственнымъ сельско-хозяйственнымъ органомъ обширнаго юга-западнаго края. Вопросъ касается возможности завязать непосредственныя сношенія между юго-западными сельскими хозяевами и французскими мукомолами; вопросъ этотъ возникъ на февральскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ и былъ порученъ для разработки особой комиссіи, которая и завязала переговоры съ французами; въ переговорахъ принялъ дѣятельное участіе парижскій агентъ министерства финансовъ г. Франкенштейнъ. Оказалось, что синдикатъ французскихъ мукомоловъ съ полной готовностью соглашается завязать непосредственныя сношенія съ нашими земледѣльцами, но предварительно необходимо исполненіе слѣдующихъ условій:

1. Синдикатъ проситъ комиссію выслать въ Парижъ образчики нашихъ хлѣбовъ.

2. Онъ проситъ также сообщить подробныя и точныя свѣдѣнія о нагрузкѣ, отпускѣ нашихъ хлѣбовъ, о фрахтахъ и всѣхъ торговыхъ обычаяхъ въ русскихъ портахъ.

3. Онъ предлагаетъ комиссіи прислать къ 16—18 сент. нов. ст. въ Парижъ двухъ делегатовъ, имѣющихъ обстоятельныя познанія по отпуску хлѣбовъ, для обсужденія поставленнаго вопроса. Казалось бы, что такія требованія не только во можно, но и легко исполнить; въ дѣйствительности же, обнаруживается здѣсь вновь и вновь наша беззаботливость; по словамъ кіевской газеты, оказалось, что на прямыя, категорическія требованія синдиката французскихъ мукомоловъ мы отвѣтить не можемъ. Требуемыхъ хлѣбныхъ образчиковъ у насъ нѣтъ, свѣдѣній о состояніи отпускной торговли нѣтъ и лицъ, которыя взяли бы на себя трудъ отправиться въ Парижъ для нужныхъ переговоровъ, тоже нѣтъ. Громадное предпріятіе, назначеніемъ котораго было проложить новые пути для русской хлѣбной торговли и значительно способствовать улучше-

нію состоянія нашихъ хозяевъ, свелось на нѣтъ, потому что въ должную минуту у насъ не оказалось ни необходимыхъ знаній, ни, главное, необходимой энергіи и желанія обстоятельно взяться за настоящее, а не бумажное только, не канцелярское дѣло». Печальное, но обычное явленіе. И вотъ что поразительно: страна наша, по преимуществу, земледѣльческая, земледѣльческое населеніе больше, чѣмъ другое терпитъ всякіе невзгоды и лишенія, а, между тѣмъ, именно среди земледѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ нашихъ встрѣчается меньше всего инициативы, предпріимчивости и энергіи.

«Хар. Вѣд.».

— Со введеніемъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ не окончилось упорядоченіе крестьянскаго самоуправленія. Дѣятельность земскихъ начальниковъ можетъ принести всю ожидаемую пользу только въ томъ случаѣ, если ближайшіе ихъ помощники—волостные старшины—явятся вполне благонадежными исполнителями обязанностей, налагаемыхъ на нихъ новыми правилами. Въ виду этого, министерство внутреннихъ дѣлъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы на должности волостныхъ старшинъ избирались люди вполне честные и добросовѣстные. При многосложности обязанностей волостного старшины послѣднему нѣтъ времени заниматься личными дѣлами, въ виду чего и является необходимость оплачивать трудъ волостныхъ старшинъ. Съ этою цѣлью, а также въ видахъ привлеченія на службу болѣе надежныхъ людей, предположено соединить наиболѣе мелкія волости въ крупныя, чѣмъ будетъ достигнуто, съ одной стороны, сокращеніе расходовъ на содержаніе волостныхъ управленій, писарей, сторожей и т. д., а съ другой—усилены будутъ средства остающихся волостей. вмѣстѣ съ тѣмъ, волостнымъ старшинамъ вмѣнено будетъ въ обязанность непремѣнно жить въ волостныхъ правленіяхъ и всегда присутствовать при разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ. Точно также, для упорядоченія волостныхъ сходовъ, предполагается лишить права участія въ нихъ уличенныхъ въ воровствѣ, неоднократныхъ буйствахъ, пьянствѣ и другихъ предосудительныхъ поступкахъ, а также оказавшихъ неповиновеніе земскому начальнику или ближайшему волостному начальству. Подобныя лица будутъ состоять какъ бы въ разрядѣ штрафованныхъ, къ которымъ, въ случаяхъ надобности, будетъ примѣняться и тѣлесное наказаніе. Въ то же время добропорядочные крестьяне будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ, чѣмъ значительно поднимется ихъ значеніе въ глазахъ общества или міра, а штра-

фованныхъ это заставить воздерживаться отъ неблаговидныхъ поступковъ.

— «Нов. Время» передаетъ, что недавно въ одномъ изъ номеровъ «Gazette du Village» д-ръ Гарнѣ опубликовалъ испытанное имъ предохранительное средство отъ холеры, состоящее изъ настоя на свѣжей, не кипяченой водѣ, корней травы, извѣстной подъ именемъ горечевки (*Uentiana*). Для настоя берутъ небольшую горсть корешковъ, рѣжутъ ихъ на мелкіе кусочки и вымачиваютъ въ графинѣ воды въ теченіе часа; затѣмъ эту воду пьютъ съ виномъ во время жажды, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. По заявленію д-ра Гарнѣ, въ Парижѣ, въ 1849 году, когда тамъ свирѣпствовала холера, онъ имѣлъ возможность констатировать массу случаевъ благотѣльнаго дѣйствія этого настоя на малокровныхъ и вообще слабосильныхъ субъектахъ, избѣжавшихъ заразы благодаря именно аккуратному употребленію указаннаго напитка. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что настой изъ одного изъ видовъ гентіаны (*Gentiana cruciata*: «бѣлый звѣробой», «петровъ крестъ», «товстуха») давно уже славится въ народной медицинѣ, какъ средство отъ болей въ спинѣ, подъ ложечкой, и его употребляютъ также отъ перемежающейся лихорадки (благодаря чему самое растеніе извѣстно во многихъ мѣстахъ Украйны подъ именемъ «лихотанника»), отъ глистовъ и даже отъ чумы и водобоязни.

НЕКРОЛОГЪ.

28 Іюля сего года въ 3 часа пополудни, послѣ пятилѣтней тяжкой болѣзни, скончался на 74 году отъ роду протоіерей Свято-Троицкой церкви села Одринки Валковскаго уѣзда, о. Димитрій Ивановичъ Сильванскій. Простудившись отъ сквозного вѣтра, на богослуженіи, въ храмѣ, на первой недѣли великаго поста сего года, покойный о. протоіерей мало обращалъ вниманія на опасность болѣзни. Борясь съ тяжкимъ своимъ недугомъ, онъ не оставлялъ богослуженія и христіанскихъ требосправленій въ приходѣ и только, по настоянію одного изъ своихъ сыновей, за мѣсяцъ до смерти, обратился къ медицинской помощи, но уже было поздно: болѣзнь приняла опасный характеръ и онъ, вручивъ себя волѣ Божіей, со дня на день безропотно ожидалъ своей смерти. Желая проститься съ любимою имъ и любящею его своею паствою и преподать ей свое послѣднее пастырское наставленіе и благословеніе, покойный о. протоіерей 29 іюля, день воскресный, послѣ литургіи, назначилъ днемъ для сей цѣли и для освященія себя таинствами исповѣди и святаго причастія и елеосвященія, но ночью съ 27 подъ 28 іюля о. протоіерею сдѣлалось очень дурно и въ сію-то

ночь онъ былъ въ послѣдній разъ въ своемъ храмѣ и папутствованъ въ загробную жизнь святыми таинствами священникомъ ближайшей церкви слободы Огульцовъ о. Михаиломъ Ольховскимъ, а чрезъ часъ послѣ сего о. протоіерей лишился способности говорить и пробывъ въ такомъ состояніи, при полномъ сознаніи, до 3 часовъ пополудни 28 іюля, мирно предалъ духъ свой Богу. Между тѣмъ почитатели его священники, узнавъ объ опасной болѣзни его, одни по зову его, а другіе безъ зова, къ 10 часамъ утра 29 іюля, явились къ нему для прощанія и для совершенія надъ нимъ таинства елеосвященія, но уже не застали его въ живыхъ: онъ былъ въ храмѣ, но уже во гробѣ. Каждый изъ священниковъ, воздавъ поклоненіе праху почившаго о. протоіеря, совершилъ о немъ литію.

Покойный о. протоіерей сынъ священника, вполсѣдствіи протоіеря, о. Іоанна Сильванскаго, священствовавшего при той же Одринской церкви. По окончаніи курса ученія въ Харьковскомъ коллегіумѣ покойный о. протоіерей обращенъ въ епархіальное вѣдомство 13 іюля 1841 года, а чрезъ годъ, 1842 года іюня 12, рукоположенъ во священника къ Іоанно-Богословской церкви села Черемушнаго Валковскаго уѣзда, 1848 года февраля 20 по прошенію перемѣщенъ къ Архангело-Михалловской церкви села Ракитнаго Валковскаго уѣзда, а 1860 года 26 апрѣля, по смерти отца, по прошенію, перемѣщенъ къ Свято-Троицкой церкви въ село Одринку. Всего покойный священствовалъ 49 лѣтъ и 1¹/₂ мѣсяца и священствовалъ достойно своего высокаго пастырскаго званія. По утвержденію отъ епархіальнаго начальства, покойный о. протоіерей проходилъ: съ 1863 г. по 1871 г. должность депутата по 2 Валковскому округу, а съ 1871 г. по 1881 г. должность благочиннаго, по выбору духовенства 2 Валковскаго округа. Съ перемѣщеніемъ въ Одринку въ 1860 г. онъ открылъ въ приходѣ на свои средства школу, въ которой съ должностію законоучителя соединялъ и должность безмезднаго наставника по 1874 годъ, съ сего года по 1884 г. содержалъ на свои средства учителя школы и на свои же средства пріобрѣталъ учебныя книги для школы. Съ 5 іюля 1884 г., съ пріятіемъ школы и учителя обществомъ на свои средства, покойный о. протоіерей остался безмезднымъ законоучителемъ и въ сей должности былъ по день смерти.

Много скорби и душевныхъ тревогъ испыталъ въ жизни покойный о. протоіерей. Въ раннихъ лѣтахъ, на 12 году своей службы, онъ лишился подруги своей жизни — своей жены. Оставшись съ малолѣтними дѣтьми, тремя сыновьями, которые нуждались въ материнскихъ заботахъ, покойный о. протоіерей, при исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, вынужденъ былъ поручать дѣтей своихъ чужому надзору и чужому попеченію, хотя, какъ чадолюбивый отецъ, онъ молитвенно всегда поручалъ ихъ судьбу путямъ Всеблагого Промысла Божія.

Покойный о. протоіерей отличался мягкостію характера, снисходительностію къ другимъ, незлобіемъ, правдивостію, кротостію, готовностію оказывать помощь нуждающимся прихожанамъ, любовію и усердіемъ къ благоуукрашенію храма, благоговѣйнымъ совершеніемъ богослуженія, нестяжательностію и особенно онъ былъ отзывчивъ къ больнымъ, къ которымъ являясь, по зову родныхъ, для напутствованія и врачеванія отъ недуговъ духовныхъ, онъ въ то же время врачевалъ ихъ своими лѣкарствами и отъ болѣзней тѣлесныхъ. Для немногихъ изъ прихожанъ онъ былъ отцомъ, благодѣтелемъ и совѣтникомъ, а какъ пастырь опытный, онъ былъ руководителемъ и многихъ священниковъ. Всегда тихій, кроткій, сосредоточенный и трудолюбивый, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе и любовь не только своей паствы, но и всѣхъ, кто зналъ его и имѣлъ къ нему какое либо отношеніе. Но снисходительный къ другимъ, онъ былъ строгъ къ себѣ: воздержность въ рѣчи, любовь къ труду, усердіе для христіанскихъ размышленій и молитвъ, скромность, всецѣлое воздержаніе отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, отрѣшеніе отъ мірскихъ развлеченій, были качествами его души и правилами его жизни. И его ревностная служба, благоговѣйное служеніе, усердіе къ благоуукрашенію храма и точная исполнительность служебныхъ обязанностей по достоинству были оценены епархіальною и высшею церковною властію: 1850 г. 17 декабря за примѣрное поведеніе и рачительность по службѣ онъ былъ награжденъ набодренякомъ; 1864 г. апрѣля 15 за ревностную службу, по должности священника, награжденъ отъ Святѣйшаго Синода скуфьею; 1869 г. іюля 25 за такую же службу награжденъ камилловкою; 1875 г. апрѣля 12 за примѣрное поведеніе и отлично усердную службу по должностямъ священнической благочиннической награжденъ наперстнымъ крестомъ; 1879 года апрѣля 25 возведенъ въ санъ протоіерея, а въ 1886 году апрѣля 13 Всемилютивѣйше сопричисленъ къ ордену святой Анны 3 степени. Въ память войны 1853—56 годовъ имѣлъ наперсный бронзовый крестъ.

Во время пребыванія тѣла почившаго о. протоіерея въ храмѣ, чтеніе Евангелія священниками весьма часто были прерываемы совершеніемъ литій объ усопшемъ, по желанію прихожанъ.

Погребеніе надъ почившимъ о. протоіереемъ 30 іюля совершалъ Благочинный, протоіерей о. Навель Лобковскій въ сослуженіи 10 священниковъ и 3-хъ діаконовъ, при пѣніи Валковскаго соборнаго хора. Въ обычное время, предъ прощаніемъ съ прахомъ почившаго, была сказана прощаніе, но глубоко прочувствованная, задушевная рѣчь священникомъ Старо-Водолажской Покровской церкви о. Григоріемъ Дьяковымъ, при произнесеніи которой не только прихожане, проникнутые любовію къ высокоправственному и достойному своему пастырю, но и посторонніе посѣтители, тронутые сердечностію рѣчи, плакали. Особенно трогательно было

прощаніе прихожанъ съ любимымъ пастыремъ: здѣсь вполне обнаружился самыя сердечныя отношенія между пастыремъ и паствою и выразилась связь, связь крѣпкая-сердечная, какая существуетъ только между отцемъ и дѣтьми: слышны были слезы и вздохи преданныхъ и облагодѣтельствоваанныхъ сердецъ: «ты—нашъ отецъ родной; ты—нашъ благодѣтель; ты—нашъ добрый наставникъ; ты—нашъ помощникъ; ты—нашъ кормилецъ и совѣтникъ; ты—нашъ врачъ и спаситель». Вотъ примѣръ для подражанія многимъ и многимъ пастырямъ! Не смотря на то, что погребеніе надъ почившимъ о. протоіереемъ совершалось въ день будничный, стеченіе народа было такъ многочисленно, что не только храмъ былъ полонъ народа, но и вся ограда была наполнена имъ: не только прихожане, но многіе изъ жителей селеній Огульцовъ, Черемушной и Старой Водолаги явились на погребеніе достойнаго служителя церкви Христовой. Гробъ почившаго, при иѣннн обычнаго канона: «помощникъ и покровитель», несли до могилы на своихъ раменахъ священники—глубокіе и сердечные почитатели его. Прихожане въ чувствахъ благодарнаго воспоминанія о добромъ пастырѣ на память и назначеніе потомству выразили желаніе устроить надъ могилою пезабвеннаго пастыря приличный надгробный крестъ съ достойною надписью. Почившій о. протоіерей, по желанію прихожанъ и дѣтей, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, погребенъ въ оградѣ на сѣверной сторонѣ оной.

Въ семействѣ почившаго о. протоіерея остались три сына, изъ нихъ средній Леонидъ и младшій Николай—священниками, а старшій Феодоръ, по увольненіи изъ средняго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, нѣкоторое время былъ сельскимъ учителемъ, а затѣмъ, по разстроеному здоровью, оставилъ должность учителя и жилъ то при отцѣ, то при младшемъ братѣ.

Изъ имущества у почившаго осталось: небольшой домъ съ усадьбою и садикомъ. Въ этомъ домѣ покойный о. протоіерей надѣялся, по исполненіи дней 50 лѣтней службы въ санѣ священника, оставивъ службу и уединясь, провести послѣдніе дни своей земной жизни въ молитвенныхъ подвигахъ и трудахъ, но благія намѣренія о. протоіерея не осуществились: Господь, Сердцевѣдецъ, по неисповѣдимымъ путямъ Своего Всеблагаго Промысла, призвалъ духъ почившаго въ вѣчность до исполненія 50 лѣтней годовщины о. протоіерея въ санѣ священника.

Денегъ у покойнаго было 500 руб., изъ коихъ: 200 руб. по завѣщанію его должны быть употреблены на погребеніе и поминаеніе его, а 300 руб. еще при жизни раздѣлены имъ по равной части между тремя сыновьями.

Миръ праху твоему, добрый собратъ, и вѣчная память, достойный служитель и труженикъ на нивѣ церкви Христовой!

1880.

Продолжается подписка на

1890.

БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ, ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

8 Р. **МИНУТА** 9 Р.
съ доставкою въ Петербургѣ. съ пересылкою по Россіи.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Вступая въ десятый годъ своего существованія, газета „Минута“, благодаря сочувствію постепенно возрастающаго круга своихъ читателей, имѣла возможнымъ въ наступающемъ 1890 году, не измѣняя своего направленія, значительно расширить нѣкоторые отдѣлы, касающіеся преимущественно общественной и государственной жизни Россіи. Удѣляя мѣсто серьезному и безпристрастному обсужденію вопросовъ дня и матеріалу для легкаго и занимательнаго чтенія, газета дастъ, въ то же время, своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій, относящихся какъ къ провинціальной, такъ и городской общественной и заграничной жизни по самымъ лучшимъ источникамъ, имѣя на этотъ предметъ увеличенный персоналъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ какъ по всей Россіи, такъ и за границую.

Подписная цѣна остается прежняя:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ (съ доставкою): На годъ 8 руб.—На 6 мѣслцевъ 4 р. 75 к. Безъ доставки 6 р. 50 к.—Съ пересылкою по РОССІИ: На годъ 9 р.—На 6 мѣс 5 руб.—ЗАГРАНИЦУ: На годъ 17 руб.—На 6 мѣс. 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно повому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородные.

Допускается *разсрочка* по одному рублю въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы уплата вносилась за мѣсяцъ впередъ и не позднѣе 25 числа истекающаго мѣсяца.

Годовые подписчики „Минуты“ могутъ получить на выборъ за одинъ рубль одну изъ слѣдующихъ художественныхъ большихъ олеографическихъ картинъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ съ лакировкой и рельефомъ (съ пересылкою)

- 1) Проводы новобранца на службу, съ карт. *Рытина*.
- 2) Смерть Ивана Сусанина, *Н. Оболенскаго*.
- 3) Крещеніе Кіевлянъ при кн. Владимірѣ, *Думитрашко*.
- 4) Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту, *Верещагина*.

Не желающіе получить олеографическія картины, могутъ получить за ту же цѣну (съ пересылкою) *роскошно изданный художественно-историческій альбомъ*

СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копии съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: *Рытина, Неврева, Шварца, Маковского, Бетли, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савицкаго, Верещагина, Сьдова, Творожникова* и друг. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку. При требованіи свыше одного избраннаго экз. картинъ или альбома, уплачивается по два р. за каждый экз. (съ пересылкой).

За редактора—издатель С. Добротѣвъ.

Адресъ главной Конторы: Спб., Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.